

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение  
высшего образования  
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при  
Президенте Российской Федерации»

*На правах рукописи*

**Зайцев Дмитрий Владимирович**

**ЛЕЛАНТСКАЯ ВОЙНА И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЭРЕТРИИ И  
ХАЛКИДЫ В АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история  
(История древнего мира)

Диссертация на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук

Научный руководитель  
кандидат исторических наук,  
доцент Д.В. Григорьев

Москва 2022

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                                                                                       |         |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------|---------|
| Введение .....                                                                                        | 3–36    |
| Глава 1. Полисы острова Эвбея в начале архаического периода .....                                     | 37–65   |
| § 1. Природно-географическая характеристика Эвбеи .....                                               | 37–50   |
| § 2. Становление эвбейских полисов и проблема «Эвбейского койне» ...                                  | 50–65   |
| Глава 2. Эвбейская колонизация и проблема взаимоотношений Эретрии и Халкиды до Лелантской войны ..... | 66–97   |
| § 1. Взаимоотношения Эретрии и Халкиды до Лелантской войны .....                                      | 66–72   |
| § 2. Эвбейская колонизация Италии и Сицилии .....                                                     | 73–88   |
| § 3. Эвбейцы на Востоке и в Эгеиде .....                                                              | 88–97   |
| Глава 3. Лелантская война .....                                                                       | 98–148  |
| § 1. Проблема характера Лелантской войны .....                                                        | 98–113  |
| § 2. Причины войны .....                                                                              | 113–117 |
| § 3. Датировка Лелантской войны .....                                                                 | 117–133 |
| § 4. Проблема союзников эвбейских полисов .....                                                       | 133–139 |
| § 5. Проблема историчности запрета на метательное оружие .....                                        | 139–148 |
| Глава 4. Итоги Лелантской войны и ее место в истории архаической эпохи .....                          | 149–167 |
| § 1. Результаты Лелантской войны .....                                                                | 149–159 |
| § 2. Значение Лелантской войны в истории архаической Эллады .....                                     | 159–167 |
| Заключение .....                                                                                      | 168–172 |
| Список использованных источников и литературы .....                                                   | 173–203 |
| 1. Источники .....                                                                                    | 173–178 |
| 2. Литература .....                                                                                   | 178–203 |
| Список сокращений .....                                                                               | 204     |
| Приложения .....                                                                                      | 205–213 |
| Приложение №1. Карты Эвбеи .....                                                                      | 203–208 |
| Приложение №2. Эвбейские монеты .....                                                                 | 209–210 |
| Приложение №3. Надписи и таблицы .....                                                                | 211–212 |
| Приложение №4. Колонии эвбейских полисов .....                                                        | 213     |

## ВВЕДЕНИЕ

**Актуальность исследования.** Одним из важнейших вопросов истории Древней Греции является становление эллинского полиса, которое пришлось на архаическую эпоху. В настоящее время исследование архаики порождает серьёзные концептуальные споры и новые оригинальные теории<sup>1</sup>. Это закономерно, ведь полис является ключевой категорией античной цивилизации, и понимание процесса его становления является принципиально важным для решения других исследовательских вопросов, связанных с классической древностью.

При этом антиковеды традиционно концентрировались на исследовании наиболее крупных и значимых полисов – Афин, Спарты, Фив, Коринфа<sup>2</sup>. Разумеется, это было вызвано объективными обстоятельствами, в частности, количеством и характером источников, отражающих историю Эллады отнюдь не равномерно. Тем не менее, в настоящий момент можно с уверенностью говорить, что концентрация на важнейших полисах постепенно уходит в прошлое. Нарастающее количество эпиграфических и археологических материалов позволяет исследователям заниматься проблемами истории большинства полисов Эллады, многие из которых, к слову, порой оказываются куда более значимыми, чем казалось на первый

---

<sup>1</sup> Разбор современных исследований по теме см. Суриков И.Е. Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Первая половина (IX–VIII вв. до н.э.) // Мнемон. Вып. 14. СПб., 2014. С. 27–50; Shapiro H.A. Introduction // The Cambridge Companion to Archaic Greece / Ed. by H.A. Shapiro. Cambridge, 2007. P. 1–9; Osborne R. Greece in the Making 1200–479. 2<sup>nd</sup> ed. London–New York, 2009. P. 1–3.

<sup>2</sup> Количество трудов, посвященных истории этих ключевых полисов, весьма внушительно и вряд ли поддается исчислению. В качестве примера, подтверждающего наш тезис, можно, например, обратиться к любому учебному пособию по истории Древней Греции и посмотреть, каким именно из греческих городов-государств отводится наибольший объем. См. например: История древней Греции / Под ред. В.И. Кузищина. М., 2005. С. 105–126; 170–186. Одна из глав второго раздела учебника посвящена формированию полисного строя в Аттике, одна – архаическому Пелопоннесу (при этом история архаической Спарты занимает столько же места, сколько история остальных полисов полуострова, в том числе Коринфа и Аргоса) и одна – характеристике политических систем афинской демократии и спартанской олигархии.

взгляд<sup>3</sup>. Следствием этого расширения источниковой базы стало заметное увеличение количества новых исследований, посвященных отдельным полисам или регионам эллинского мира<sup>4</sup>.

В русле этого направления находится и данное исследование, посвященное истории полисов острова Эвбея – Эретрии и Халкиды – в архаический период. В историографии на протяжении долгого времени им уделялось сравнительно небольшое внимание, однако после ряда археологических открытий, произошедших в середине XX в., интерес к эвбейским полисам резко возрос: стало очевидным значение Эретрии и Халкиды, как важных политических и экономических центров архаической Эллады. Несмотря на это, количество специальных монографических исследований, посвященных проблемам эвбейской истории, по-прежнему невелико. Особенно заметен этот пробел в отечественной историографии, где до настоящего времени нет ни одной монографической работы, посвященной истории Эвбеи.

Проблема межполисных отношения и, в частности, взаимоотношения Эретрии и Халкиды также избрана нами неслучайно. Она является наиболее актуальным аспектом архаической истории острова и вызывает в последнее время оживленную дискуссию в историографии. В то же время решение вопроса об отношениях эвбейских полисов влияет и на реконструкцию истории архаической Эллады вообще. Загадочная Лелантская война многими исследователями понимается как событие, повлиявшее на историю

---

<sup>3</sup> Подробнее об этом см. Morris I. *Archaeology and archaic Greek history // Archaic Greece: new approaches and new evidence*. Ed. by N. Fisher and H. van Wees. London, 1998. P. 1–92.

<sup>4</sup> Для краткости сошлемся только на некоторые современные отечественные и зарубежные монографии, посвященные архаической и классической истории отдельных полисов: Shipley G. *A History of Samos 800–188 B.C.* Oxford, 1988; Greaves A.M. *Miletos: A History*. London, 2002; Walker K.G. *Archaic Eretria. A political and social history from the earliest times to 490 B.C.* London–New York, 2004; Пальцева Л.А. *Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии*. СПб., 1999; Кулишова О.В. *Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.)* СПб., 2001; Высокий М.Ф. *История Сицилии в архаическую эпоху (ранняя греческая тирания конца VII — середины V вв. до н.э.)*. СПб., 2004; Лаптева М.Ю. *У истоков древнегреческой цивилизации: Иония IX–VI вв. до н.э.* СПб., 2009.

архаической Эллады в целом<sup>5</sup>. Таким образом, еще одна немаловажная проблема, затронутая в работе – это уровень влияния ведущих полисов архаического периода на всю систему межполисных отношений. И вытекающий из этого вопрос о цельности, системности архаической Эллады, как своеобразной политической организации.

**Степень изученности проблемы.** В настоящем разделе введения речь пойдет об общей историографии Эвбеи и Лелантской войны, которую мы будем рассматривать в контексте историографии архаической эпохи вообще<sup>6</sup>. Историография многих частных вопросов будет рассматриваться в тексте самой диссертации.

Первым периодом в истории изучения Эвбеи мы склонны полагать период с первой трети XIX века по 40-е гг. XX века. Этот период характеризуется крайней узостью источниковой базы, находившейся в распоряжении исследователей. Она была ограничена фрагментарной эллинской нарративной традицией об Эвбее и единичными эпиграфическими памятниками<sup>7</sup>. К этому времени относятся первые серьезные попытки

---

<sup>5</sup> В качестве примера мы можем вспомнить дискуссию после нашего доклада, прочитанного в Саратове на конференции «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории» в 2014 году. Один из крупнейших отечественных эпиграфистов В.П. Яйленко отметил, что пересмотр значения Лелантской войны повлечет за собой радикальную корректировку понимания многих других событий и процессов эпохи архаики, которые напрямую или косвенно связаны с этой войной. См. об этом подробнее гл. IV.

<sup>6</sup> По этой проблеме не так давно на русском языке появилась обобщающая работа И.Е. Сурикова, разделенная на две статьи. Суриков И.Е. Греческая архаика..., Он же Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Вторая половина (VII–VI вв. до н.э.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. №5. С. 52–63. Об историографии архаической Греции с характеристикой основных концептуальных работ см. Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 40–82. Есть и достаточно подробный разбор Джона Дэвиса: Davies J.K. The Historiography of Archaic Greece // A Companion to Archaic Greece. Ed. by K.A. Raafaub and H. van Wees. Oxford, 2009. P. 3–21.

<sup>7</sup> Хотя нельзя не отметить, что в конце XIX в. на Эвбее начались первые раскопки, предпринятые американскими археологами в Эретрии. Отчеты о них были опубликованы Р. Б. Ричардсоном (см. Richardson R. B. Excavation by the School at Eretria, 1891. I. Eretria: Historical Sketch // AJA. Vol. 7. №3. 1891. P. 236–246; Idem. Excavation by the School at Eretria, 1891. II. Inscriptions discovered at Eretria, 1891 // AJA. Vol. 7. №3. 1891. P. 246–253; Idem. The Temple in Eretria // AJA. Vol. 10. №3. 1895. P. 326–337 Idem. The Gymnasium at Eretria // AJA. Vol. 11. №2. 1896. P. 152–165; Idem. Sculpture from the Gymnasium at Eretria //

осмысления греческой архаики. В частности, в двадцатитомной работе Дж. Грота архаика рассматривалась как этап второстепенный по сравнению с классикой, подарившей миру демократию и грандиозные культурные достижения. С точки зрения английского историка, история Греции до середины VI в. до н.э. представляла собой жизнь изолированных полисов, весьма слабо соединенных друг с другом. Поэтому Дж. Грот в каждой главе фокусируется на отдельных областях Греции, уделяя мало внимания общегреческим процессам<sup>8</sup>. В этом труде характеристике Эвбеи и Кикладских островов посвящена всего одна глава, включающая чуть более десяти страниц. Автор обобщает письменные источники по истории полисов Эвбеи, привлекая также эпиграфический материал, на момент написания исследования не слишком обширный<sup>9</sup>. Дж. Грот анализирует природные условия и происхождение населения на Эвбее, основание эвбейских городов. Он насчитывает на острове семь крупных эллинских поселений, отмечая, что важнейшую роль играли Эретрия и Халкида<sup>10</sup>. Останавливается британский исследователь и на системе правления эвбейских полисов, отмечая господство в обоих городах олигархии<sup>11</sup>. Много внимания уделяется эвбейской системе мер и весов: Дж. Грот указывает на распространенность эвбейского таланта и предполагает важное коммерческое значение эвбейских полисов<sup>12</sup>.

Немецкие исследователи 80–90-х гг. XIX в. во многом переосмыслили существующий подход. С одной стороны, сказывалась смена оценочных координат: в отличие от британца Дж. Грота, с симпатией относившегося к демократии, немецкие историки пережили опыт строительства нового

---

AJA. Vol. 11. №2. 1896. P. 165–172; Idem. Inscriptions from Eretria // AJA. Vol. 11. №2. 1896. P. 173–195). Керамические материалы из исследований этих экспедиций обработал в середине XX в. Дж. Бордмен (Boardman J. Pottery from Eretria // BSA. Vol. 47. 1952. P. 1–48).

<sup>8</sup> Grote G. A History of Greece. Vol. 1. New York, 1892

<sup>9</sup> Grote G. Op. cit. P. 618.

<sup>10</sup> Ibid. P. 616–617.

<sup>11</sup> Ibid. P. 618.

<sup>12</sup> Ibid. P. 620–621.

национального государства и сильной авторитарной власти. Соответственно, и в греческой истории их интересовали уже другие периоды и проблемы. С другой стороны, в распоряжении немецких исследователей оказались уже не только материалы нарративных источников, но также первые эпиграфические и археологические свидетельства.

Стоит остановиться на нескольких примерах. Г. Бузольт в своей «Греческой истории» уделяет значительное место Греции микенского времени. В самой архаике его внимание привлекает, в первую очередь, Спарта, переживавшая процесс становления государства. Однако, хотя Спарта и другие полисы Пелопоннеса интересуют Г. Бузольта больше всего, в работе есть экскурсы и в историю некоторых других регионов<sup>13</sup>.

Значительным прорывом стала работа К.Ю. Белоха<sup>14</sup>. Он концентрировался уже не столько на отдельных географических регионах, сколько на общих процессах и новациях архаического времени. Конечно, в его работе и много недостатков. В частности, к ним можно отнести явную недооценку восточного влияния на греческую цивилизацию, вызванную идейными установками исследователя. Вторым важным недостатком представляется модернизаторская тенденция – К.Ю. Белох был склонен сопоставлять развитие греческих городов-государств с северонемецкими городами, входившими в Ганзу. Схожую картину мы можем наблюдать и в обобщающих трудах других крупных специалистов этого времени<sup>15</sup>.

Есть и исследователи, которые уделяли в своих работах особое внимание проблеме Лелантской войны. В частности, можно отметить труды немецких ученых А. Хольма и М. Дункера<sup>16</sup>. Эти исследователи пытались серьезно расширить перечень участников Лелантской войны, добавляя в их

---

<sup>13</sup> Busolt G. Griechische Geschichte. I. Gotha, 1893

<sup>14</sup> Белох К.Ю. Греческая история: в 2-х томах. Т. 1. М., 2009.

<sup>15</sup> См. например: Белох К.Ю. Указ. соч. Duncker M. Griechische Geschichte. I. Leipzig. 1888. S.489–491; Busolt G. Op. cit. S. 455–457; Curtius E. Griechische Geschichte. I. Berlin. 1857. S. 205.

<sup>16</sup> Holm A. Geschichte Siciliens im Altertum. Bd. 1. Leipzig, 1870; Duncker M. Geschichte des Alterthums. B. 3. Berlin, 1856.

число даже сицилийские полисы Сибарис и Кротон<sup>17</sup>. Вообще Лелантская война воспринимается в обобщающих работах как значительный конфликт, затронувший большое количество полисов.

Специальные работы по истории Эвбеи появляются в этот период времени нечасто и, в основном, они так или иначе связаны с Лелантской войной. В частности, стоит отметить статью К. Фр. Херманна<sup>18</sup>. Для немецкого историка Лелантская война была, в первую очередь, конфликтом демократии и олигархии. Исходя из этого посыла, он анализирует нарративную традицию, разделяет предположительно участвующие в войне полисы. Конечно, в настоящий момент эта концепция серьезно устарела, однако нельзя не отметить, что именно К. Фр. Херманн первым собрал основной набор письменных источников, в которых упоминается Лелантская война.

Еще одной специальной работой, посвященной истории полисов острова, стала статья Дж. Бьюри «Эвбея накануне Лелантской войны». В этой работе автор подробно останавливается на характеристике природных условий Эвбеи, отмечая, что практически все источники вплоть до средневековых описывают ее как цветущий остров<sup>19</sup>. Однако статья Дж. Бьюри представляет собой скорее общий обзор географических условий и состояния Эвбеи в VIII в. до н.э., нежели специальное исследование политической истории полисов, на ней расположенных.

Десятилетием позже появляется и первая отечественная статья, посвященная Лелантской войне<sup>20</sup>. Автор этой работы – М.И. Мандес – критически высказывается о предшествующих исследователях, которые отдавали приоритет остроумию гипотез, а не их обоснованности в

---

<sup>17</sup> Holm A. Op. cit. S. 346.

<sup>18</sup> Hermann K. Fr. Der Kampf Zwischen Chalcis und Eretria um das Lelantische Gefilde // RhMPh. 1832. №1. 84–97.

<sup>19</sup> Bury J. B. Euboea before the Lelantine War // The English Historical Review. 1886. Vol. 1, №4. P. 625–626.

<sup>20</sup> Мандес М. И. Традиция Лелантской войны // ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ: Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Ф. Е. Корша. М., 1896. С. 231–248.

источниках. Сам исследователь ставит целью критический анализ дошедшей до нас античной исторической традиции и приходит к выводу, что она совершенно не подтверждает представления современной ему историографии о значении Лелантской войны<sup>21</sup>. Сам М.И. Мандес предполагает, что под названием Лелантской войны была собрана серия пограничных конфликтов Эретрии и Халкиды<sup>22</sup>. Таким образом, Лелантская война оказывается своеобразным центром притяжения эвбейских рассказов о прошлом, но это и делает её, по мнению М.И. Мандеса, историчной. Поскольку событие, притягивающее разнообразные легенды, должно быть прочно укорененным в народной памяти, а значит реально произошедшим<sup>23</sup>.

С началом XX в. активность исследователей, занимающихся историей Эвбеи и, в том числе, проблемой Лелантской войны, возрастает. Первый обстоятельный труд, посвященный истории и топографии острова, принадлежит перу Ф. Гейера<sup>24</sup>. Он обобщает данные нарративной традиции, анализирует эпиграфический материал. Ф. Гейер составляет перечень эвбейских полисов, отмечая ведущее положение Эретрии и Халкиды. Он подробно останавливается на политической эволюции этих полисов, прослеживая олигархический, тиранический и демократический периоды в их истории. Разумеется, затрагивает немецкий ученый и проблему Лелантской войны, которую он датирует VII–VI вв. до н.э. и считает крупным общегреческим конфликтом.

Следующим после статьи М.И. Мандеса исследованием, в котором постепенно формирующаяся концепция общегреческого конфликта оспаривалась, является небольшая заметка П. Гарднера, увидевшая свет в начале XX в.<sup>25</sup> Американский исследователь также критиковал воззрения А.

---

<sup>21</sup> Там же. С. 235–236.

<sup>22</sup> Там же. С. 238.

<sup>23</sup> Там же. С. 248.

<sup>24</sup> Geyer F.P. Topographie und Geschichte der Insel Euböia im Altertum. Kap. 1. Berlin, 1902.

<sup>25</sup> Gardner P. A Numismatic Note on the Lelantian War // The Classical Review. 1920. Vol. 34. №5–6 P. 90–91.

Хольма и М. Дункера, отмечая, что чрезмерное расширение Лелантской войны и включение в нее конфликта Сибариса и Кротона является явным преувеличением. Сам П. Гарднер не считал Лелантскую войну длительной и тяжелой для ее участников, аргументируя это тем, что у Халкиды и Эретрии в VII–VI вв. сохранялась единообразная монетная чеканка<sup>26</sup>. В понимании нумизмата, Лелантская война представляла собой своеобразную рыцарскую войну греческой аристократии. Конечно, аргументация П. Гарднера уже устарела: чеканка монеты на Эвбее датируется теперь временем не ранее VI в. до н.э.<sup>27</sup>, однако критическая часть его заметки и предложенная гипотеза о характере Лелантской войны до сих пор сохраняют научную ценность и имеют сторонников.

На рубеже 1920-х гг. количество материала за счет эпиграфики и археологии настолько увеличилось, что обобщающие многотомные труды исчезают. Для одного исследователя задача охватить всю греческую историю становится невыполнимой. Основными формами работы стали отдельные монографические исследования и обобщающие работы, написанные авторскими коллективами, наиболее известной из которых является «Кембриджская история древнего мира». Мало появляется и концептуальных работ, посвященных осмыслению греческой архаики. Одним из исключений, впрочем, стала статья А. Хойсса, вышедшая впервые в 1946 году<sup>28</sup>.

Однако, в 20–40-е гг. XX в. появляется серия статей, в которых окончательно формулируется концепция Лелантской войны как общегреческого конфликта. Среди них можно отметить, в первую очередь, работы А. Бёрна<sup>29</sup> и Д. Брэдина<sup>30</sup>. Последнему принадлежит и первое

---

<sup>26</sup> Gardner P. Op. cit. P. 91.

<sup>27</sup> Parker V. Untersuchungen zum Lelantischen Krieg und verwandten Problemen der frühgriechischen Geschichte. Stuttgart, 1997. P. 12–13.

<sup>28</sup> Heuss A. Die archaische Zeit Griechenlands als geschichtliche Epoche // Zur griechischen Staatskunde. Darmstadt, 1969. S. 36–96.

<sup>29</sup> Burn A.R. Greek Sea-Power 776-540 BC and the "Carian" Entry in the Eusebian Thalassacracy-List // JHS. 1927. Vol. 47. P. 165–177; Idem. The So-Called "Trade-Leagues" in Early Greek History and the Lelantine War // JHS. 1929. Vol. 49. P. 14–37.

диссертационное исследование по истории Эвбеи, которое, правда, так и не было опубликовано<sup>31</sup>. В этих работах формулируются следующие положения. Во-первых, Лелантская война рассматривается, как крупный военный конфликт, вызвавший фактический раскол Эллады на две коалиции. Формулируется и аргументируется перечень союзников эвбейских полисов, принимавших участие в конфликте. Во-вторых, причиной войны признается не земельный голод (он, по мнению исследователей, не мог бы привести к общегреческой войне), а торговые и колонизационные интересы полисов. В-третьих, устанавливается общая датировка войны, которая с разными вариантами укладывается в период от последней четверти VII по середину VI вв. до н.э.

С этого времени начинается и последовательный рост источниковой базы, главным образом, за счет накопления археологических материалов. Первым важным событием стали раскопки, предпринятые английским археологом Л. Вулли на ближневосточном поселении Аль-Мина<sup>32</sup>. Эти исследования, проведенные в середине 30-х гг. XX в., оказали значительное воздействие на подходы к вопросу о контактах Эллады и Ближнего Востока. До работ Л. Вулли приоритет в торговле в Восточном Средиземноморье отводился финикийцам; английский же археолог отстаивал греческий характер поселения Аль-Мина. В этом с ним солидаризировался еще один крупный специалист по истории греческой колонизации Т. Данбэбин<sup>33</sup>. Против данной точки зрения выступил, однако, А. Грэйем, который резонно отмечал, что высокий процент содержания эллинской керамики, обнаруженной на поселении, не обязательно свидетельствует в пользу

---

<sup>30</sup> Bradeen D.W. The Lelantine War and Pheidon of Argos // TAPhA. 1947. Vol. 78. P. 223–241.

<sup>31</sup> Bradeen D.W. History of Chalkis to 338 BC, unpublished PhD thesis, University of Cincinnati, Cincinnati, 1947.

<sup>32</sup> Woolley L.A. Excavation at Al Mina // JHS. 1938. Vol. 58. P. 1–30; 133–170; Idem. The Date of Al Mina // JHS. 1948. v. 68. P. 148.

<sup>33</sup> Dunbabin T.J. The Greeks and their Eastern Neighbours. London. 1957.

греческого населения Аль-Мины<sup>34</sup>. Среди обнаруженных в Аль-Мине материалов, как выяснилось позднее, важное место занимала керамика эвбейско-кикладского типа; сам Л. Вулли, однако, не смог локализовать группы керамики из ранних слоев Аль-Мины, хотя и предположил, что она была произведена на одном из островов Эгеиды.

Еще до установления эвбейского происхождения греческой керамики в Аль-Мине усиленное внимание начало привлекать присутствие эвбейских полисов в Центральном Средиземноморье. В 1948 году выходит крупное исследование английского антиковеда Т. Данбэбина, посвященное колонизации греками Италии<sup>35</sup>. Важное место автор работы отводит Эвбее, отмечая, что первенство Эретрии и Халкиды в основании колоний на территории Италии совершенно неоспоримо, о чем свидетельствуют многочисленные письменные источники. Однако археологически влияние Эвбеи установить не удавалось до начала раскопок первых эвбейских колоний, Питекусс и Кум, и до локализации эвбейских типов керамики.

Все же количественное накопление материала не могло не привести к качественному прорыву, который значительно изменил оценку специалистами роли и значения эвбейских полисов в ранней греческой торговле и колонизации. Этот перелом был связан с локализацией керамики из Аль-Мины. Предположение о ее эвбейском происхождении было сделано одним из крупнейших английских археологов Дж. Бордменом<sup>36</sup>. Изучением эвбейской керамики исследователь занялся раньше: еще в 1952 году он написал фундаментальную статью, посвященную типологии эретрийской керамики, извлеченной американскими экспедициями на Эвбее в конце XIX в.<sup>37</sup> Затем, проанализировав значительные комплексы керамики из Эретрии и Халкиды и сопоставив группы керамики из Аль-Мины с эвбейскими образцами, он предположил и обосновал их эвбейско-кикладское

---

<sup>34</sup> Graham A.J. *Colony and mother city*. New York. 1964.

<sup>35</sup> Dunbabin. T.J. *The western Greeks*. Oxford. 1948.

<sup>36</sup> Boardman J. *Early Euboean pottery and history* // BSA. Vol. 52. 1958. P.1–29.

<sup>37</sup> Boardman J. *Pottery from Eretria...* P. 1–48.

происхождение. Кроме того, Дж. Бордмен высказал предположение, что именно торговые интересы эвбейцев были причиной основания Аль-Мины. Эти же идеи исследователь развивал и позднее в своих статьях и монографиях<sup>38</sup>: лейтмотивом его работ стало доказательство ведущего положения эвбейских полисов на Ближнем Востоке во второй половине VIII века до н.э. В 1990 году Дж. Бордмен заключает, что около 50% керамики из Аль-Мины имело греческое происхождение<sup>39</sup>. Несмотря на смелость этого предположения, после возобновления раскопок в устье Оронта в 1999 году и начала работ по повторному исследованию материалов, извлеченных Л. Вулли, оно кажется близким к истине. Позже, в 2006 году Дж. Бордмен проанализировал соотношение эвбейской керамики с остальными типами греческих сосудов и пришел к выводу, что она по своему объему значительно превосходила последние, достигая трех четвертей от общего количества в 750 г. до н.э. Однако количество эвбейских керамических изделий постепенно уменьшалось, и к 700 г. соотношение упало до трети<sup>40</sup>.

В целом, мы можем заключить, что первый этап в изучении полисов Эвбеи архаического времени был довольно беден на специальные обстоятельные исследования. Тем не менее, появляется ряд важных статей, лежащих в основе современных концепций эвбейской истории и Лелантской войны, а также начинаются интенсивные археологические исследования, связанные с историей острова.

Середина XX в. стала переломным периодом в исследованиях как архаики вообще, так и эвбейской истории в частности. На рубеже 1960–1970-х гг. наступает прорыв в изучении архаики. Этой эпохе посвящают свои труды крупнейшие антиковеды тех лет – М. Финли<sup>41</sup> и Ч. Старр<sup>42</sup>. Критикуя

---

<sup>38</sup> Важнейшим его обобщающим трудом стала монография: Boardman J. *The Greek Overseas. Their Early Colonies and Trade*. 3rd ed. London, 1980.

<sup>39</sup> Boardman J. *Al Mina and History*. // *OJA*. 1990. №9. P. 169–190.

<sup>40</sup> Boardman J. *Greeks in the East Mediterranean (South Anatolia, Syria, Egypt)* // *Greek Colonization*. / Ed. by. G. Tsetskhladze. Leiden-Boston. 2006. P. 507–534.

<sup>41</sup> Finley M.I. *Early Greece: The Bronze and Archaic Ages*. 2nd ed. L., 1981. (первое издание книги вышло в 1970 г.).

распространенные в то время воззрения «модернизаторов»<sup>43</sup> по поводу социально-экономического развития античной Греции, они сформировали новую концепцию, поставив в центр антиковедческих исследований социально-политическую сферу и проблему полиса. Также важным аспектом прорыва в исследовании греческой архаики стало открытие связей между архаической Элладой и Ближним Востоком<sup>44</sup>.

Затем в 1970–1980-е гг. появляется серия работ Л. Джеффри<sup>45</sup>, Дж. Бордмена<sup>46</sup>, Э. Снодграсса<sup>47</sup>, О. Меррея<sup>48</sup>, Р. Осборна<sup>49</sup>, Ф. де Полиньяка<sup>50</sup> и др., посвященных концептуальному осмыслению архаической эпохи. При этом в их работах есть заметные различия. Если Л. Джеффри предпочла отдать приоритет толкованию нарративной традиции и эпиграфики, используя археологические материалы в качестве второстепенных<sup>51</sup>, то в трудах Н. Колдстрима постулируется примат археологических источников для изучения периода до 700 г. до н.э.<sup>52</sup> Э. Снодграсс, в свою очередь, заявляет о необходимости приоритетного использования археологических

---

<sup>42</sup> Starr Ch. *The Origins of Greek Civilization, 1100–650 B.C.* L. 1962; Idem. *The Economic and Social Growth of Early Greece 800–500 B.C.* N.Y., 1977; Idem. *Individual and Community: The Rise of the Polis, 800–500 B.C.* N.Y., Oxford, 1986.

<sup>43</sup> Мы не будем подробно разбирать дискуссию об античной экономике и останавливаться на проблеме модернизации античности в историографии первой половины XX в. Подробнее об этой проблеме см. Крих С.Б. Модернизаторство в изучении истории античности // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: материалы VII межвуз. регион. науч. конф. Омск, 2004. С. 67–73. Автор доказывает, кроме прочего, что для определения «модернизаторов» и «примитивистов» вернее было бы использовать более адекватно передающие их сущность понятия: сторонники циклической и линейной концепций истории. Однако в рамках данной работы мы употребляем устоявшуюся в нашей науке терминологию.

<sup>44</sup> Одной из важнейших обобщающих работ, посвященных восточному влиянию на архаическую Грецию, стал труд В. Буркерта. См.: Burkert W. *The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age.* Cambridge, 1992.

<sup>45</sup> Jeffery L.H. *Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B.C.* London, 1978.

<sup>46</sup> Boardman J. *The Greeks Overseas: Their Early Colonies and Trade.* London, 1980.

<sup>47</sup> Snodgrass A. *Archaic Greece: The Age of Experiment.* London, 1980.

<sup>48</sup> Murray O. *Early Greece.* 2-nd ed. London, 1993.

<sup>49</sup> Osborne R. *Greece in the Making...*

<sup>50</sup> Polignac F. *de Cults, Territory and the Origins of the Greek City-State.* Chicago, 1995.

<sup>51</sup> Jeffery L.H. *Archaic Greece...*

<sup>52</sup> Coldstream N. J. *Geometric Greece, 900–700 BC.* 2-nd ed. New York–London, 2003. P. XXII–XXIII.

материалов для реконструкции всей истории архаики<sup>53</sup>. В наше время точка зрения Э. Снодграсса завоевала массу сторонников среди крупнейших западных антиковедов. Работы Р. Осборна<sup>54</sup>, О. Меррея<sup>55</sup>, И. Морриса<sup>56</sup> отличаются приоритетным вниманием к археологическим источникам. В последние десятилетия интерес к архаической эпохе не ослабевает. Она рассматривается как ключевой период в становлении греческой цивилизации во всех ее аспектах<sup>57</sup>.

Тем не менее, постепенно обострилась другая проблема – всё дальше расходятся труды историков и археологов. Археологи изучают архаику только на основании археологических материалов, предпочитая отвергать нарративную традицию как целиком недостоверную и мифологичную. Историки же, декларируя важность археологических материалов, зачастую не занимаются их серьезным анализом<sup>58</sup>.

Не обошли общие тенденции и отечественную историографию. В основном на нарративной традиции строят свои выводы петербургские антиковеды, в частности Э.Д. Фролов<sup>59</sup>, Л.А. Пальцева<sup>60</sup>, Л.Г. Печатнова<sup>61</sup>. Определенным недоверием к нарративной традиции и постулированием примата археологии отличались работы Ю.В. Андреева<sup>62</sup>. А наиболее последовательно развивал идеи Ч. Старра В.П. Яйленко<sup>63</sup>. Наконец, из более

---

<sup>53</sup> Snodgrass A. *Archaic Greece...* P. 13.

<sup>54</sup> Osborne R. *Op. cit.*

<sup>55</sup> Murray O. *Op. cit.*

<sup>56</sup> Morris I. *Burial and Ancient Society: Rise of the Greek City-State*. Cambridge, 1987.

<sup>57</sup> Shapiro H.A. *Introduction...* P. 1–9.

<sup>58</sup> Morris I. *Op. cit.* P. 2–3.

<sup>59</sup> Фролов Э.Д. *Рождение греческого полиса*. СПб., 2004.

<sup>60</sup> Пальцева Л.А. *Указ. соч.*

<sup>61</sup> Печатнова Л.Г. *История Спарты (период архаики и классики)*. СПб., 2001.

<sup>62</sup> Андреев Ю.В. *Раннегреческий полис (гомеровский период)*. Л., 1976; Он же. *Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н.э.* СПб., 2004; Он же. *Архаическая Спарта. Искусство и политика*. СПб., 2008.

<sup>63</sup> Яйленко В.П. *Архаическая Греция и Ближний Восток*. М., 1990; Он же. *Греческая колонизация VII–II вв. до н.э.* М., 1982.

поздних исследователей архаики, стоит особо отметить Х. Туманса<sup>64</sup> и И.Е. Сурикова<sup>65</sup>. В творчестве этих исследователей стоит отметить более сбалансированный подход к источниковой базе. Равное внимание уделяется и нарративной традиции, и археологическим материалам.

Поворотное значение для расширения и углубления наших знаний об эвбейских полисах архаического времени имели начавшиеся в 1964 году раскопки на территории поселения Ксерополис и некрополя Лефканди, расположенных в центральной Эвбее на юго-западе Лелантской долины. Раскопки проводили английские археологи Мервин Попхэм и Хью Саккет. Первые их результаты были опубликованы в 1967 году<sup>66</sup>, однако важнейшая, поистине революционная находка была совершена в 1981 году, когда британских археологов по заказу греческих властей проводили раскопки одного из объектов, пострадавших от нелегального строительства<sup>67</sup>. В результате учеными была открыта могила богатого эвбейца, названного условно «Герой Лефканди». В погребении, датированном IX в. до н.э., были открыты многочисленные предметы восточного происхождения. Это привело к смене оценки сроков возобновления контактов архаической Греции с Ближним Востоком в сторону их удревнения. Находки в Лефканди имели значение и для новой интерпретации периода «Темных веков» – представление о всеобщем регрессе Эллады подверглось пересмотру. Наконец, важной оказалась находка и для изменения понимания значения Эвбеи на ранних этапах греческой истории. Исследователи признали важность полисов и поселений Эвбеи уже с IX в. до н.э.

С именем М. Попхэма связано еще одно значительное открытие. В силу того, что многие исследователи продолжали выражать сомнение в эвбейском

---

<sup>64</sup> Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.). СПб., 2002.

<sup>65</sup> Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция...; Он же. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005.

<sup>66</sup> Sackett L.H., Hankey V., Howell R.J., Jacobsen T.W., Popham M.R. Prehistoric Euboea: Contributions toward a Survey // BSA. 1967. Vol. 61. P. 33–112.

<sup>67</sup> Popham M., Touloupa E., Sackett L. H. The Hero of Lefkandi // Antiquity. 1982. Vol. 56. №. 218. P. 169–174.

происхождении греческой керамики из Аль-Мины, М. Попхэм инициировал химический анализ глины, из которой была изготовлена эвбейская керамика. Хотя первый эксперимент был неудачным, он позволил уточнить методику проведения анализа, и уже второй опыт оказался успешен<sup>68</sup>. Он показал, что большая часть образцов эвбейской керамики из Лефканди, Кипра, Крита и Аль-Мины изготовлены из глины одинакового происхождения. Часть керамики из Эретрии и Аль-Мины относится к другому источнику глины, локализовать который точно не удалось. Таким образом, опыты, инициированные М. Попхэмом, сделали ещё более вероятной версию об эвбейском происхождении основных видов греческой керамики из Аль-Мины.

Помимо английских экспедиций, на территории Эвбеи с 1960-х гг. начинают работать швейцарские археологи. Основным местом их работы стала Эретрия, что привело к публикации серии работ, посвященных истории и культуре этого полиса<sup>69</sup>. При этом, большинство швейцарских исследователей занимаются религиозной жизнью Эретрии: это следствие того, что раскопки храмов занимают важнейшее место в их археологических исследованиях. Тем не менее, находится место и другим аспектам жизни эвбейских полисов<sup>70</sup>.

В середине XX в. в историографии выкристаллизовалась сохраняющая отчасти популярность и сейчас концепция Лелантской войны как длительного общегреческого конфликта, который был вызван торговыми

---

<sup>68</sup> Popham M., Hatcher H., Pollard A.M. Al Mina and Euboea. // BSA. 1980. Vol. 75. P. 151–161; Popham M., Hatcher H., Pollard A.M. Euboean Export to Al Mina, Cyprus and Crete: a Reassessment. BSA. 1983. Vol. 78. P. 281–290.

<sup>69</sup> Mazarakis Ainian A. Geometrik Eretria. // AK. 30. 1987. P. 3–24; Knoepfler D. Le heros Narkittos et le systeme tribal d'Eretrie // Euboica. L'Eubea e la presenza euboica in Calcidica e in Occidente. Napoli. 1998. 105–108; Huber S. Les Fouilles dans le Sanctuaire d'Apollon a Eretrie 1992 // AK. 1993. № 36. 122–125; Idem. Fouilles dans le sanctuaire d'Athena sur l'acropolr d'Eretrie // AK. 2008. 51. 148–153; Idem. Un mystere resolu: Athena sur l'acropole d'Eretrie // AK. 2007. 50. 120–129.

<sup>70</sup> Auberson P. and Schefold K. Führer durch Eretria. Berne. 1972.

интересами враждующих полисов<sup>71</sup> либо земельным голодом<sup>72</sup>. Осторожные пояснения о гипотетическом характере наших знаний позволяли исследователям строить самые разнообразные предположения и связывать Лелантскую войну с другими военными столкновениями архаического времени. Например, У. Дж. Форрест предполагал, что участниками Лелантской войны могли быть Спарта и Мессения. По его мнению, частью конфликта на Эвбее можно было считать Первую Мессенскую войну<sup>73</sup>. При этом подобное единство мнений в определении характера войны не способствовало преодолению разногласий в других вопросах. Проблемы определения состава участников конфликта, длительности войны, победителя – все это продолжало вызывать споры<sup>74</sup>.

Второе направление историографии, который продолжает существовать во второй половине XX века – это критический подход к Лелантской войне. В крайне форме скептический, а, скорее, гиперкритический взгляд проявился в статье немецкого исследователя Д. Фелинга, доказывавшего, что вся традиция о Лелантской войне выросла из неудачной интерпретации античными историками одного из произведений Архилоха<sup>75</sup>. Этим воззрениям немецкого исследователя дана вполне убедительная и справедливая критика в работах В. Паркера и Х. Туманса<sup>76</sup>.

Количество серьезных монографических исследований и специальных сборников статей по проблемам истории Эвбеи во второй половине XX века

---

<sup>71</sup> Bradeen D. The Lelantine War...; Idem. History of Chalkis...; Burn A.R. Greek Sea-Power...; Idem. The So-Called "Trade-Leagues"...; Forrest W.G. Colonization and the Rise of Delphi // *Historia*. 1957. Bd.6. Hf.2. S. 160-175; Жестоканов С.М. Лелантская война // *Parabellum!* 2000. №12. С. 6–12.

<sup>72</sup> Geyer F. Op. cit.; Lambert S.D. A Thucydidean Scholium on the "Lelantine War" // *JHS*. 1982. Vol. 102. P. 216–220; Snodgrass A. Archaic Greece...; Parker V. Untersuchungen... S. 153–160; Coldstream J.N. Greek Geometric Pottery. A Survey of ten Local Styles and their Chronology. 2nd ed. Bristol, 2008.

<sup>73</sup> Forrest W.G. Op. cit. P. 161–162.

<sup>74</sup> Краткий обзор точек зрения см. Tausend K. Lelantische Krieg – ein Mythos? // *Klio*. 1987. Bd. 69. H. 2. S. 499–514.

<sup>75</sup> Fehling D. Zwei Lehrstücke über Pseudo-Nachrichten (Homeriden, Lelantischer Krieg) // *Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*. 1979. Bd. 122. Hf. ¾. S. 193–210.

<sup>76</sup> Parker V. Untersuchungen... P. 12–13; Туманс Х. Рождение Афины... С. 122–124.

растет<sup>77</sup>, хотя целый ряд диссертаций так и не был опубликован<sup>78</sup>. Одной из опубликованных в последние десятилетия монографических работ по истории архаической Эвбеи является книга австралийской исследовательницы Кейт Уокер «Архаическая Эретрия», вышедшая в 2004 году<sup>79</sup>. Труд К. Уокер достаточно фундаментален. В нем она останавливается на общей характеристике природы, населения, экономики Эвбеи, дискутируя с рядом положений, высказанных другими исследователями по данным вопросам. Важнейшую часть ее труда составляет исследование политической истории Эретрии. Она подробно анализирует немногочисленные сведения об олигархии и тирании Диагора, делая при этом, слишком смелые и необоснованные выводы из имеющихся довольно скудных источников. И в целом труд К. Уокер отличается недостаточной аргументированностью наиболее смелых предположений, о которых речь пойдет ниже.

Кроме труда К. Уокер стоит особенно отметить монографию В. Паркера, специально посвященную истории Лелантской войны<sup>80</sup>. Американский исследователь, издавший работу в Германии, подробно рассматривает все аспекты Лелантской войны и считает ее столкновением крупных коалиций. Его труд можно считать наиболее обстоятельным изложением традиционной концепции глобальной Лелантской войны. Собственно, и в рецензиях<sup>81</sup> на работу В. Паркера было отмечено, что он рассматривает эвбейские полисы, как полисы классического, но не

---

<sup>77</sup> Bakhuizen S.C. Chalkis-in-Euboea, Iron and Chalkidians Abroad. Leiden. 1976; Idem. Studies in the topography of Chalkis on Euboea: a discussion of the sources. Leiden, 1985; Euboica. L'Eubea e la presenza euboica in Calcidica e in Occidente. Napoli. 1998

<sup>78</sup> Bradeen D.W. History of Chalkis...; Vedder R. G. Ancient Euboea: studies in the history of a greek island from earliest time to 404 B.C. unpubl. PhD thesis, The University of Arizona. Michigan, 1978. К сожалению, так и остались недоступными нам следующие труды: Wallace W.P. The History of Eretria to 198 BC. unpubl. PhD thesis, John Hopkins University, Baltimore, 1936; Jacobsen T.W. Prehistoric Euboea. unpubl. PhD thesis, University of Pennsylvania, Philadelphia, 1964.

<sup>79</sup> Walker K.G. Op. cit.

<sup>80</sup> Parker V. Untersuchungen...

<sup>81</sup> Vliet E.Ch.L. van der. Rev.: Parker V. Untersuchungen zum Lelantischen Krieg und Verwandten Problemen der fruegriechischen Geschichte. Stuttgart, 1997 // Mnemosyne. 2001. Vol. 54. Fasc. 1. P. 114–118.

архаического времени, постулируя наличие у них последовательной внешней политики и ресурсов для ведения длительной войны.

Не так давно с критикой традиционной концепции Лелантской войны выступил Дж. Холл. Посвятив войне на Эвбее первые страницы своего достаточно масштабного труда<sup>82</sup>, автор рассмотрел основные положения устоявшейся в историографии концепции Лелантской войны и упрекнул ее в недостатке аргументов. Начинает Дж. Холл с указания на то, что имеющаяся у нас традиция является разновременной и включает в себя сочинения авторов, разделенных сотнями лет. Более того, если сам факт пограничного конфликта между эвбейскими полисами вполне реален, то картина глобальной войны между двумя коалициями построена на общей убежденности исследователей в возможности существования постоянных устойчивых союзов в архаической Элладе, с чем американский исследователь не согласен. Подобная убежденность позволяет ученым использовать упоминания о самых разнообразных конфликтах архаического времени для построения собственной картины Лелантской войны, а также дает основания для включения в нее тех или иных полисов только на том основании, что они воевали или дружили с названными в источниках участниками войны.

Что касается археологических материалов, то они, с точки зрения Дж. Холла, вряд ли могут служить убедительным доказательством историчности глобальной Лелантской войны. Причин этому несколько. Во-первых, исследование археологических памятников Эвбеи далеко от своего завершения. Поселение Ксерополис/Лефканди изучено не полностью, и текущий материал, с точки зрения Дж. Холла может означать как его разрушение, так и перестройку. Халкида и вовсе не может быть исследована в обозримом будущем. Во-вторых, те археологические факты, которые привлекаются к реконструкции Лелантской войны, могут быть истолкованы

---

<sup>82</sup> Hall J.M. A History of the Archaic Greek World, ca. 1200–479. Oxford, 2014. P. 1–8. Мы ссылаемся на второе издание работы Дж. Холла, которое имеется в нашем распоряжении. Первое увидело свет в 2007 году.

другим образом. Например, богатые захоронения аристократов в Эретрии не обязательно свидетельствуют об их связи с Лелантской войной, как иногда считают специалисты<sup>83</sup>. Эти погребения могут иметь отношение к событиям истории Эретрии, о которых источники нам просто не сообщают.

Такова, в общих чертах, критика Дж. Холла. Надо сказать, что нам импонирует общий вывод автора, который предлагает рассматривать Лелантскую войну как серию локальных конфликтов, к которым периодически присоединялись и другие полисы<sup>84</sup>. Тем не менее, далеко не все критические замечания американского исследователя в отношении античной традиции и интерпретации археологических данных видятся нам справедливыми, о чем мы скажем в основной части работы.

Идеи Дж. Холла уже нашли своих последователей. Не так давно, в 2011 г., греческая исследовательница К. Хараламбиду попыталась в одной из своих работ реконструировать историю Эвбеи VII в. до н.э., не прибегая к гипотезе Лелантской войны<sup>85</sup>. В качестве материала для сравнения она использовала Аттику, где в VII в. до н.э. наблюдается археологическая картина, сходная, по мнению греческой исследовательницы, с эвбейской. Однако Аттика по оценкам исследователей не принимает активного участия в колонизации и не становится ареной войны, сходной с Лелантской. К. Хараламбиду опирается на известную работу И. Морриса<sup>86</sup>. Но нам ее подход не кажется оправданным. Действительно, Афины VII в. до н.э. вряд ли могли быть ареной для крупного общегреческого конфликта<sup>87</sup>. Однако

---

<sup>83</sup> Bérard C. L'Hérôon à la Porte de l'Ouest // Eretria Fouilles et recherches III. Bern, 1970. P. 68–70; Murrey O. Op. cit. P. 79.

<sup>84</sup> Hall J. Op. cit. P. 8.

<sup>85</sup> Charalambidou X. Developments in Euboea and Oropos at the end of the “Dark Ages” (CA. 700 to the mid seventh century BC) // The «Dark Ages» Revisited, Acts of an International Symposium in Memory of William D.E. Coulson, University of Thessaly, Volos, 14-17 June 2007. Volos, 2011. P. 831–855.

<sup>86</sup> Morris I. Burial and Ancient Society...

<sup>87</sup> Хотя, если воспользоваться логикой Дж. Холла, можно предположить, что подобная археологическая картина в Аттике связана с одним из политических катаклизмов, о которых мы ничего не знаем. В конце концов, почему сходство археологических данных используется для доказательства отсутствия войны на Эвбее, а не наоборот?

внутриполитическое положение полиса в это время было не самым стабильным. Именно этим временем датируются отмеченные нарративной традицией Килонова смута, принятие законодательства Драконта, война с Мегарами<sup>88</sup>. Отметим, кстати, что невнимание К. Хараламбиду к таким деталям можно объяснить самой опорой на труд И. Морриса, которого иногда критикуют за весьма неохотное обращение к нарративной традиции<sup>89</sup>. Впрочем, также нельзя не согласиться с тем, что основания для интерпретации археологических материалов с Эвбеи, доказывающих историчность Лелантской войны, являются очень шаткими.

В последние годы произошла также реабилитация мысли, высказанной еще П. Гарднером. Это идея об аристократическом, рыцарском характере Лелантской войны, в поддержку которой выступает ряд современных исследователей<sup>90</sup>. Концепция заключается в том, что Лелантская война, являвшаяся общегреческим локальным конфликтом, была формой репрезентации аристократии, заключавшейся в подражании гомеровской этике поведения и гомеровским способам ведения войны в условиях архаического греческого общества<sup>91</sup>. Соответственно, участвовали в Лелантской войне не полисные ополчения, а отряды знатных эллинов, стремившихся укрепить свое положение и добиться славы с помощью военных подвигов. Именно этим фактом объясняются длительность войны и

---

<sup>88</sup> Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция... С. 45, 75; Он же. Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008. С. 35–38; Туманс Х. Рождение Афины... С. 180–203; Пальцева Л.А. Указ. соч. С. 247–257.

<sup>89</sup> Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция... С. 45–46.

<sup>90</sup> Tausend K. *Lelantische Krieg*... S. 507–514; Idem. *Amphiktyonie und Symmachie. Formen zwischenstaatlicher Beziehungen im archaischen Griechenland*. Stuttgart, 1992. S. 137–146; Crielaard J.P. *Cult and Death in Early 7-th Century Euboea: the Aristocracy and the Polis // Nécropoles et Pouvoir. Idéologies, pratiques et interprétations. Actes du colloque Théories de la nécropole antique, Lyon 21–25 janvier 1995*. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 1998. P. 43–58; Туманс Х. Рождение Афины... С. 122.

<sup>91</sup> Отметим, что эта концепция находится в тесной связи с современными реконструкциями возникновения греческого алфавита. Например, Б. Пауэлл считает, что адаптация финикийской письменности была делом рук эвбейцев, стремившихся зафиксировать гомеровские поэмы. Лелантская же война послужила катализатором этого процесса, ведь собравшиеся воевать за эвбейскую долину аристократы были завидной аудиторией для исполнителей поэм. См. Powell B.B. *Homer and the Origin of the Greek Alphabet*. Cambridge, 1991. P. 231–233.

количество участвовавших в ней полисов: Х. Туманс считает, что столкновения крупных военных ополчений не могли бы продолжаться в течение длительного времени, так как либо война быстро завершилась бы победой одной из сторон, либо эвбейцы истребили бы друг друга<sup>92</sup>.

Наконец, совсем недавно вышло еще несколько работ, посвященных Лелантской войне. В 2013 году в Чикаго была защищена работа Н. Бершадски, посвященная пограничным войнам в архаическое время, в том числе и Лелантской войне<sup>93</sup>. А в 2018 г. основные положения этой работы нашли отражение в специальной статье<sup>94</sup>. Суть концепции сводится к тому, что в Лелантской войне мы видим мифологический конструкт, центральной частью которого являются легендарные предки эвбейского населения – куреты и абанты. Н. Бершадски пытается привязать к этому мифу все имеющиеся свидетельства нарративной традиции. В целом, можно сказать, что подход американской исследовательницы лежит в русле направления, которое задал Дж. Холл. Она полностью отказывается от анализа археологических материалов и не рассматривает возможные исторические истоки нарративной традиции о Лелантской войне.

Таким образом, исходя из произведенного обзора историографии, мы можем прийти к следующим выводам. Во-первых, исследование Эвбеи делится на два этапа: конец XIX — первая половина XX вв. и вторая половина XX – начало XXI вв. Первый этап характеризуется узостью источниковой базы и вызванной этим ограниченностью сюжетов эвбейской истории, к которым обращались исследователи. На втором этапе ситуация значительно изменилась, что было вызвано активными археологическими раскопками и соответствующим расширением источниковой базы. Во-вторых, эвбейская проблематика по-прежнему вызывает оживленные и

---

<sup>92</sup> Туманс Х. Рождение Афины... С. 122. Прим. 35.

<sup>93</sup> Bershadsky N. Pushing the Boundaries of Myth: Transformation of Ancient Border Wars in Archaic and Classical Greece. Unpubl. PHD thesis. Chicago, 2013. P. 44–161.

<sup>94</sup> Idem. Impossible Memories of the Lelantine War // *Mètis. Anthropologie des mondes grecs anciens*. 2018. №16. P. 191–213.

острые дискуссии в историографии. Эти споры часто находятся на концептуальном уровне. Оценки эвбейской истории и Лелантской войны очень сильно зависят от восприятия исследователем архаической греческой истории как таковой. Соответственно, наше исследование призвано заполнить важную нишу в историографии. Мы стараемся отойти от гиперкритических позиций современной историографии, которая остро делится на археологические и исторические работы. Первые ограничиваются археологическим контекстом, вторые уделяют внимание исключительно традиции о Лелантской войне, отказываясь даже рассматривать возможность исторического события. При этом, гиперкритические работы последних лет изменили историографию. Теперь невозможно рассмотрение Лелантской войны без учета всей сложности проблемы, слишком смелая и неаккуратная привязка к ней археологических материалов. Необходим не только анализ доходящих до нас в нарративной традиции фактов, но и понимание того, как эти факты могли дойти до античных авторов и какое место в их трудах они занимали.

**Источниковая база** исследования делится на несколько основных групп. Это нарративные, археологические, эпиграфические и нумизматические источники. Надо отметить, что архаический период вообще находит в источниках довольно слабое отражение. Особенно это касается нарративной традиции. У нас нет исторических трудов, написанных до середины V в. до н.э., и единственным источником, современным изучаемому периоду, является поэзия. Следовательно, необходимо обращение к более поздним текстам, а также к данным археологии и эпиграфики. Только комплексный анализ источников позволяет изучать архаическую эпоху.

В нарративных источниках, как уже было упомянуто, не слишком часто можно встретить информацию, относящуюся к истории Эвбеи. Для нас интерес представляют следующие группы источников. Во-первых, архаическая поэзия. Для нашего исследования ценны, в первую очередь,

отдельные фрагменты эпических поэтов – Гомера<sup>95</sup> и Гесиода<sup>96</sup>, лириков – Архилоха<sup>97</sup> и Феогнида Мегарского<sup>98</sup>. При этом нельзя отказываться и от анализа других поэтических произведений, дающих ценную информацию о способах ведения боя<sup>99</sup>, ценностных установках аристократии архаического времени<sup>100</sup>, политических процессах, характерных для этого периода греческой истории<sup>101</sup>.

Итак, поэзия важна для цели данного исследования, во-первых, редкими прямыми упоминаниями событий, связанных с историей эвбейских полисов. Эти фрагменты дают информацию, современную изучаемому периоду, хотя и очень сложны для интерпретации. Во-вторых, определенную ценность представляет описание жизни эллинской аристократии, политических событий архаического времени, восприятие авторами различных сторон жизни.

Вторая группа нарративных источников – это сочинения прозаиков классического, эллинистического и римского времени. Стоит сразу указать на их общий недостаток – они не относятся к исследуемому периоду, поэтому любые данные, почерпнутые в них, нуждаются в осторожном, внимательном анализе и сопоставлении их с археологической картиной и данными других источников. Из исторических сочинений классического периода, наибольшую ценность для нас представляют труды Геродота и Фукидида. Галикарнасский историк обращается к проблематике Лелантской

---

<sup>95</sup> Homer. *Iliad*. Vol. I-II. Cambridge, 1924–1925; Homer. *Odyssey*. Vol. I-II. Cambridge, 1919.

<sup>96</sup> Hesiod. *Theogony. Works and Days. Testimonia*. Cambridge, 2007.

<sup>97</sup> См. *Iambi et elegi Greci ante Alexandrum cantata* / ed. M.L. West. Vol. I. Oxford, 1998. P. 1–108. Об Архилохе см. подробнее с историографией гл. 3, п. 3. настоящей работы.

<sup>98</sup> *Iambi et elegi Greci ante Alexandrum cantata* / ed. M.L. West. Vol. I. Oxford, 1998. P. 172–241.

<sup>99</sup> Помимо Архилоха, ценную информацию здесь предоставляет Тиртей. См. *Iambi et elegi Greci ante Alexandrum cantata* / ed. M.L. West. Vol. II. Oxford, 1998. P. 169–184.

<sup>100</sup> Значительную ценность в этом отношении, помимо уже упомянутых поэтов, представляют собой стихи Алкея и Сапфо. *Poetarum Lesbiorum fragmenta* / Ed. by E. Lobel and D. Page. Oxford, 1955

<sup>101</sup> Особую ценность в этом контексте имеют стихи Солона. *Iambi et elegi Greci ante Alexandrum cantata* / ed. M.L. West. Vol. II. Oxford, 1998. P. 139–165.

войны, рассказывая об ионийском восстании, и доносит до нас ценную информацию об участниках войны. Фукидид ценен обращением к истории архаического времени в первой книге своего труда, а также позднейшим описанием колонизации Италии и Сицилии. В каждом из этих сюжетов упоминаются эвбейские полисы. Второстепенную роль играют сочинения авторов римского времени Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского, которые сообщают ценную информацию об эвбейской колонизации Италии и Сицилии, а также Плутарха. Последний несколько раз обращается в своих сочинениях к проблематике Лелантской войны. Именно Плутарх сообщает информацию об участии в войне фессалийской конницы и городов Северной Эгеиды. Ценны также отдельные пассажи из биографии Тесея.

Заметный интерес представляют для нас труды античных географов, философов и антикваров. Среди них стоит отметить трактат «О перенесении осады» Энея Тактика, в которой нашел отражение эпизод из военной истории Эвбеи. Важна также «Политика» Аристотеля, где были представлены результаты многолетних исследований политических режимов греческих полисов. Аристотель сообщает ценную информацию о политическом устройстве Эретрии и Халкиды. Особую важность имеет «География» Страбона, в которой упоминается ряд событий политической истории Эвбеи, дается описание географии и природных ресурсов острова, а также содержится ценная информация об эвбейской колонизации Италии и Сицилии. Очень важен для нас и «Пир мудрецов» Афиней, в котором мы находим ценную информацию о природных богатствах Эвбеи.

Значительную важность в изучении адаптации алфавита и распространения политического влияния эвбейцев представляют эпиграфические источники. Согласно современным исследованиям, греческая письменность впервые появляется на рубеже IX–VIII вв. до н.э.<sup>102</sup> Причем эвбейский алфавит отдельно выделяется исследователями и

---

<sup>102</sup> Powell B. *Homer and the Origin...* P. 18–20. Подробнее об этом см. пункт 1.2 диссертации.

распространяется от Аль-Мины<sup>103</sup> – первого поселения на Ближнем Востоке, где присутствовало греческое население, до Искьи и Габий<sup>104</sup>, где найдена древнейшая греческая надпись. Ценны и надписи, найденные на самой Эвбее, однако эти материалы являются более поздними, нежели итальянские. Как отмечает Л. Джеффри<sup>105</sup>, первые надписи, происходящие из Эретрии, были созданы не ранее 650 г. до н.э. Впрочем, ценными могут быть и более поздние надписи, которые иногда все же содержат информацию о более ранних событиях.

Огромную роль играют археологические источники. Первые раскопки на острове были проведены в конце XIX в.<sup>106</sup> Однако затем на длительное время Эвбея выпала из внимания археологов. Возобновился интерес к исследованию острова в середине XX в., когда раскопки начались сразу в нескольких местах. Первым, конечно, должно быть названо исследование Лефканди, проведенное английскими археологами. Материалы раскопок опубликованы в серии монографических работ<sup>107</sup>. Для нас, конечно, особую важность представляют материалы, датированные архаическим периодом. Однако ценны и данные по предыдущим этапам существования поселения, позволяющие проследить его развитие в динамике.

Вторым важнейшим археологическим объектом является Эретрия, раскопки которой регулярно проводятся швейцарскими археологами,

---

<sup>103</sup> Boardman J. An Inscribed Sherd from Al Mina // OJA. 1982. Vol. 1. P. 365–367.

<sup>104</sup> О «кубке Нестора», найденном на Искье см. Зайцев А. И. Лексико-стилистические особенности надписи на «кубке Нестора из Питекуса» // Зайцев А. И. Избранные статьи / под ред. Н.А. Алмазовой и Л.Я. Жмудя. Т. 2. СПб, 2003. С. 197–202; Powell B. B. Homer and the Origin... P. 123–186. О надписи из Габий: Ridgway D. Greek Letters at Osteria dell'Osa // Opuscula Romana. Vol. 20. 1996. P. 87–97.

<sup>105</sup> Jeffery L. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, 1961. P. 71–86.

<sup>106</sup> Ссылки на работы см. в примечании №7.

<sup>107</sup> Lefkandi I. The Iron Age. BSA Suppl. Vol. 11. / Ed. by Popham M.R., Sackett L.H. Themelis P.G. London, 1980; Catling R.W.V., Lemos I.S. Lefkandi II. The Protogeometric Building at Toumba. The Pottery. BSA Suppl. Vol. 22. Oxford, 1991; Lefkandi II: the Protogeometric Building at Toumba. Part 2. The Excavation, Architecture and Finds. BSA Suppl. Vol. 23. / Ed. by Popham M.R., Calligas P.G. Sackett L.H. Oxford, 1993; Popham M.R. Lemos I.S. Lefkandi III: the Toumba Cemetery. The Excavation of 1981, 1984, 1986 and 1992–94. BSA Suppl. Vol. 29. Oxford, 1996; Lefkandi IV: The Bronze Age: The Late Helladic IIIC Settlement at Xeropolis. BSA Suppl. Vol. 39. / Ed. by Evelyn D. London, 2006.

начиная с 60-х гг. XX в. Результаты раскопок ежегодно публикуются в журнале «Antike Kunst», начиная с 1964 года. На основе раскопок было издано также немало исследовательских работ, которые так или иначе включают в себя обзор археологической картины Эретрии<sup>108</sup>.

С сожалением приходится констатировать, что наша источниковая база страдает от отсутствия значительных археологических материалов из второго крупнейшего полиса архаического времени на Эвбее – Халкиды. И в обозримом будущем такие материалы не могут появиться – древнее поселение находится под современным городом, что делает раскопки практически невозможными. Последняя часть археологических материалов с острова – это результаты археологических разведок, которые показывают динамику заселения острова<sup>109</sup>. Эта группа находок также важна для построения общей картины истории Эвбеи.

Наконец, говоря об археологических источниках, нельзя забывать об археологических материалах из регионов эвбейской колонизации. Следы пребывания эвбейцев находятся на Ближнем Востоке, в Италии, на Сицилии и в Северной Эгее.

Что касается нумизматических материалов, то они в исследовании играют вспомогательную роль. Находки эвбейских монет, их сравнение с монетами других центров имеют ценность, преимущественно, при анализе взаимоотношений Эретрии и Халкиды с другими полисами Эллады<sup>110</sup>. Тем не менее, стоит отметить, что эти источники также нашли отражение в нашей работе.

Таким образом, комплекс источников по истории Эвбеи является достаточным для написания диссертационного исследования.

---

<sup>108</sup> Особенно выделяется серия Eretria, в которой регулярно публикуются исследования, связанные с архаическим периодом.

<sup>109</sup> Достаточно полно данные разведок были изложены в диссертации Р.Г. Веддера. См.: Vedder R.G. Op. cit.

<sup>110</sup> Wallace W.P. The Early coinages of Athens and Euboia // The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society. Vol. 2. 1962. PP. 23–42.

**Объектом исследования** избраны межполисные отношения в Греции в архаический период, а **предмет исследования** – взаимоотношения эвбейских полисов Эретрии и Халкиды в контексте проблемы Лелантской войны.

**Цель исследования:** определение характера и содержания Лелантской войны. Исходя из поставленной цели, логичной представляется формулировка следующих **задач**:

1. Оценить развитие эвбейских полисов в геометрическое и раннеархаическое время (IX–VIII в. до н.э.).
2. Выявить динамику развития отношений Эретрии и Халкиды до Лелантской войны.
3. Определить характер, датировку и участников войны.
4. Установить итоги Лелантской войны и её место в исторических процессах архаической Греции.

**Хронологически** работа охватывает период архаики – VIII – VI вв. до н.э. Точное определение нижней хронологической границы оказывается проблематичным из-за отсутствия точных датировок событий начала архаического периода. В качестве условной событийной границы мы примем основание Эретрии, которое произошло, по оценкам археологов, в начале VIII в. до н.э. Верхней границей служит начало греко-персидских войн, которые значительно изменили судьбу эвбейских полисов. **Географически** работа охватывает территорию острова Эвбея, а также Италию, Ближний Восток и Северную Эгеиду – районы в которых археологически прослеживается присутствие эретрийцев и халкидян.

**Теоретические и методологические основания исследования.** Главным теоретическим положением диссертации является концепция архаической Греции, как ключевого периода в становлении классического греческого полиса<sup>111</sup>. Это подход предполагает учет динамичного развития

---

<sup>111</sup> Эта концепция выражена в наиболее явном виде в теории «архаической революции», о которой написано необъятное количество литературы. Наиболее важные работы: Starr Ch. Individual and Community...; Finley M.I. Early Greece... P. 87–105. Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. СПб., 2004. В тесной связи с концепцией архаической

полисов эпохи архаики, а также их непохожесть на развитые полисы классического времени, обладающие устойчивыми политическими институтами и последовательной внешней политикой. Архаическая эпоха – это период движения и развития, в начале которого мы видим бедные греческие общины, только оправившиеся от упадка «Темных веков», а в конце – богатейшую палитру достижений культуры и политики. На архаический период приходится великая греческая колонизация, ранняя тирания, запись первых законодательных сводов, становление культуры. А в первые два десятилетия после окончания архаической эпохи коалиция из нескольких десятков греческих полисов одержит победу над могущественнейшей восточной империей того времени.

Важной стороной работы является ее историографичность, поскольку практически каждый аспект истории архаической эпохи породил полярные оценки и весьма оригинальные теории<sup>112</sup>. Все это в полной мере отразилось на тематике Лелантской войны. Война часто вписывается в масштабные концепции истории архаической Греции вообще<sup>113</sup>. Поэтому разбор гипотез и аргументов предшественников по каждому из рассматриваемых аспектов проблемы представляется нам строго необходимым.

---

революции находится концепция культурной революции в архаической Греции (см. Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII – V вв. до н.э. СПб., 2000). В последние десятилетия концепция архаической революции претерпела некоторые изменения. Э. Снодграсс высказал идею двух революций в архаической Греции (Snodgrass A.M. *Archaic Greece...* P. 13–14). В отечественной историографии видным сторонником концепции Э. Снодграсса является И.Е. Суриков, который предложил также принципиальное разделение на архаический и классический полисы. Первый появляется в начале архаического периода, второй – в конце, на рубеже классического периода. Подробнее см. Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох // *Античный полис. Курс лекций*. М., 2010. С. 8–54; Он же. Афины в VIII–VII вв. до н.э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // *ВДИ*. 2013. №4. С. 23–43.

<sup>112</sup> Подробнее об этой историографической ситуации см. Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 40–44.

<sup>113</sup> Например, для Х. Туманса, рассматривающего процесс эволюции греческой политической организации до появления афинской демократии, Лелантская война является этапом в раскрытии трансформации военного дела архаического времени. Соответственно, саму войну латвийский исследователь трактует как переход от военного дела гомеровского времени к гоплитской фаланге. См. Туманс Х. Рождение Афины... С. 27–28, 121–125.

Историко-филологический анализ важен нам в силу фрагментарности разновременной нарративной традиции. Он необходим как в оценке поэтических текстов, связь которых с Лелантской войной не ясна из их прямого содержания, так и при исследовании поздних текстов. Важно проследить возможную связь между разными элементами нарративной традиции, оценивать первоисточники позднейших текстов. Важным аспектом этого подхода является терминология античных авторов<sup>114</sup>. Особенное значение этот аспект приобретает в виду отсутствия в античной традиции устойчивых терминов для обозначения самой Лелантской войны.

Естественным для исследования по архаической Греции является междисциплинарный подход<sup>115</sup>. Помимо античных текстов в работе анализируются также археологические материалы. Раскопки эвбейских полисов дают богатый материал погребений, строительных остатков, примеров материальной культуры. Однако важно учитывать специфику археологических источников и то, что до нас доходит лишь незначительное количество остатков материальной культуры. Археология и эпиграфика ценны тем, что позволяют проанализировать исторический контекст Лелантской войны. Однако при исследовании этого контекста очень важно

---

<sup>114</sup> Здесь уместно будет упомянуть методологические разработки направления «истории понятий». Зародившись в трудах немецких исследователей второй половины XX в. (см.: Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX в. Вып. 5. СПб. С. 33–53), оно достаточно активно проникает в поле антиковедческих исследователей. Достаточно упомянуть недавно переведенный на русский язык сборник, посвященный понятию *Res Publica* (*Res Publica: история понятия*. СПб., 2009), и один из выпусков издания *Antiquitas Aeterna*, включивший в себя материалы конференции по истории понятий в антиковедении (*Antiquitas Aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 4: История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого. Нижний Новгород, 2014).

<sup>115</sup> Междисциплинарность является важнейшей чертой исторической науки уже с середины XX века. См. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 63–77. В антиковедении междисциплинарность является традиционной чертой. Сама по себе, наука об античности предполагает тесную взаимосвязь и взаимопроникновение таких дисциплин, как классическая археология, классическая филология, собственно, история античности. И это, не говоря о более частных специальных дисциплинах – эпиграфике, нумизматике, папирологии и других.

учитывать методологию археологии как самостоятельной исторической дисциплины.

**Научная новизна исследования** заключается в том, что это первое в мировой историографии комплексное специальное исследование отношений Эретрии и Халкиды в архаический период. В работе обосновывается концепция Лелантской войны как затяжного локального конфликта, в который периодически вовлекались другие полисы архаической Эллады. В работе высказываются новые соображения по ряду частных, но немаловажных проблем. Например, с новой аргументацией обосновывается гипотеза Л. Джеффри об отсутствии серьезных оснований для доказательства существования периода активного сотрудничества Эретрии и Халкиды в раннеархаическое время; предлагается новое решение проблемы историчности запрета на метательное оружие в Лелантской войне; развивается идея Л.А. Пальцевой о невозможности однозначного определения победителя Лелантской войны. Наконец, пересматривается влияние Лелантской войны на историю архаической Эллады в целом и ставится под сомнение сама возможность определять конфликт Эретрии и Халкиды как «войну».

#### **Основные положения, выносимые на защиту.**

1) В начале архаического времени эвбейские полисы переживают расцвет, проявившийся в обширных торговых связях, колонизационных инициативах и культурных новациях. В частности, эвбейцы сыграли определенную роль в адаптации и распространении греческого алфавита.

2) Лелантская война была затяжным локальным военным конфликтом, в котором принимали участие контингенты других полисов. Гипотеза об общегреческой войне выросла из-за сложности трактовки сообщения Фукидида (I. 15).

3) Хронологически Лелантская война охватывала период VIII–VI вв. до н.э. Помимо эвбейских полисов, в ней приняли участие Самос и Фессалия на стороне Халкиды и Милет на стороне Эретрии. Еще одним участником

войны был Коринф, однако сказать, на чьей стороне он выступал, невозможно.

4) Судя по тому, что халкидяне обладали Лелантской долиной в конце VI в. до н.э., наиболее вероятным победителем Лелантской войны была именно Халкида.

5) Влияние Лелантской войны на греческую историю эпохи архаики в историографии преувеличено. Мы не можем установить связь Лелантской войны с греческой торговлей и колонизацией архаического времени. Точно также нет у нее и особого значения в развитии греческого военного дела.

6) Традиция о запрете на метательное оружие в Лелантской войне находится в одном ряду с известиями о других ритуализированных сражениях античной Греции. Она была сформирована под влиянием какого-то отдельного события войны эретрийцев и халкидян. Однако нет оснований считать весь конфликт рыцарским подражанием героям гомеровских поэм.

7) В связи с этим сама правомерность использования термина «Лелантская война» представляется спорной. Термин не свойственен античной традиции, не знавшей четкого определения этой войны и появился впервые в современной историографии. В настоящее время под термином Лелантская война объединяется длительный период конфронтации эвбейских полисов, растянувшийся на несколько столетий.

**Практическая значимость работы.** Результаты исследования могут быть использованы преподавателями для разработки курсов по истории древнего мира, истории Древней Греции, историографии античности, истории международных отношений в древнем мире, истории военного дела древних цивилизаций. Также они могут найти применение при создании спецкурсов по проблемам греческой колонизации, политического и социально-экономического развития архаического полиса, истории и археологии Эвбеи. Материалы и выводы диссертации могут оказаться полезными и для дальнейших углубленных исследований по истории архаической Греции и проблеме становления греческого полиса.

**Апробация.** Результаты исследования были изложены автором на заседании кафедры всеобщей истории КГПУ им. В.П. Астафьева в 2015 году и на заседании кафедры всеобщей истории РАНХиГС в 2019 году. Отдельные положения диссертации звучали в докладах, прочитанных на конференциях: «Cultural Encounters in Southeast Europe», Стамбул, 5–6 марта 2020 г.; «Сергеевские чтения», Москва, МГУ, 2–4 февраля 2015 г., 31 января – 2 февраля 2017 г. и 29–31 января 2019 г.; «Миусские античные посиделки», Москва, РГГУ, 29–30 марта 2019 г.; «Дьяковские чтения», Москва, МПГУ, 7 декабря 2019 г.; «Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии», Омск, ОмГУ, 24–25 октября 2014 г.; «Жебелевские чтения», Санкт-Петербург, СПбГУ, 30 октября – 1 ноября 2013 г., 29–31 октября 2014 г., 28–30 октября 2015 г. и 19–21 октября 2016 г.; «История мировых цивилизаций», Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, 27 апреля 2012 г., 22 апреля 2014 г. и 21–22 апреля 2015 г.; «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению истории», Саратов, СГУ, 19–21 сентября 2014 г.; «Рождественские агоны», с. Рождество Фировского района Тверской области, Университет Дмитрия Пожарского, 9–11 октября 2015 г. и 4–6 октября 2019 гг.; «Проблемы войны и мира в свете всемирно-исторического опыта», Псков, ПсковГУ, 22–23 октября 2015 г.; «Социально-политические процессы в истории мировых цивилизаций», Красноярск, КГПУ, 18 ноября 2015 г.; «Историк и власть в античном мире: между апологией и критикой», Пермь, Пермский филиал НИУ ВШЭ, 15 февраля 2016 г.; «Scholia studiorum: пространство исторического нарратива», Екатеринбург, УрФУ, 25–26 марта 2016 г. и международном colloquium «Города античной и средневековой Европы: модели возникновения и развития», Москва, РАНХиГС, 29 ноября – 1 декабря 2018 г. По материалам диссертации была прочитана лекция «Лелантская война и ее экономические причины» в рамках Летней школы по антиковедению «Политические режимы античности – 3: политическая эволюция и социально-экономическое развитие» в Пермском филиале НИУ ВШЭ (Пермь, 26–28 августа 2015 г.).

Материалы работы увидели свет в серии научных статей; среди них четыре работы были опубликованы в журналах списка ВАК, в том числе в ведущем отечественном антиковедческом издании «Вестник древней истории».

**Структура работы.** Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений и приложений. В первой главе рассматриваются природно-географическая характеристика острова Эвбея, проблемы заселения острова и основания эвбейских полисов. Особое внимание уделяется поселению Ксерополис/Лефканди, его связи с Эретрией и Халкидой, а также роли в межполисных отношениях на Эвбее. Во второй главе реконструируются взаимоотношения Эретрии и Халкиды в начале архаического периода. анализируется сообщение Страбона о мирных взаимоотношениях Эретрии и Халкиды в архаическое время и традиция о совместной колонизации, проводимой эвбейскими полисами. В третьей главе критически анализируется традиционная концепция характера Лелантской войны, датировки конфликта, историчность традиции о запрете метательного оружия во время войны, подвергается ревизии список союзников эвбейских полисов, принимавших участие в Лелантской войне. В четвертой главе речь идет о проблеме итогов и последствий войны. Также анализируется роль и место Лелантской войны в истории архаической Эллады. Наконец в заключении формулируются основные выводы, полученные в результате исследования. Приложения разделены на четыре основные части. Первый раздел посвящен картам Эвбеи. Приведены физическая карта Эвбеи с оценкой расстояний между ключевыми пунктами, а также карты, разработанные исследователями Лелантской войны. Второй раздел посвящен эвбейской нумизматике. Приведены некоторые примеры монет Эретрии и Халкиды. Третий раздел Приложений посвящен эпиграфическим материалам. В нем размещены таблицы, сопоставляющие различные варианты греческого алфавита и некоторые примеры эвбейских надписей. В

четвертом разделе размещена таблица эвбейской колонизации с указанием колоний, хронологии их оснований и метрополий.

## ГЛАВА 1. ПОЛИСЫ ОСТРОВА ЭВБЕЯ В НАЧАЛЕ АРХАИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Прежде чем переходить к изучению взаимоотношений эвбейских полисов в архаическое время, необходимо кратко обрисовать общее положение на острове к началу VIII в. до н.э. В частности, мы остановимся на природно-географической характеристике острова, осветим основные занятия населения, проанализируем политическую ситуацию на рубеже IX–VIII вв. до н.э. и становление эвбейских полисов.

### 1.1. Природно-географическая характеристика Эвбеи

Остров Эвбея — это шестой по величине остров Средиземного моря и второй остров Эгейды после Крита. Длина его составляет примерно 144 км, ширина — от 6,5 до 48 км<sup>1</sup>. Площадь Эвбеи составляет около 3,9 тыс. км<sup>2</sup>. Остров является географическим продолжением материка, от которого он отделен только узким проливом. Длину и узость острова отмечали уже древние авторы. В частности, Страбон пишет, что в древности Эвбею называли Макридой (Μάκρις) — «Длинным» островом (Strabo. X. 1. 2).

Более 80% территории острова занимают горные цепи. Высшая точка — гора Дирфис — расположена в его центральной части и составляет в высоту 1533 м<sup>2</sup>. На северо-востоке острова также располагается высокая гора, известная в античности как Телефрия (Strabo. X. 1. 4), достигающая в высоту 970 м<sup>3</sup>.

В целом территория острова может быть разделена на три географических региона. Первый — это северная Эвбея: область, расположенная между плодородной равниной Гистиеи и равниной Псахны.

---

<sup>1</sup> Vedder G.R. Op. cit. P. 1. См. также карты Эвбеи в Приложении № 1.

<sup>2</sup> Ibidem. P. 2.

<sup>3</sup> Walker K.G. Op. cit. P. 4.

Этот район включает в себя города и поселения Гистиею, Орей, Дион, Эдепс, Афины Диады и Оробию (Strabo. X. 1. 3–5). Второй регион – это центральная Эвбея, расположенная между долиной Псахны и озером Дистос. Центральная часть включает в себя крупнейшие эвбейские поселения античного времени – Эретрию, Халкиду, Лефканди, Кумы и Амаринф. Здесь же расположена Лелантская долина. Наконец, южная часть острова расположена южнее озера Дистос. Это беднейший регион острова, являющийся и наиболее гористым. В этом регионе расположены Карист, Стира и Герест<sup>4</sup>.

На острове находилось несколько плодородных равнин, которые контролировались четырьмя поселениями, которые мы уверенно можем считать полисами. Это Эретрия, Халкида, Карист и Гистиея<sup>5</sup>. Равнина располагалась также рядом с Керинфом, однако в источниках нет никаких данных, что это поселение являлось полисом. По крайней мере, в VI в. до н.э. Керинф находился в зависимости от Халкиды<sup>6</sup> и Гистиеи<sup>7</sup>. Наиболее известной равниной на Эвбее является Лелантская долина, находящаяся в центральной части острова между Эретрией и Халкидой (Strabo. X. 1. 9). Долина эта ограничена со всех сторон горами и морем. К востоку от Эретрии располагалась Амаринфская долина. К северу от Халкиды располагалась долина Диакрий. Две другие, разделенные холмами, долины располагались в северной части острова вблизи Гистиеи и Керинфа. Античные авторы неоднократно отмечали плодородие эвбейских равнин, расположенных в центре острова (Hom. Il. II. 537; Theophr. Hist. plant. VIII, 8, 5).

Водными ресурсами Эвбея бедна, что, впрочем, можно сказать и о Греции вообще. Самой полноводной рекой в античности был Будор, протекавший по долине недалеко от Керинфа. Реку питали два небольших источника — Керей и Нелей (Strabo. X. 1. 14). Лелантская долина питалась от

---

<sup>4</sup> См. Приложение №1.

<sup>5</sup> Walker K.G. Op. cit. P. 4.

<sup>6</sup> Ibidem.

<sup>7</sup> Geyer F. Op. cit. S. 96, 107.

реки Лелант (Plin. Hist. Nat. IV. 64). Недалеко от Амаринфа протекала небольшая река Эрасин, а по долине к востоку от Эретрии – речка Имбр.

В античное время поверхность острова была широко покрыта лесами. Страбон отмечал, что эвбейская гора Телефрия носила также название Дримос (лесной) (Strabo. X. 1. 4). Произраставшая на острове ель, однако, имела древесину достаточно плохого качества (Plin. Hist. Nat. XVI. 197). Учитывая, что качественная древесина была необходима для кораблестроения, можно предположить, что эвбейцы импортировали сырье из других регионов Греции, скорее всего, из Фракии или Македонии. Кроме ели на острове росли лиственница, средиземноморский платан, чемерица, лавр, вереск, сладкий каштан и лекарственные растения (Theophr. Hist. plant. IV. 5. 2; IX. 15. 4; IX. 15. 8; Plin. Hist. Nat. XXV. 94).

Климат на Эвбее схож с климатом остальной Эллады. Лето было жарким и сухим. В это время пересыхали реки и источники воды, а дожди были редкостью. Зима на западном побережье Эвбеи была достаточно мягкой. Однако восточное побережье острова находилось под ударом штормов Эгейского моря, и зима там была очень холодной для греческого климата<sup>8</sup>.

Восточное побережье Эвбеи было очень негостеприимным ввиду частых штормов в Эгейском море и почти полного отсутствия безопасных гаваней. Древние авторы особенно отмечали опасность побережья для мореплавателей (Paus. IV. 36. 6; V.13.4). Даже Керинф и Кумы, достаточно крупные поселения, расположенные на восточном берегу острова, не имели безопасных гаваней. Противоположную картину можно наблюдать на западном побережье. Эта часть защищена от ветров и штормов гористой землей Эвбеи и изобилует гаванями и пляжами по обе стороны пролива между

---

<sup>8</sup> Отметим, что климат в архаический и классический периоды был более холодным, нежели сейчас. Подробнее см.: Карпюк С.Г. Климат и география в человеческом измерении. М., 2010.

Эвбеей и Беотией. Оба важнейших эвбейских полиса, Эретрия и Халкида, были расположены на западном побережье.

Пролив, отделявший Эвбею от Беотии – Эврип – имел огромную стратегическую важность в античности (Paus. VII. 7. 6; Polyb. XVIII. 11. 4–8; Strabo. IX. 4. 15; Liv. XXXI. 23. 12). Не случайно именно рядом с ним располагались наиболее крупные и процветающие поселения. Вероятно, именно через этот путь в античности осуществлялась важная для эвбейцев торговля с Беотией<sup>9</sup>.

Эврип играл большую роль уже на протяжении II тыс. до н.э. Через него проходил торговый путь с севера на юг<sup>10</sup>. Путь на запад, который также был связан с проливом, реконструируется исследователями по археологическим материалам эвбейско-кикладской общности IX–VIII вв. до н.э.<sup>11</sup> Греки в путешествиях, особенно в архаическое время, придерживались каботажного плавания. За южной оконечностью Эвбеи открывался путь на восток и юго-восток через Кикладские острова<sup>12</sup>.

Халкида имела на западном побережье острова две удобные гавани. Это положение, очевидно, в немалой степени способствовало ранней колонизационной активности полиса. Впрочем, попытки оценить уровень развития флота Халкиды в историографии представляются спекулятивными. С.К. Бакхёйзен доказывает морское господство Халкиды в архаический

---

<sup>9</sup> Lemos I. Euboea and its Aegean koine // *Euboica. L'Eubea e la presenza euboica in Calcidica e in Occidente*. Napoli, 1998. P. 49–50.

<sup>10</sup> Walker K.G. *Op. cit.* P. 9.

<sup>11</sup> Проблема эвбейско-кикладского койне и попытки аргументировать тезисы о политическом преобладании Эретрии (еще в виде Лефканди, которое с Эретрией часто отождествляется: см. Walker K.G. *Op. cit.*) или Халкиды (см. Bakhuizen S.C. *The two citadels of Chalcis on Euboea* // AAA. 1972. Vol. 5. N. 1. P. 134–146; Idem. *Chalcis-in-Euboea...*) будут проанализированы ниже.

<sup>12</sup> Picard O. *Chalcis et la Confédération eubéenne (IV-I siècle)*. Paris, 1979. P. 212–218.

период<sup>13</sup>. Н. Кондолеон<sup>14</sup>, напротив, полагает, что Халкида в архаическое время вообще не имела морского флота и все колонизационные мероприятия осуществляла с поддержкой эретрийцев, господствовавших на морях. Менее радикальную точку зрения отстаивает в своей монографии К. Уокер, которая не отнимает у Халкиды право на обладание флотом, однако считает, что именно Эретрия господствовала на морях в архаическое время<sup>15</sup>. На наш взгляд, впрочем, практически невозможно говорить о преимуществе какого-либо из полисов в раннеархаический период.

Эретрия также была обеспечена удобной гаванью, которая уже в архаическое время, была защищена молами и другими сооружениями<sup>16</sup>. У Лефканди было две гавани, однако обе были намного меньше гавани в Эретрии. Находившийся на юго-востоке Эвбеи Карист располагался на берегу обширного залива<sup>17</sup>. Тем не менее, Карист никогда не был известен в античности значительными достижениями в морском деле.

Помимо выгодного положения на торговых путях, Эвбея была богата природными ресурсами. Античная традиция называет расположенные на острове медные (Plut. Mor. 434; Strabo. X. 1. 9) и железные рудники (Strabo. X. 1. 9)<sup>18</sup>, источники асбеста (Plut. Mor. 434; Strabo. X. 1. 9) и мрамора (Plin. Hist.

---

<sup>13</sup> Bakhuizen S.C. The two citadels of Chalcis on Euboea... P. 134–146; Idem. Chalcis-in-Euboea...

<sup>14</sup> Κοντολέων Ν. Οι Αειναῦται της Ερέτριας // Αρχαιολογική Εφημερίς. 1963. Τ. 102. Ρ. 1–45.

<sup>15</sup> Walker K. Op. cit. P. 9.

<sup>16</sup> Krause C. Zur Städtebaulichen Entwicklung Eretrias // AK. 1982. Bd. 25. Hf. 2. S. 138–139.

<sup>17</sup> Walker K. Op. cit. P. 10.

<sup>18</sup> В своем сообщении Страбон пишет о двойном руднике – медном и железном, отмечая, что ко времени его жизни этот рудник был уже истощен. В работах С. Бакхёйзена со ссылкой на работы геологов возможность существования медного рудника на Эвбее подвергается сомнению (см. подробнее Bakhuizen S.C. Iron and Chalcidian Colonization in Italy // Mededelingen van het Nederlands Instituut te Rome. Vol. 37. 1975. P. 25; Mele A. I Ciclopi, Calcodonte e la metallurgia caldicese // Nouvelle contribution à l'étude de la société et de la colonisation eubéennes. Naples, 1982. P. 12–13). Остатки железных рудников фиксируются более надежно археологическими раскопками. См. подробнее: Bakhuizen S.C. Chalcis-in-Euboea... P. 48–57.

Nat. IV. 12; Strabo. X. 1. 6). Ряд исследователей выводит происхождение названия одного из двух крупнейших полисов на острове – Халкиды – от слова ὁ χαλκός – «медь»<sup>19</sup>. Однако против этого прочтения высказался С.К. Бакхёйзен. В своих работах он доказывал, что слово «Халкида» имеет догреческие корни и не связано с каким бы то ни было греческим словом<sup>20</sup>. Исследователь аргументировал это следующими соображениями. Во-первых, единственным основанием для традиционной этимологии названия Халкиды является связь между полисом и медной металлургией, однако, по мнению С.К. Бакхёйзена, развитие металлургии в Халкиде не было связано с изготовлением медных изделий, поскольку геологически медные рудники на острове были невозможны. Дошедшее до нас в стихотворении Алкея (Alc. fr. 357 L.–P.) упоминание о халкидском мече относится, по мнению исследователя, к железу, а вовсе не к меди<sup>21</sup>. Во-вторых, мы встречаем в греческом мире несколько пунктов с названием Халкида, однако только для эвбейского полиса предлагается такая этимология<sup>22</sup>.

Рассмотрим убедительность этих аргументов по порядку. Строго говоря, в стихотворении Алкея нет указания на металл, из которого изготовлен меч. С.К. Бакхёйзен подтверждает локализацию меча, сопоставив сообщение Алкея с фрагментами Каллимаха (Callimachus Fr. 236. Pfeiffer), Эсхила (Aeschilus Fr. 703 Mette) и Гигина (Hyginus Astr. II. 6), однако ни один из этих источников не подкрепляет предположение, что меч сделан из железа. Кроме того, стоит заметить, что все авторы, кроме Алкея, датируются достаточно поздним временем – как минимум классической эпохой – и вряд ли могут служить убедительным источником для ранней архаики.

---

<sup>19</sup> Walker K. Op. cit. P. 14.

<sup>20</sup> Bakhuizen S.C. Iron and Chalcidian Colonization... P. 18.

<sup>21</sup> Ibid. P. 19.

<sup>22</sup> Ibid. P. 18. С.К. Бакхёйзен называет Халкиды в Эрифрах, Трифилиях, Этолии, Эпире.

Аргумент о сопоставлении этимологий различных Халкид также представляется спорным. Почему тот факт, что названия эвбейской Халкиды и остальных Халкид интерпретируются по-разному, должен обязательно свидетельствовать против верности первой интерпретации? Наконец, важным возражением становятся данные источников, к которым апеллирует сам С.К. Бакхёйзен. В контексте обсуждения проблемы поселения Лефканди он с доверием относится к сообщению Гекатея (Hecataeus FrGrHist F129), который сообщает, что изначально Халкида называлась Эвбеей. Однако при такой реконструкции получается, что сначала полис назывался Эвбеей – словом, которое имеет явно греческое происхождение – а затем его жители предпочли использовать некое догреческое название. С.К. Бакхёйзен предполагает, что Эвбеей называлось поселение Лефканди, жители которого впоследствии переселились в Халкиду<sup>23</sup>. Однако мы не находим ни у Гекатея, ни у других античных авторов указаний на то, что Халкида когда-то меняла свое местоположение.

Позиция С.К. Бакхёйзена подвергается критике и другими исследователями. К. Уокер отмечает, что, если судить по картам, составленным самим С.К. Бакхёйзенем, доставка железа из северных рудников в Халкиду была делом нелегким. Поэтому не было особой разница, везти ли в город медь морем или железо сушей. Австралийская исследовательница предлагает связать эвбейскую металлургию с Эдепсом, расположенным в северо-западной части острова, возле которого были источники сырья и который в нарративной традиции упоминается в качестве центра металлургии (Steph. Byz. s.v. Αἰδηψος)<sup>24</sup>. Однако эта гипотеза К. Уокер противоречит уже упомянутым сообщениям нарративной традиции о халкидской металлургии. Таким образом, по нашему мнению, не стоит говорить о наличии на острове только одного центра металлургии, опуская

---

<sup>23</sup> Об этом см. ниже.

<sup>24</sup> Walker K. Op. cit. P. 14–15.

данные других источников и геологических карт, которые показывают распространение железных рудников на острове.

Более интересна несколько измененная концепция С.К. Бакхёйзена, предложенная в специальной работе об этимологии и значении названия «Халкида»<sup>25</sup>. В этой работе нидерландский исследователь предлагает иную интерпретацию топонима. Он считает, что под некоей «медной страной» – Халкидой – греки имели в виду потусторонний мир, мир мертвых, располагавшийся за горизонтом. Таким горизонтом для жителей Эвбеи были Эврип и море. Аргументируется предложенный тезис преимущественно сопоставлениями с другими топонимами, каждый из которых может трактоваться как некий горизонт, окраина; и обращением к мифологической традиции. В ней бронза связана с легендарными персонажами и народами, которые также в традиции ассоциируются с Эвбеей (например, куреты). Надо сказать, что первый аргумент убеждает достаточно слабо. Учитывая, что, по мнению автора, граница для греческой деревни начиналась буквально за пределами ограды, признаки горизонта можно найти практически в любом месте. Связь Эвбеи с мифологическими сюжетами, относящимися к потустороннему, стоит признать более весомым аргументом. Возможно, эта интерпретация автора находится ближе к истине. Однако убедительность концепции сильно страдает от того, что сам С.К. Бакхёйзен воздержался от попыток определить смысл связи бронзы с загробным миром.

Наконец, даже если последняя интерпретация этимологии С.К. Бакхёйзена верна, это мало что меняет в нашей оценке эвбейской металлургии. Мы теряем только один аргумент в пользу ее существования – название одного из полисов острова. Остальные – упоминания вооружения и рудников в нарративной традиции – остаются. Возможно, если принять тезис С.К. Бакхёйзена, эвбейская металлургия связывается не с медью и бронзой, а с

---

<sup>25</sup> Bakhuizen S. C. Le nom de Chalcis et la colonisation chalcidienne // Nouvelle contribution à l'étude de la société et de la colonisation eubéennes. Naples, 1982. P. 163–174.

железом. Но и это не является принципиальным положением. В конце концов, греческая металлургия этого времени уже переходит на производство предметов ремесла из железа, более долговечного и доступного, чем бронза.

Возвращаясь к обзору природных ресурсов острова, стоит отметить также наличие на острове природных горячих источников, о которых сообщает Плиний Младший (Plin. Hist. Nat. IV. 64). Согласно Плутарху, этими источниками пользовался еще римский диктатор Луций Корнелий Сулла (Plut. Sull. 26). Вопрос о времени начала использования горячих источников остается дискуссионным. Ф. Гейер считал, что источники в Эдепсе начали использоваться очень рано, так как они были посвящены Гераклу – одному из древнейших божеств, почитавшихся на острове<sup>26</sup>. Этот аргумент не представляется сильным. Древность культа Геракла на острове дает *возможность* датировать горячие источники на острове древним временем, но равно возможной остается практически любая более поздняя датировка. Д. Кнёпфлер ассоциировал с горячими источниками название одного из эретрийских демонов – Хут (Χύτριοι), подчеркивая, тем самым, их важность<sup>27</sup>.

Экономика острова в архаическое время была основана, в первую очередь, на сельском хозяйстве. Среди отраслей земледельческого производства можно назвать виноградарство и виноделие. «Лозную долину эвбейскую» несколько раз упоминает Феогнид Мегарский (Theogn. 784; 892). Гистиєю называет «обильной вином» Гомер (Hom. Il. II. 537). Среди исследователей возникают споры относительно того, где именно находилась основная масса виноградников. Чаще всего называется Лелантская долина, однако для виноградарства также могла использоваться долина между Эретрией и Амаринфом<sup>28</sup>. К. Уокер считает, что именно на этой последней равнине, расположенной к востоку от Эретрии, производилась основная часть

---

<sup>26</sup> Geyer F. Op. cit. P. 89.

<sup>27</sup> Knoepfler D. Le territoire d'Érétrie at l'organisation politique de la cité (démoi, chôroi, phylai) // Acts of the Copenhagen Polis Centre IV. M. Hansen (ed.), Copenhagen, 1997. P. 362

<sup>28</sup> Walker K. Op. Cit. P. 14.

винограда и оливок. В поддержку этой точки зрения приводится несколько аргументов. Во-первых, одним из главных святилищ архаической Эретрии был храм Диониса<sup>29</sup>. Во-вторых, как отметил еще Гиллер фон Гертринген, в Эретрии, в отличие от других эвбейских полисов, имеется много названий, происходящих от слова «οἶνος»<sup>30</sup>. Тем не менее, нам не совсем понятно, на чем основаны выводы австралийской исследовательницы об исключительном преобладании Эретрии в виноделии в архаический период. У нас нет конкретных данных источников, которые бы позволили сделать вывод о хозяйственной специализации какого-то из регионов Эвбеи, равно как и сведений о том, кто – Эретрия или Халкида – владел Лелантской долиной в начале архаического времени. Вообще, представляется более вероятным, что долины, находившиеся рядом с полисами, должны были использоваться не только для виноградарства, но и для зернового земледелия, выращивания овощей, фруктов, оливковых деревьев. Ведь вряд ли полисы архаического периода могли целиком покрывать свои запросы в зерне и других продуктах сельского хозяйства посредством внешней торговли. Активизация греческой торговли с Египтом – одним из основных поставщиков зерна в Грецию – наступит не раньше VII в. до н.э. Что же касается других регионов – Италии, Сицилии и Северного Причерноморья, то, по крайней мере до VI в. до н.э., мы не можем говорить об этих регионах, как экспортёрах хлеба<sup>31</sup>. Таким образом, мы согласны с тем, что имеются основания считать Эретрию важнейшим производителем вина на острове, но исключать развитие виноделия в Халкиде, по нашему мнению, также не стоит. Равно как не приходится говорить о какой-то хозяйственной специализации островных долин.

---

<sup>29</sup> Auberson P. Le temple de Dionysos // Eretria. Fouilles et Recherches V. Berne, 1976. P. 59–67.

<sup>30</sup> Walker K. Op. Cit. P. 14.

<sup>31</sup> Кузнецов В.Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаический период // ВДИ. 2000. №1. С. 16–40.

Из овощей на Эвбее выращивали капусту, которая, по словам Афиней (Ath. Deipn. IX. 369f), считалась одной из лучших по вкусу. Также выращивались фиги (Ath. Deipn. III. 75e), яблоки и груши (Ath. Deipn. I. 27–28), каштаны (Ath. Deipn. II. 54b–d). Конечно, Афиней – источник довольно поздний, однако близкую картину показывают и более ранние авторы. Например, согласно упоминаниям Аристофана, уже в классическое время в Афины завозились яблоки и груши с Эвбеи (Ar. Ach. 878–879; Pax. 1000–1001). В качестве еще одного важного и ценного продукта античная традиция отмечает эвбейский мед (Plin. Hist. Nat. XI. 42).

Среди других отраслей экономики Эвбеи стоит отметить животноводство. Нарративные источники дают нам право утверждать, что население острова занималось разведением лошадей. По крайней мере, термины, использующиеся для обозначения аристократических элит эвбейских полисов, включают в себя корень «ίπλ» – гиппоботы в Халкиде (ίπλοβόται – Herod. V. 77. 2) и гиппеи в Эретрии (ίπλέων – Arist. Ath. Pol. 15. 2). Немаловажно и свидетельство Страбона, который упоминает шестьсот всадников при описании процессии эретрийского войска (Strabo. X. 1. 10).

Помимо лошадей, население острова разводило овец, о чем нам сообщают Страбон и Павсаний (Strabo. X. 1. 14; Paus. VIII. 1. 5). Вероятно, определенное развитие на раннем этапе существования эвбейских полисов могло иметь и разведение крупного рогатого скота. По крайней мере, одна из этимологий происхождения названия острова, упомянутая Страбоном (Strabo. X. 1. 3) связана как раз с разведением коров (εὔ и βοῦς). В качестве еще одного косвенного довода можно привести изображение головы быка, которая встречается на монетах Эретрии, Гистиеи и Кариста (см. Приложение № 2)<sup>32</sup>. Также в нарративной традиции есть информация об эвбейской коже и шерсти (Ath. Deipn. V. 201c). Разводили на Эвбее свиней (Paus. VIII. 1. 5) и домашнюю

---

<sup>32</sup> Walker K. Op. Cit. P. 12.

птицу (Plin. Hist. Nat. X. 48). Особой отраслью, по крайней мере в эллинистическое время, было разведение охотничьих собак (Pollux V. 37, 40; Ael. NA VII. 40; XVII. 8).

Наконец, последняя отрасль хозяйства, на которой хотелось бы остановиться в данном обзоре – это рыболовство. Афиней называет рыб, вылавливаемые на острове (Ath. Deipn. IV. 135e; VII. 284b, 295c, 302a, 304d, 330b; ср. Paus. V. 13. 3; Philostr. VAI. 24; Ael. NA II. 8; Plin. Hist. Nat. XXXII. 18). Любопытно, что особо богата рыбой была, по словам Афиней, Халкида (Ath. Deipn. IV. 132c), что может служить дополнительным аргументом в пользу наличия в этом полисе мореплавания – логично предположить, что рыболовство развивалось параллельно с мореходным делом.

Завершая обзор занятий жителей острова, мы бы хотели отметить, что, конечно, большая часть нашей информации происходит из времен более поздних, чем архаический период. Поэтому не исключено, что какие-то отрасли экономики отсутствовали на острове в интересующие нас времена или не были столь развиты, как впоследствии. Однако вряд ли основной перечень сельскохозяйственной продукции, которая выращивалась на острове, претерпел сильные изменения. Таким образом, мы убеждены, что те отрасли экономики, которые составляли основу благосостояния Эвбеи в классическое и эллинистическое время, существовали и в архаический период, хотя, возможно, пропорции их в экономике изменились.

Наконец, последним вопросом, который нам хотелось бы затронуть в природно-географическом обзоре острова, является точная локализация Лелантской долины. Сама постановка вопроса может показаться странной, однако в картах, которые составляют исследователи Эвбеи, встречаются интересные расхождения. Наиболее распространенной является локализация Лелантской долины между Эретрией и Халкидой. Лефканди, при этом, располагается на юго-восточном углу долины, а река Лелант пересекает ее

посередине<sup>33</sup>. Несколько иную картину мы видим в картах С.К. Бакхёйзена<sup>34</sup>. Он размещает Лелантскую долину между Халкидой и Лефканди. Таким образом, река Лелант протекает по восточной части долины, а Эретрия отделена от нее небольшим пространством.

Для того чтобы определить, какая из локализаций является справедливой, мы обратимся к нарративной традиции и современной физической карте Эвбеи. Описаний географии острова в античной традиции не так много. Важнейшим является описание Страбона. Греческий географ пишет следующее: «Равнина, называемая Лелантской, расположена выше, чем город халкидян»<sup>35</sup> (Strabo. X. 1. 9)<sup>36</sup>. Не стоит удивляться, что Страбон описывает Лелантскую долину, как расположенную выше, чем Халкида. Карта Страбона была ориентирована на север<sup>37</sup>. Но при описании конкретных географических пунктов Страбон следует в направлении от моря – «низа» – к глубинным частям суши – «верху»<sup>38</sup>. Если брать отсчет от моря, которое расположено к западу от Халкиды, Лелантская долина находится «выше» – то есть, восточнее. Спутниковая карта показывает, что Лелантская долина расположена куда ближе к Халкиде, нежели к Эретрии. Примерное расстояние от Халкиды до Лефканди составляет 8 километров. В свою очередь, расстояние от Эретрии до Лефканди составляет приблизительно 13 километров, кроме того, между ними, в восточной части долины, расположена группа холмов. Конечно, непреодолимой разницы здесь нет, но для Халкиды господство над Лелантской долиной представляется географически более естественным, нежели для Эретрии, к востоку от которой есть другая долина,

---

<sup>33</sup> См. Приложение № 1.2.

<sup>34</sup> Bakhuizen S.C. Iron and Chalcidian Colonization... P. 17. См. Приложение № 1.3.

<sup>35</sup> Античные тексты в диссертации даются в нашем переводе, кроме специально оговоренных случаев.

<sup>36</sup> Ὑπέρκειται δὲ τῆς τῶν Χαλκιδέων πόλεως τὸ Λήλαντον καλούμενον πεδίον.

<sup>37</sup> Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С. 244, 589.

<sup>38</sup> Там же. С. 599–600.

тянущаяся до Амаринфа. И как представляется по современной физической карте, карта С.К. Бакхёйзена лучше учитывает рельеф местности.

## 1.2. Становление эвбейских полисов и проблема «Эвбейского койне»

Говоря о политической обстановке на Эвбее на рубеже IX–VIII в. до н.э., мы остановимся вначале на информации из немногих нарративных источников. У нас есть перечень эвбейских топонимов во второй песни «Илиады» Гомера (Ном. II. II. 536–541):

Пылающие духом абанты, населявшие Эвбею,  
Халкиду, и Эретрию, и обильную вином Гистию,  
Керинф и приморскую высокую крепость Дия,  
и Карист населявшие, и в Стире обитавшие,  
Их же предводил Элефенор, потомок Ареса,  
сын Халкодонта, мужественный вождь абантов<sup>39</sup>.

Иногда эти строки Гомера, перекликающиеся с данными более поздней традиции, используются как один из источников для реконструкции древнейшей истории Эвбеи. Например, К. Уокер полагает, что остров был объединён в одну политическую организацию – этнос, особо указывая на терминологию, использованную в «Илиаде». В поэме Элефенор предводительствует (ἡγεμονεύω) абантов. К. Уокер выражает некоторое удивление, что лидер эвбейцев назван не ванаком или басилеем, а также предполагает, что его столицей было поселение Лефканди<sup>40</sup>.

---

<sup>39</sup> οἱ δ' Εὐβοίαν ἔχον μένεα πνεῖοντες Ἀβαντες  
Χαλκίδα τ' Εἰρέτρίαν τε πολυστάφυλόν θ' Ἰστίαϊαν  
Κήρινθόν τ' ἔφαλον Δίου τ' αἰπὸν πτολίεθρον,  
οἳ τε Κάρυστον ἔχον ἠδ' οἱ Στύρα ναιετάασκον,  
τῶν αὖθ' ἡγεμόνευ' Ἐλεφήνωρ ὄζος Ἄρης  
Χαλκωδοντιάδης μεγαθύμων ἀρχὸς Ἀβάντων.

<sup>40</sup> Walker K. Op. Cit. P. 42–43.

Для того, чтобы понять, насколько справедливы выкладки К. Уокер, вначале разберем приведенный фрагмент в контексте рассмотрения «Каталога кораблей» вообще. С одной стороны, необходимо оценить, не имеем ли мы дело с интерполяцией. В пользу этой версии можно привести то, что следом за описанием эвбейского контингента следует рассказ об афинском отряде (Ном. II. II. 546–556). А затем идет упоминание саламинского отряда Аякса Теламонида, вставшего рядом с афинанами, считающееся в историографии позднейшей вставкой (Ном. II. II. 558)<sup>41</sup>. Кроме того, в поздней традиции зафиксированы сообщения о том, что Эретрия и Халкиды были афинскими колониями (Strabo. X. 1. 8). Учитывая влияние Афин на Эвбею в классическое время, это можно считать искусственной традицией, призванной мифологически аргументировать это влияние<sup>42</sup>.

Однако, как представляется, аргументы против того, что описание эвбейских войск является позднейшей вставкой, более убедительны. Главное соображение в том, что мы не находим указаний на особую связь эвбейцев с афинянами, которая является важным критерием таких интерполяций<sup>43</sup>. А соседство контингентов объясняется порядком описания войск в «Каталоге кораблей»: контингенты расположены в соответствии с географической близостью городов и областей, которые они представляют. В частности, раздел, посвященный центральной Греции, начинается с Беотии, а потом следует перечисление других областей по часовой стрелке от нее<sup>44</sup>. Поэтому совершенно логично, что Аттика находится между Эвбеей и Саламином.

---

<sup>41</sup> West M.L. *Studies in the Text and Transmission of the Iliad*. München–Leipzig, 2001. P. 12–13.

<sup>42</sup> О возможности такой традиции см.: Александрова О.И. Миф о давней дружбе? К вопросу о взаимоотношениях Афин и городов Эвбеи в V в. до н.э. // Псковский военно-исторический вестник. 2019. №5. С. 13–15.

<sup>43</sup> West M.L. *Op. cit.* P. 12.

<sup>44</sup> Файер В.В. Композиция «Каталога кораблей» и проблемы гомеровского эпоса: препринт. М., 2010. С. 18.

Итак, если текст об Эвбее не является позднейшей интерполяцией, значит наша проблема приводит к вопросу о том, как и когда был зафиксирован текст гомеровских поэм, и какую реальность он отражает. Мы опираемся здесь на открытия М. Пэрри и А.Б. Лорда, которые очень убедительно аргументировали изначально устный характер греческого эпоса<sup>45</sup>, а также на исследования В.В. Файера, который посвятил «Каталогу кораблей» несколько своих работ<sup>46</sup>. Последний отмечает, что в вопросе записи гомеровских поэм наметилось три основных варианта решения. Первый, в поддержку которого выступил сам А. Лорд: гомеровские поэмы были записаны под диктовку писцом. В.В. Файер отмечает маловероятность этого предположения, в виду уникальности ситуации – только что возникший алфавит, большое количество писчего материала, опытный писец, способный успевать записывать за сказителем. Сочетание этих факторов позволяет считать сценарий, предложенный А. Лордом, маловероятным<sup>47</sup>. Две другие версии вызывают большее доверие. Вторая гипотеза, к которой склоняется сам В.В. Файер – грамотность самого Гомера, который сначала формирует авторский вариант устного эпоса, а затем осваивает письмо<sup>48</sup>. Главным аргументом в пользу этой версии является сам поэт, который предстает в традиции фигурой выдающихся интеллектуальных способностей<sup>49</sup>. В эту же версию укладывается и гипотеза Б. Пауэлла, полагающего, что алфавитное письмо было изобретено в Греции специально для записи эпоса<sup>50</sup>. Наконец, третья версия, главным сторонником которой является выдающийся американский специалист по греческому эпосу Г. Надь, заключается в

---

<sup>45</sup> Лорд А.Б. Сказитель. М., 1994. С. 132.

<sup>46</sup> Файер В.В. Композиция...; Он же. Греческий гекзаметр: метрика и фонетика. М., 2015. С. 144–160.

<sup>47</sup> Файер В.В. Композиция... С. 6.

<sup>48</sup> Там же. С. 7.

<sup>49</sup> Там же. С. 29.

<sup>50</sup> Powell B.B. Homer and the Origin...; Idem. Did Homer sign at Lefkandi? // *Electronic Antiquity: Communicating the Classics*. 1993. Vol. I. №2. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://scholar.lib.vt.edu/ejournals/EIAnt/V1N2/powell> (дата обращения 31.08.2015)

постепенном формировании текста гомеровских поэм, которые с течением времени все более приобретают фиксированную форму. И итоговый текст формируется только в эллинистическое время в Александрии<sup>51</sup>. Как резюмирует сам В.В. Файер, ни один из вариантов не является невозможным. Однако все три объяснения оказываются достаточно маловероятными и уникальными, чтобы безоговорочно принять любое из них.

Таким образом, исходя из современного состояния гомеровской проблематики, возможность использования поэм в качестве источника по политической картине VIII в. до н.э. представляется очень спорной. Еще более спорной она становится, если мы примем во внимание специфику «Каталога кораблей», как части «Илиады». Кажется, никто из специалистов, занимающихся исследованием этой части поэмы, не утверждает, что она отражает какую-то политическую карту. А В.В. Файер убедительно показывает, что структура «Каталога» подчинена композиционным соображениям<sup>52</sup>. Мы же позволим себе обратиться к материалам археологических раскопок острова Эвбея, чтобы сопоставить описание «Каталога кораблей» с нашими материалами.

По данным археологических разведок, на Эвбее конца IX в. до н.э. локализуется двадцать восемь поселений, что представляет некоторый рост по сравнению с предшествующим временем<sup>53</sup>. Основными центрами, которые удостоилось к настоящему времени масштабного археологического исследования, стали поселение Ксерополис, некрополь Лефканди и Эретрия. Ксерополис, основанный еще во II тыс. до н.э. и существовавший с тех пор практически непрерывно на протяжении геометрического периода<sup>54</sup>, в VIII в. до н.э. сокращает занимаемую площадь. Кладбища на некрополе Лефканди,

---

<sup>51</sup> Nagy G. *Homeric Questions*. Austin, 2002. P. 40.

<sup>52</sup> Файер В.В. *Композиция...* С. 23–26, 28.

<sup>53</sup> Vedder G.R. *Op. cit.* P. 52.

<sup>54</sup> Lemos I. *Communities in transformation: an archaeological survey from the 12<sup>th</sup> to the 9<sup>th</sup> century BC* // *Pharos*. 2014. Vol. 20. Iss. 1. P. 171–174.

использовавшиеся ранее, были оставлены, что исследователи склонны расценивать как знак переселения жителей на Акрополь<sup>55</sup>. К сожалению, слои этого периода значительно пострадали от эрозии, однако археологам удалось зафиксировать остатки построек, которые могли быть фундаментом прессов для вина, масла или зернохранилищами. Исключительный интерес среди находок вызывают также шесть глиняных черепков, на которых были нанесены алфавитные знаки и какие-то другие символы<sup>56</sup>. Эвбейское происхождение этих черепков представляет большой интерес, особенно в свете теорий о роли острова в происхождении греческого алфавита<sup>57</sup>. К рубежу VIII–VII вв. до н.э. поселение было окончательно оставлено населением<sup>58</sup>.

Эретрия в геометрический период, напротив, переживает значительный подъем. Основано поселение было, как свидетельствуют данные археологии в самом начале VIII в. до н.э., хотя на этом месте фиксируются и следы более раннего заселения<sup>59</sup>. К концу того же столетия Эретрия переживает несколько крупных событий. Во-первых, это время отмечено пожарами и разрушениями на месте города<sup>60</sup>, а, во-вторых, вокруг поселения строится первая каменная стена<sup>61</sup>.

Таким образом, на основании археологических материалов, можно предполагать наличие на острове двух значительных поселений, относящихся к рубежу IX–VIII в. до н.э. Это постепенно приходящее в упадок поселение Ксерополис/Лефканди и так и не исследованная археологически Халкида,

---

<sup>55</sup> Vedder G.R. Op. cit. P. 54.

<sup>56</sup> Lefkandi I... P. 5, 33f., Figs. 78f

<sup>57</sup> Об этом вопросе см. ниже.

<sup>58</sup> Vedder G.R. Op. cit. P. 56; Walker K. Op. cit. P. 45–52, 72–88.

<sup>59</sup> Mazarakis Ainian A. Geometric Eretria... P. 3; Walker K. Op. cit. P. 89. Впрочем, археологических материалов, датируемых IX в. до н.э., достаточно мало, чтобы подтвердить версию о том, что Эретрия была полисом ранее VIII в. до н.э. См.: Verdan S. Geometric Eretria: some thoughts on old data // *Mediterranean Archaeology*. 2012. Vol. 25. P. 183.

<sup>60</sup> Mazarakis Ainian A. Geometric Eretria... P. 9.

<sup>61</sup> Walker K. Op. cit. P. 89–90.

которая, вероятно, могла существовать с более раннего времени<sup>62</sup>. Позже на политической карте Эвбеи возникает Эретрия.

Таким образом, археологические материалы в целом не противоречат картине, описанной в «Илиаде». Мы можем зафиксировать те крупные полисы, которые известны нам в архаическое время. Показательно, что, как и прочая нарративная традиция, Гомер не видит Ксерополиса на политической карте Эвбеи. Объяснить это можно, как кажется, просто: поэмы могли быть записаны только с VIII в. до н.э., когда появился алфавит, а Ксерополис к этому времени постепенно приходит в упадок. Но с достаточно высокой долей вероятности можно заключить, что археологическая картина Эвбеи не подтверждает микенское происхождение «Каталога кораблей». В противном случае, в поэме вряд ли могла бы появиться Эретрия, основанная только в VIII в. до н.э.

Теперь перейдем к вопросу о связях эвбейских поселений в VIII в до н.э. В историографии эта проблема не получила пока однозначного решения. А. Мазаракис Айниан считает, что поселение Ксерополис являлось хадкидским форпостом, выдвинутым на восток и прикрывавшим халкидскую часть Лелантской долины. Уничтожение же его, случившееся во время Лелантской войны, было делом рук эретрийцев<sup>63</sup>. Основным аргументом для А. Мазаракиса Айниана становится сопоставление развития Эретрии и Ксерополиса. Считая Эретрию победителем Лелантской войны, греческий исследователь предполагает, что исчезающее в это время поселение, расположенное на Лелантской долине, принадлежало противоположной стороне – Халкиде. Тем не менее, у нас нет никаких надежных оснований считать именно Эретрию победителем в войне, о чем будет сказано ниже.

---

<sup>62</sup> Об этом мы можем говорить достаточно уверенно на основании нескольких аргументов. Во-первых, в Халкиде были найдены образцы керамики, датируемой X в. до н.э. см. Coldstream J.N. *Geometric Greece...* P. 17. Во-вторых, Халкиду упоминает в поэме «Труды и дни» Гесиод (Hes. Erg. 654–659).

<sup>63</sup> Mazarakis Ainian A. *Geometric Eretria...* P. 21–22.

Кроме того, нет и свидетельств каких-то близких связей Халкиды и Ксерополиса. Следовательно, и концепция А. Мазаракиса Айниана не находит никакой опоры в источниках.

Иную точку зрения по этому вопросу высказывает С.К. Бакхёйзен. Он считает, что Ксерополис является «Старой Халкидой»<sup>64</sup>. Отметим, что эта точка зрения вообще лежит в русле рассматривавшейся выше концепции С.К. Бакхёйзена. Но эта точка зрения также не подкрепляется значительной аргументацией. Во-первых, в нарративной традиции не только нет данных, которые бы позволили трактовать Ксерополис как «Старую Халкиду», но нет никаких данных о существовании собственно «Старой Халкиды». Археологические материалы, привлекаемые исследователями, также не могут свидетельствовать в пользу этих гипотез. Вспомним хотя бы керамику X в. до н.э., которую находят на территории Халкиды и которая, вероятно, свидетельствует о существовании полиса параллельно с Ксерополисом. Ссылка на географическую близость Халкиды и Ксерополиса, занимающих, согласно картам С.К. Бакхёйзена, две оконечности Лелантской долины, вряд ли может считаться очень убедительным аргументом.

В пользу отождествления Ксерополиса и «Старой Эретрии» можно привести следующие соображения. Первое: упадок Ксерополиса происходит практически одновременно с постепенным ростом Эретрии, что отмечают практически все исследователи<sup>65</sup>. Второе: Эретрия с момента своего основания в начале VIII в. до н.э. поражает темпами развития. Уже в середине VIII в. до н.э. там начинается монументальное строительство – возведение

---

<sup>64</sup> Bakhuizen S. C. Chalkis-in-Euboea... P. 7–13.

<sup>65</sup> Mazarakis Ainian A. Geometric Eretria... P. 3; Auberson P. Le temple d'Apollon Daphnéphoros // Eretria. Fouilles et recherches I. Bern, 1968. P. 24; Bérard C. Topographie et urbanisme de l'Erétrie archaïque: l'Hérôon // Eretria. Fouilles et recherches VI. Bern, 1978. P. 94; Boardman J. Early Euboean pottery... P. 14; Coldstream J. N. Geometric Greece... P. 66–67, 199; Wheeler E. Ephorus and the Prohibition of Missiles // TAPhA. 1987. Vol. 117. P. 167.

храма Аполлона Дафнефороса<sup>66</sup>, в конце того же столетия город был окружен каменной стеной<sup>67</sup>, да и вообще исследователи отмечают богатство археологических материалов, найденных в Эретрии<sup>68</sup>. Такую археологическую картину можно объяснить, с наибольшей степенью вероятности, тем, что основатели Эретрии представляли собой достаточно развитую и сложившуюся общину. Источником происхождения этой общины, вероятнее всего, могло быть поселение Ксерополис, которое уже в «темные века» отличалось богатством и широкими торговыми контактами, которые фиксируют археологи<sup>69</sup>. По нашему мнению, именно эта последняя версия является наиболее аргументированной.

Еще один вопрос, на котором нам надлежит остановиться здесь, это проблема эвбейского койне, которое выделяют некоторые археологи. Гипотезу существования керамического койне, объединявшего Эвбею и Западную Эгеиду, высказал В. Десборо<sup>70</sup>. Английский исследователь предположил существование культурного или, по крайней мере, керамического, койне как минимум со времен среднепротогеометрического периода. В это койне, согласно его реконструкции, входили регионы от побережья Фессалии до Наксоса на юге<sup>71</sup>. Основанием для выделения такой общности стало распространение однотипной керамики, которая была найдена в погребениях Лефканди и других местах Эгеиды. В поздний

---

<sup>66</sup> Bérard C. *Topographie et urbanisme...* P. 89–95; Coldstream J.N. *Geometric Greece...* P. 66–67, 177–180.

<sup>67</sup> Walker K. *Op. cit.* P. 89–90.

<sup>68</sup> *Ibidem.*

<sup>69</sup> Vedder R.G. *Op. cit.* 52–56.

<sup>70</sup> Впервые в работе 1977 года: Desborough V. R. D'A. *The Background to Euboea Participation in Early Greek Maritime Enterprise* // *Tribute to an Antiquary. Essays presented to Mark Fitch*, London 1977. P. 25–40. Концепцию исследователя мы рассматриваем на основании более поздней работы Desborough V. R. D'A. *The Dark Age Pottery (SM-SPG III) from settlement and cemeteries* // Lefkandi I. *The Iron Age*. London, 1980. P. 281–354.

<sup>71</sup> Desborough V. R. D'A. *The Dark Age Pottery...* P. 286.

протогеометрический период, по мнению В. Десборо, койне могло быть расширено за счет отдельных беотийских поселений<sup>72</sup>.

Гипотеза существования культурного койне в эвбейско-кикладском регионе была развита в дальнейшем другими исследователями. Наиболее обстоятельно вопрос рассмотрела И. Лемос<sup>73</sup>. Английская исследовательница предполагает, что койне возникло на развалинах дворцовой системы среди населения, сохранявшего свое единство в «темные века»<sup>74</sup>. Ведь в ряде поселений, в том числе Фивах и Ксерополисе мы видим преемственность с предшествующими временами. И. Лемос указывает на близость Ксерополис/Лефканди к Аттике, Фессалии, Беотии и Восточной Локриде. При таком ракурсе исследования, основным аргументом для нее является не распространение эвбейской керамики в этих регионах (эту дискуссию исследовательница считает несущественной), а само наличие субмикенской керамики среди находок. Если понимать эвбейско-кикладское койне, как общность, берущую свое начало из микенской эпохи, то именно субмикенская керамика должна маркировать его географию<sup>75</sup>. И. Лемос также предполагает, что в субмикенское время Ксерополис был восстановлен после недолгого запустения именно выходцами из тех регионов, которые входили в койне, в том числе и афинянами<sup>76</sup>. Впрочем, исследовательница отмечает гипотетичность выводов на основе керамических материалов. Это обусловлено двумя проблемами: во-первых, керамика, известная нам, происходит из погребений; а во-вторых, выводы основаны на материалах из предварительных отчетов, за которыми пока не последовали полноценные публикации<sup>77</sup>. Таким образом, картина может измениться после полной

---

<sup>72</sup> Ibidem. P. 310.

<sup>73</sup> Lemos I. Euboea and its Aegean koine...

<sup>74</sup> Ibidem. P. 45.

<sup>75</sup> Ibidem. P. 46.

<sup>76</sup> Ibidem. P. 47–48.

<sup>77</sup> Ibidem. P. 49.

публикации материалов, а сходство керамики можно интерпретировать функциональными особенностями сопроводительного материала погребений, а не культурной близостью участников койне. Помимо керамики, И. Лемос отмечает наличие в памятниках предполагаемого койне схожих типов металлических изделий. При этом в погребальном обряде наблюдаются расхождения, не позволяющие уверенно говорить о единстве<sup>78</sup>.

Изменяется ситуация в протогеометрическое время. Археологические данные показывают разделение Греции на регионы. Эвбея формирует койне с областями Центральной Греции, Фессалии, а также, возможно, Халкидией. Вероятно, койне включало в себя также Андрос и Тенос<sup>79</sup>. Основным аргументом, подтверждающим существование такого койне, являются керамические материалы. Это распространение общих типов керамики, которые возникали на Эвбее, а затем распространялись по всем областям койне<sup>80</sup>. Наблюдается сходство и в использовании металлических деталей одежды<sup>81</sup>. Другие материалы дают мало дополнительной информации. Для оценки типов оружия не хватает сравнительного материала, а погребальная практика сильно различалась и внутри самого Лефканди<sup>82</sup>. Все эти материалы позволяют И. Лемос заключить, что эвбейское материальное койне было и культурным<sup>83</sup>.

И. Лемос также отмечала сходство областей, являвшихся частью койне, в архитектурных традициях. Однако куда более подробно этот вопрос был разработан А. Мазаракисом Айнианом<sup>84</sup>. Греческий исследователь приходит к

---

<sup>78</sup> Ibidem. P. 49–50.

<sup>79</sup> Ibidem.

<sup>80</sup> Ibidem. P. 50–51.

<sup>81</sup> Ibidem. P. 51–53.

<sup>82</sup> Ibidem. P. 53–54.

<sup>83</sup> Ibidem. P. 56–57.

<sup>84</sup> Mazarakis Ainan A. The form and structure of Euboean society in the Early Iron Age based on some recent research // *Alle origini della Magna Grecia: mobilità, migrazioni, fondazioni. Atti del cinquantesimo convegno di studi sulla Magna Grecia, Taranto, 1-4 ottobre 2010. Taranto, 2012. P. 73–99.*

выводу, что ряд поселений, относимых к эвбейскому койне, демонстрируют сходство в архитектуре и плановой застройке в архаическое время<sup>85</sup>.

Однако концепция эвбейского койне подвергается в историографии и справедливой критике. Наиболее солидный разбор концепции можно обнаружить в работе Л. Доннеллан<sup>86</sup>. Исследовательница изменяет ракурс анализа и предлагает обратиться к самому концепту койне, отмечая, что предшествующие авторы стремились только показать схожесть в стилях керамики и архитектуры. В то же время, в археологических исследованиях вопрос заимствования стиля решается далеко не однозначно. Заимствованный стиль часто связан с функциональными особенностями предметов<sup>87</sup>. В связи с этим важно анализировать не общие стилистические особенности, но те связи, которые могли возникать между обществами и поселениями и которые мы можем проследить по нашим археологическим материалам. А именно: какие повседневные практики демонстрируют нам археологические материалы определенного типа<sup>88</sup>?

Л. Доннеллан анализирует группы керамики из поселений, которые обычно считаются частью эвбейского койне и отмечает серьезные различия между ними. Группы керамики, частые в одних поселениях, практически отсутствуют в других<sup>89</sup>. Материалы показывают, что распространение общих типов керамики эвбейского койне отличается от одного поселения к другому. А значит, даже в этом вопросе, мы можем говорить о сильной региональной специфике. Кроме того, по мнению Л. Доннеллан, нет оснований преувеличивать роль Ксерополиса\Лефканди в распространении эвбейского койне. Сравнительно с другими койне, в случае эвбейского мы не можем

---

<sup>85</sup> Mazarakis A. The form and structure... P. 83–84.

<sup>86</sup> Donnellan L. The “Euboean” Koine: Reassessing Patterns of Cross-Cultural Interaction and Exchange in the North-Western Aegean Region // *Material Koinai in the Greek Early Iron Age and Archaic Period* / Ed. by Handberg S. and Gadolou A. Athens, 2017. P. 43–63.

<sup>87</sup> Ibidem. P. 47.

<sup>88</sup> Ibidem. P. 48.

<sup>89</sup> Ibidem. P. 56. Tab. 2.

говорить о культурных взаимодействиях. Как отмечают археологи, заимствования керамических типов происходят не из эстетических соображений, а для конкретных практик, например, для ритуализированного коллективного употребления пищи и напитков. Но в эвбейском койне нет единообразия типов сосудов для еды и питья. Что не позволяет говорить об общих культурных практиках, за исключением погребальных<sup>90</sup>.

Таким образом, вряд ли койне представляло из себя культурную идентичность, которую предполагает И. Лемос. Вместо этого, мы можем говорить о связях поселений в погребальных практиках. Погребение – это весьма специфическая форма повседневной практики, которая, с одной стороны, отличается редкостью и периодичностью, а с другой, предполагает возможное участие представителей других сообществ. Это находит подтверждение и в античных текстах, которые показывают перемещение людей на большие расстояния для участия в погребальных играх. И, конечно, вряд ли тут можно говорить о какой-то идентичности. Скорее наоборот – стоит вести речь о соперничестве представителей разных поселений эвбейского койне. А следовательно, эти взаимодействия вряд ли могут быть названы койне – общностью, единством – как таковым<sup>91</sup>.

Наконец, последний вопрос, на котором нам стоит остановиться, это место Эвбеи в формировании греческого алфавита. Здесь в первую очередь, необходимо оценить, можем ли мы говорить, что греческий алфавит был адаптирован из финикийского единовременно и в одном месте. Подробно аргументировал единовременность формирования греческого алфавита Х. Марек. Резюмируя основные положения его работы, мы должны заключить, что, несмотря на существование отличий в региональных вариантах греческого алфавита, везде мы встречаем общую базу. При этом, изменения букв финикийского алфавита достаточно значительны и неочевидны. Это

---

<sup>90</sup> Ibidem. P. 57–59. Tab. 3.

<sup>91</sup> Ibidem. P. 59–61.

позволяет отместить идею, будто такие изменения могли произойти одновременно в разных территориях греческого мира<sup>92</sup>.

В вопросе локализации возникновения алфавита исследователи значительно расходятся. Р. Вудард полагает, что местом возникновения греческого алфавита был Кипр<sup>93</sup>, Б. Пауэлл и К. Руиж доказывали, что алфавит возник на Эвбее или в эвбейских колониях<sup>94</sup>. Б. Пауэлл даже высказал гипотезу о личности человека, адаптировавшего алфавит. В качестве такого изобретателя ученый предложил эвбейского героя Паламеда, который фигурировал как один из изобретателей алфавита еще в античной традиции<sup>95</sup>. Впрочем, аргументировать, как и критиковать гипотезы об изобретателе алфавита не представляется возможным.

Немного другая ситуация с хронологическим вопросом. Время адаптации греческого алфавита оценивается по-разному. К. Руиж полагает, что это произошло около 1000 г. до н.э. В качестве аргументации он приводит лингвистические доводы. Исследователь обращает внимание на изменения в греческом языке от микенского к гомеровскому варианту и доказывает, что адаптация алфавита должна была произойти в промежутке между исчезновением микенского письма и появлением греческого эпоса<sup>96</sup>. Другие

---

<sup>92</sup> Marek Ch. Euboia und die Entstehung der Alphabetschrift bei den Griechen // *Klio*. Bd. 75. 1993. S. 27–44; Сравнение первых вариантов алфавита в других полисах см. в таблице Р. Дженко: Приложение №3.

<sup>93</sup> Woodard R.D. *Greek writing from Knossos to Homer*. New York and Oxford, 1997.

<sup>94</sup> Powell B.B. *Homer and the origin...*; Ruijgh C.J. *D’Homère aux origines proto-mycéniennes de la tradition épique* // *Homeric Questions* / Ed. by J.P. Crielaard. Amsterdam, 1995. P. 26–47; Idem. *Mycenaean and Homeric Language* // *A Companion to Linear B: Vol. 2* / Ed. by Y. Duhoux and A.M. Davies. Louvain-la-Neuve, 2011. P. 260–261.

<sup>95</sup> Powell B.B. *Homer and the origin...* P. 233–236. Отметим, что, несмотря на экстравагантность гипотезы об «открывателе» алфавита, в целом Б. Пауэллу удастся построить очень убедительную аргументацию культурных причин внедрения алфавита. Хотя более взвешенной видится позиция И.Е. Сурикова, который не исключает сочетания экономических и неэкономических причин заимствования алфавита. См.: Суриков И.Е. Были ли экономические причины алфавитного письма в Древней Греции // *Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье*. М., 2013. С. 249.

<sup>96</sup> Ruijgh C.J. *D’Homère...* P. 26–47; Idem. *Mycenaean...* P. 260–261.

исследователи не спорят с аргументацией К. Руижа, однако указывают на то, что разница между микенскими и гомеровскими словами могла возникнуть в любое время между 1200 г. до н.э. и первыми надписями. Кроме того, лингвистические изменения дают нам только *terminus post quem*. Соответственно, и алфавит мог возникнуть в тот же промежуток времени. Это более чем укладывается в находки первых греческих надписей. Согласно традиционной хронологии первые надписи должны датироваться первой четвертью VIII в. до н.э., хотя Р. Дженко предлагает удревнить это событие, отнеся его к последней четверти IX в. до н.э.<sup>97</sup>

В качестве критериев для определения места адаптации алфавита можно предложить следующие факты. Во-первых, наличие или отсутствие дополнительных букв в надписях и алфавитах из разных регионов. Во-вторых, эволюция написания букв, изменения в их форме в сравнении с семитскими вариантами.

Р. Дженко достаточно убедительно аргументирует, что критский вариант алфавита являлся наиболее архаическим. Однако это еще не означает, что именно Крит был местом адаптации алфавита. Это доказывается несколькими положениями. Во-первых, критский алфавит сохраняет семитскую форму для «беты» и «эты», в то время как другие семитские написания букв сохраняются и в критском, и в эретрийском вариантах греческого алфавита. Во-вторых, критский алфавит использует близкое к семитскому написанию «йоты», в то время как эретрийская «йота» представляет собой вертикальную черту. Наконец, в-третьих, в критском алфавите отсутствуют дополнительные буквы «хи», «фи» и «пси»<sup>98</sup>.

В пользу древности эвбейского варианта могла бы говорить эретрийская форма «кси», которая является более развитым вариантом написания буквы

---

<sup>97</sup> Janko R. From Gabii and Gordion to Eretria and Methone: the rise of the Greek Alphabet // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 2015. Vol. 58. Iss. 1. P. 11–12.

<sup>98</sup> *Ibidem*. P. 7–11.

финикийского алфавита «самек». Однако на Крите «кси» в известных нам надписях не используется. Следовательно, мы не можем сказать, была ли критская форма более развитой.

Древнейшие находки на Крите и Эвбее говорят, скорее, в пользу эвбейского варианта. На Крите была найдена древнейшая в Греции финикийская надпись, датированная примерно 900 г. до н.э. Однако и в Эретрии подобные примеры есть. Датированные 830 г. лошадиные доспехи с надписями были найдены в храме Аполлона. Хотя, скорее всего, они проникли в Грецию только в конце VIII в. до н.э. Более убедительна находка в Эретрии фрагмента среднегеометрической местной керамики с нанесенной на нее финикийской надписью<sup>99</sup>.

Важным аргументом в пользу Эвбеи является также то, что первые греческие надписи на Крите и Кипре появились только в последней четверти VIII в. до н.э. Да и вообще количество критских надписей архаического времени невелико, и большую их часть представляют записи законов.

Первые известные в настоящее время греческие надписи происходят из Италии. Древнейшей из них считается надпись, найденная в Остерия дель Оса<sup>100</sup>. Судя по форме «йоты», это скорее эвбейская надпись, нежели критская<sup>101</sup>. Да и присутствие эвбейцев в этом регионе более вероятно, нежели критян. Интересны также параллели с латинским алфавитом. Р. Дженко отмечает, что дополнительные буквы «фи», «хи» и «пси» появляются в этом порядке во всех известных нам алфавитах – эвбейском, беотийском, аттическом, в алфавитах Рима и Этрурии. Это свидетельствует в пользу гипотезы о единовременной адаптации алфавита<sup>102</sup>. Самое древнее появление одной из этих букв датируется серединой VIII в. до н.э., когда мы встречаем

---

<sup>99</sup> Ibidem. P. 12.

<sup>100</sup> Ridgway D. Greek Letters... P. 87–97.

<sup>101</sup> См. Приложение №3.

<sup>102</sup> Janko R. Op. cit. P. 20. См. также Приложение №3.

первый случай использования «хи» в надписи из Лефканди. Примерно тем же временем датируется использование «хи» в надписи из Эретрии<sup>103</sup>.

Представляется, что все имеющиеся факты свидетельствуют в пользу следующей реконструкции. Первая адаптация алфавита, вероятно, происходит на Крите. Это ясно из архаичности алфавита, который демонстрирует ряд переходных форм в написании букв. Можно было бы объяснить архаичность критского алфавита определенной деградацией, но тогда нужно ясно объяснить, почему критяне отказались от нескольких новых греческих букв в пользу близких к финикийским вариантов. Однако консервативные критяне используют алфавит только в ограниченных масштабах, а именно, для записи законов. Поэтому вряд ли именно они распространили новинку по территории греческого Средиземноморья. Скорее можно предположить, что с Крита алфавит заимствуют эвбейцы, внесшие в него дальнейшие изменения, и распространившие его по всему греческому миру. В пользу этого говорит и количество найденных эвбейских надписей, и их очень широкая география, включающая как Центральную Италию, так и Северную Эгеиду, и, наконец, древность первых надписей, сделанных эвбейским алфавитом.

Таким образом, мы можем прийти к заключению, что в VIII в. до н.э. Эвбея переживает расцвет, проявляющийся в росте количества поселений и культурных инновациях, в частности, в распространении алфавита. Кроме того, в это же время происходят изменения в политической ситуации на острове: стабильным поселением остаётся Халкида, постепенно сокращается Ксерополис, бурно растёт и развивается Эретрия. Достаточно вероятным можно считать переселение как минимум части жителей Ксерополиса в Эретрию на протяжении VIII в. до н.э.

---

<sup>103</sup> Ibidem. P. 22.

## **ГЛАВА 2. ЭВБЕЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЭРЕТРИИ И ХАЛКИДЫ ДО ЛЕЛАНТСКОЙ ВОЙНЫ**

Настоящая глава будет посвящена важнейшему процессу греческой истории архаического времени – Великой греческой колонизации. В связи с ней нас более всего интересует вопрос взаимодействий Эретрии и Халкиды в ходе колонизационных предприятий в Италии и Северной Эгеиде.

### **2.1. Взаимоотношения Эретрии и Халкиды до Лелантской войны**

Переходя к взаимоотношениям Эретрии и Халкиды до Лелантской войны, стоит отметить, что сама по себе эта проблема имеет не столь уж давнюю историю. Долгое время большинство исследователей считало очевидным, что два крупнейших эвбейских полиса находились в мирных отношениях, сотрудничали в колонизационных мероприятиях. Дружбе эвбейских полисов не помешала даже Лелантская война, которая велась по строго определенным правилам, без использования метательного оружия.

Аргументация сторонников этой концепции сводилась к двум основным положениям. Во-первых, античная нарративная традиция действительно сохранила для нас сообщения о сотрудничестве эвбейских полисов в основании колоний<sup>1</sup>. Во-вторых, имеется прямое указание Страбона (Strabo. X. 1. 12), что Эретрия и Халкида жили в мире до самой Лелантской войны. Большинство исследователей не считали нужным подвергать эту традицию критическому анализу, приводя сообщение Страбона и, для полноты картины, упоминая совместную колонизацию<sup>2</sup>. Споры могла вызвать трактовка сообщения греческого географа о запрете метательного оружия, однако

---

<sup>1</sup> Подробнее см. ниже.

<sup>2</sup> Bradeen D.W. The Lelantine War and Pheidon of Argos... P. 223–241; Burn A.R. The So-Called "Trade-Leagues" ... P. 14–37; Geyer F.P. Op. cit.; Parker V. Untersuchungen... S. 58; Жестоканов С.М. Лелантская война... С. 6–12.

никогда – указанная им информация о мирных отношениях Эретрии и Халкиды<sup>3</sup>.

Однако эта традиция была прервана английской исследовательницей – специалистом по архаической греческой эпиграфике<sup>4</sup> – Л. Джеффри. В 1976 году она издала работу<sup>5</sup>, посвященную истории архаической Греции, в которой остановилась и на проблеме Лелантской войны. Стоит отметить, что сами по себе взгляды Л. Джеффри достаточно традиционными. Исследовательница отстаивает идею о длительном и общегреческом характере Лелантской войны<sup>6</sup>, вполне согласна с обширным перечнем союзников эвбейских полисов<sup>7</sup>, не подвергает сомнению традицию о запрете метательного оружия. Однако в ее работе прозвучала и новая идея – недоверие к традиции о мирном сотрудничестве главных эвбейских полисов до Лелантской войны<sup>8</sup>. Остановимся подробнее на соображениях, которые высказывала по этому поводу британская исследовательница.

Первое, что отмечает Л. Джеффри – разница в торговых интересах между Эретрией и Халкидой. Халкида, с ее точки зрения, была заинтересована в торговых связях с Беотией, чему свидетельством служит сообщение Гесиода, совершавшего плавание в этот полис (*Hes. Erg.* 650–657). Вне Эллады Халкида проявляла интерес к колонизации Италии, тогда как Эретрия обращается к торговле с Ближним Востоком<sup>9</sup>. Высказывая идею об отсутствии периода мирных взаимоотношений между Эретрией и Халкидой, Л. Джеффри не стремится к опровержению всей традиционной аргументации, отмечая только,

---

<sup>3</sup> В качестве примера можно указать статью Дж. Форреста (*Forrest W.G. Op. cit. S.* 160–175), в которой антиковед подробно останавливается на объяснении причин своего недоверия к сообщению Страбона о запрете метательного оружия в ходе Лелантской войны, но ни разу не подвергает сомнению предоставленную географом информацию о том, что Эретрия и Халкида находились в мирных отношениях до Лелантской войны.

<sup>4</sup> Одной из наиболее известных ее работ является исследование по архаической греческой письменности (см. *Jeffery L. The Local Scripts...*).

<sup>5</sup> *Jeffery L. H. Archaic Greece...*

<sup>6</sup> *Ibidem. P. 63.*

<sup>7</sup> *Ibidem.*

<sup>8</sup> *Ibidem. P. 63–69.*

<sup>9</sup> *Ibidem. P. 63–64.*

что наши данные о совместных действиях эвбейских полисов крайне отрывочны и не заслуживают того доверия, которым пользуются в среде исследователей<sup>10</sup>. При этом, Л. Джеффри не останавливается на подробной критике сообщения Страбона. Она отмечает только малую вероятность сообщения греческого географа о каменной стеле с запретом оружия в Эретрии<sup>11</sup>.

Итак, хотя аргументация английской исследовательницы отнюдь не представляется бесспорной, все же главным ее достижением можно считать саму постановку проблемы отношений Эретрии и Халкиды до Лелантской войны. При этом, пытаясь аргументировать отсутствие сотрудничества полисов Эвбеи через разнонаправленность их торговых интересов, Л. Джеффри не смогла построить убедительную систему доказательства. Поездка Гесиода вряд ли может считаться основой для обобщающего вывода о тесной связи Беотии и Халкиды, тем более что сам поэт подчеркивает разовый характер этой акции и называет целью своего путешествия отнюдь не торговлю, а агоны на похоронах халкидского аристократа Амфидаманта. Кроме того, в современной историографии отмечается близость беотийских поселений, например, Оронта с эвбейскими полисами – Ксерополисом и Эретрией<sup>12</sup>. Далее, у нас нет никаких данных, доказывающих, что эвбейцами, проникавшими на Ближний Восток были только эретрийцы – из археологических материалов там присутствует эвбейско-кикладская керамика, более точная локализация которой практически невозможна. В то же время, проникновение Эретрии в Италию подтверждается достаточно обширной нарративной традицией. Странно предполагать отсутствие эретрийских интересов на западе, если именно этот полис первым основал колонию на Керкире, о чем свидетельствует Плутарх (Plut. Quaest. Gr. 11 = Mor. 293 a–b).

---

<sup>10</sup> Ibidem. P. 64.

<sup>11</sup> Ibidem. P. 65–66.

<sup>12</sup> Mazarakis Ainian A. The form and structure of Euboean society... P. 71–99.

Итак, прежде всего нам бы хотелось обратиться к единственному прямому указанию античной нарративной традиции на взаимодействие эвбейских полисов в архаическое время – к сообщению Страбона. Вначале процитируем греческого географа: «Итак, сами эти города по большей части жили в согласии друг с другом. А поссорившись из-за Леланта не до такой степени порвали, чтобы в войне по своей воле каждый поступал, но заключили, каким образом сходиться в сражении. Ясно это по некой стеле в Амаринфе, указывающей не использовать дальнобойные [снаряды]»<sup>13</sup> (Strabo. X. 1. 12).

Именно этот фрагмент служит главным аргументом в пользу существования периода союзных отношений Эретрии и Халкиды до Лелантской войны. Л. Джеффри не останавливается на интерпретации сообщения Страбона и склонна, скорее, доверять традиции в вопросе о существовании запрета на метательное оружие. Однако позднее, рассуждая о датировке войны, английская исследовательница подвергает сомнению возможность того, что надпись, о которой пишет греческий географ, могла появиться в VIII в. до н.э., а, следовательно, и само его сообщение не может считаться достоверным для реконструкции событий, предшествовавших Лелантской войне<sup>14</sup>.

С чрезмерно критическим отношением к традиции о запрете метательного оружия во время Лелантской войны подходит Д. Фелинг<sup>15</sup>. Нам не кажется правдоподобной гипотеза немецкого исследователя, согласно которой запрет мог вырасти из неправильной интерпретации Страбоном отрывка Архилоха, прославляющего эвбейцев за мастерство в ближнем бою<sup>16</sup>.

---

<sup>13</sup> Τὸ μὲν οὖν πλεον ὁμολόγουν ἀλλήλαις αἱ πόλεις αὗται, περὶ δὲ Ληλάντου διενεχθεῖσαι οὐδ' οὕτω τελέως ἐπαύσαντο, ὥστε τῇ πολέμῳ κατὰ αὐθάδειαν δρᾶν ἕκαστα, ἀλλὰ συνέθεντο, ἐφ' οἷς συστήσονται τὸν ἀγῶνα. Δηλοῖ δὲ καὶ τοῦτο ἐν τῇ 'Αμαρυνθίῳ στήλῃ τις, φράζουσα μὴ χρῆσθαι τηλεβόλοις.

<sup>14</sup> Jeffery L. H. *Archaic Greece*... P. 65–66.

<sup>15</sup> Fehling D. *Zwei Lehrstücke*... 201–210.

<sup>16</sup> *Ibidem*.

Отметим, что аргументация Д. Фелинга уже подвергалась убедительной критике в работах В. Паркера и Х. Туманса<sup>17</sup>.

Что же до подхода Л. Джеффри и ее оценки надписи, на которую ссылается Страбон, то более поздняя датировка ничего не дает нам для определения хронологии затяжного военного конфликта. Во-первых, совершенно необязательна строгая привязка надписи к началу войны, да и ко времени боевых действий вообще – она вполне могла быть поставлена на последующих этапах<sup>18</sup>, что совершенно не свидетельствует против историчности ее содержания. Во-вторых, стоит заметить, что если где-то такая надпись и могла появиться в столь раннее время, то именно Эвбея выглядит наиболее очевидным кандидатом. Активные контакты с Ближним Востоком, а также очень раннее проникновение в Италию, где найдены древнейшие примеры греческой эпиграфики, да и вообще высокий уровень развития эвбейских полисов, лидировавших во многих сферах жизни архаической Эллады – всё это свидетельствует в пользу возможности сохранения на острове современных Лелантской войне надписей. Отметим, правда, что примеры эпиграфики из самой Эретрии, которые могли бы подтвердить гипотезу о ранней надписи, дошедшей до времени Страбона, не обнаруживаются. Древнейшие длинные местные надписи датируются только VI в. до н.э.<sup>19</sup> Кроме того, как отмечает Б. Пауэлл, среди греческих надписей, датируемых временем до 650 г. до н.э., нам не встретится ни одного примера официального публичного документа<sup>20</sup>. Впрочем, в контексте проблемы взаимоотношений Эретрии и Халкиды до Лелантской войны наше отношение к будто бы виданной Страбоном надписи не является принципиальным. В

---

<sup>17</sup> Parker V. Untersuchungen... S. 12–13; Туманс Х. Рождение Афины... С. 122–124. Подробное изложение аргументации Д. Фелинга и нашей критики находится в 5 пункте 2 главы настоящей работы.

<sup>18</sup> Есть случаи, когда эпиграфические свидетельства, относящиеся к архаическому периоду, получают редакцию в более позднее время и доходят до нас именно в поздней версии. См. Яйленко В.П. Греческая колонизация... С. 67–68.

<sup>19</sup> Jeffery L. The Local Scripts... P. 71–86.

<sup>20</sup> Powell B. B. Homer and Origins... P. 182.

конце концов, в ней не шла речь о мирных отношениях эвбейских полисов – но только о запрете метательного оружия. Куда важнее подчеркнуть тот факт, что до Страбона соответствующая традиция дошла. Теперь стоит задаться вопросом: можно ли вообще использовать его сведения в качестве аргумента по вопросу о мирных взаимоотношениях Эретрии и Халкиды?

Сообщение греческого географа, по сути, распадается на две части. Первая – это информация о запрете на метательное оружие и стеле, на которой этот запрет был написан. Вторая – это сообщение о том, что Эретрия и Халкида жили в мире, даже несмотря на ссору из-за Лелантской долины. Мы начнем разбор с первой части.

В качестве наиболее вероятного источника этой информации обычно рассматривают Эфора, который жил спустя четыре столетия после Лелантской войны<sup>21</sup>. Э. Уилер предположил, что именно его выдумкой является сообщение о запрете и стеле. Объясняя, зачем историку IV в. до н.э. понадобилось изобретать подобную традицию, Э. Уилер указывает на то, что учителем Эфора был известный своими панэллинскими идеями Исократ. Эфор, верный идеям наставника, в своем сочинении изобретает традицию, демонстрируя добрососедские отношения греков в архаическое время, их цивилизованность. Это противопоставляется враждебным отношениям греческих полисов в IV в. до н.э. Э. Уилер обращает также внимание на слово «τηλεβόλοις», которое Страбон использует для обозначения метательного оружия. Исследователь отмечает, что данный термин обозначал не только стрелы или камни для пращей, но и другие виды метательного оружия, вплоть до катапульт. Э. Уилер считает, что это еще один аргумент в пользу позднего происхождения традиции. Ведь именно в это время распространяются метательные орудия, наносящие значительный урон противнику, при этом, также обозначающиеся словом «τηλεβόλοις»<sup>22</sup>. Соответственно, современная

---

<sup>21</sup> Wheeler E. L. Ephorus and the Prohibition of Missiles... P. 174–177.

<sup>22</sup> Ibidem. P. 178–182.

историку война противопоставляется старым временам, когда войны между эллинами велись по правилам.

Нам бы, в свою очередь, хотелось акцентировать внимание на другом элементе сообщения Страбона. Греческий географ испытывает затруднения при объяснении дошедшей до него традиции и явно пытается рационализировать полученную информацию. Страбон пишет: «Поскольку, конечно, и для военных нравов и для вооружения и нет, и не было никакого обычая» (Strabo. X. I. 12)<sup>23</sup>. Затем следует небольшой экскурс в историю вооружения с попыткой объяснить традицию о запрете метательного оружия (Strabo. X. I. 12–13). Страбон цитирует фрагменты Гомера, в которых идет речь об использовании метательного оружия и оружия ближнего боя, отмечая, что эвбейцы фигурируют в поэмах как воины, не использующие метательное оружие.

Нам представляется, что известие о мирных взаимоотношениях Эретрии и Халкиды до Лелантской войны было еще одной попыткой греческого географа рационализировать дошедшую до него традицию. Ведь, согласно вышеуказанному мнению Страбона, правил в войне быть не может. Однако сообщение о запрете этому убеждению противоречит. Значит отношения между полисами, которые ввели этот запрет, чем-то отличались от общепринятых. Отсюда, по нашему мнению, могла зародиться идея об особенно благоприятных отношениях эвбейских полисов между собой. Впрочем, это рассуждение не противоречит тому, что Страбон мог получить информацию о мирных отношениях Эретрии и Халкиды из самостоятельных источников. Но вероятность такого, по нашему мнению, достаточно мала.

Теперь остановимся на другом аргументе сторонников гипотезы о мирных отношениях эвбейских полисов. Перейдем к проблеме эвбейской колонизации и возможного сотрудничества Эретрии и Халкиды при основании колоний.

---

<sup>23</sup> Καὶ γὰρ δὴ καὶ τῶν πολεμικῶν ἔθων καὶ τῶν ὀπλισμῶν οὐθὲν οὔτ' ἐστὶν οὔτ' ἦν ἔθος.

## 2.2. Эвбейская колонизация Италии и Сицилии

Начнем с анализа западного направления эвбейской колонизации, которое чаще всего приводится в подтверждение тезису о совместной деятельности Эретрии и Халкиды в архаику. Речь пойдет, прежде всего, о Кумах и Питекуссах. Об основании Питекусс – древнейшей греческой колонии в Италии – Страбон сообщает следующее: «Питекуссы же основали эретрийцы и халкидяне. Преуспев вследствие плодородия и золотых россыпей, они покинули остров из-за раздоров. А позже они были изгнаны землетрясениями, извержениями огня, моря и горячих вод» (Strabo. V. 4. 9)<sup>24</sup>. Как мы видим, греческий географ упоминает некий стасис, из-за которого преуспевание первых поселенцев в Питекуссах оказалось недолгим, отмечает плодородие острова и тот факт, что окончательно население было изгнано природными катаклизмами. Важно, что здесь мы видим указание на сотрудничество эвбейских полисов, однако не очень понятна природа стасиса, который заставил поселенцев покинуть остров.

Другую информацию сообщает об этих колониях Тит Ливий, считающий основателями Питекусс только халкидян, которые после непродолжительного пребывания на острове основали еще и Кумы: «Куманцы вели происхождение из эвбейской Халкиды»<sup>25</sup> (Liv. VIII. 22. 6). Римский историк также отмечает, что перед тем, как переселиться на континент, халкидские колонисты заняли острова Энарию и Питекуссы. У Тита Ливия нет упоминаний о сотрудничестве эвбейских полисов. Однако это легкообъяснимо. Предметом исследования римского историка является история Рима. Соответственно, для него информация о составе колонистов, заселивших Кумы, является второстепенной. Халкидяне же здесь фигурируют

---

<sup>24</sup> Πιθηκούσσαν δ' Ἐρετρίεις ᾤκισαν καὶ Χαλκιδεῖς, εὐτυχήσαντες δὲ δι' εὐκαρπίαν καὶ διὰ τὰ χρυσεῖα ἐξέλιπον τὴν νῆσον κατὰ στάσις, ὕστερον δὲ καὶ ὑπὸ σεισμῶν ἐξελαθέντες καὶ ἀναφύσσημάτων πυρὸς καὶ θαλάττης καὶ θερμῶν ὑδάτων.

<sup>25</sup> Cumani Chalcide Euboica originem trahunt.

по той причине, что ко временам Тита Ливия Халкида остается центром Эвбеи, в то время как Эретрия практически исчезла.

Об основании Кум пишет и Страбон. Географ называет их метрополиями Халкиду и Кумы: «После этого идут Кумы, основанные в древнейшие времена халкидянами и кумейцами: поскольку это старейший из всех городов на Сицилии и в Италии. Экспедицией руководили Гиппокл Кумеец и Мегасфен Халкидец, они договорились, что из двоих [городов] одному будет принадлежать колония, а другой даст название. Поэтому-то теперь [город] называется Кумами, а халкидяне считаются его основателями»<sup>26</sup> (Strabo. V. 4. 4). Интересно, что Страбон, в отличие от Тита Ливия, не связывает основание Кум с основанием Питекусс и называет город на побережье Италии древнейшей греческой колонией в этом регионе. При этом, рассказ Страбона куда более подробен, нежели краткое упоминание римского историка, и с нашей точки зрения заслуживает большего доверия. То, что Страбон считает именно Кумы древнейшей итальянской колонией, объясняется, вероятно, масштабом поселения. Греческий географ мог не считать небольшое поселение на Питекуссах «настоящей» колонией. При этом данные археологии, безусловно, подтверждают, что именно поселение на острове Искья было древнейшей из основанных греками колоний в Италии<sup>27</sup>.

Стоит остановиться также на вопросе о том, какие Кумы имел в виду Страбон, говоря о метрополии Кум итальянских. В историографии не

---

<sup>26</sup> ταύταις δ' ἐφεξῆς ἔστι Κύμη Χαλκιδέων καὶ Κυμαίων παλαιότατον κτίσμα: πασῶν γάρ ἐστι πρεσβυτάτη τῶν τε Σικελικῶν καὶ τῶν Ἰταλιωτίδων. οἱ δὲ τὸν στόλον ἄγοντες, Ἴπποκλῆς ὁ Κυμαῖος καὶ Μεγασθένης ὁ Χαλκιδεὺς, διωμολογήσαντο πρὸς σφᾶς αὐτοὺς, τῶν μὲν τὴν ἀποικίαν εἶναι τῶν δὲ τὴν ἐπωνυμίαν: ὅθεν νῦν μὲν προσαγορεύεται Κύμη, κτίσαι δ' αὐτὴν Χαλκιδεῖς δοκοῦσι.

<sup>27</sup> Ее основание датируют второй четвертью VIII в. до н.э. См. Buchner G. Pithekoussai: oldest Greek colony in the West // Expedition №8. 1966. P. 12; Bartonek A. Die Ältesten Griechischen Inschriften von Pithekoussai // Sbornik Praci Filozoficke Fakulty Brnenske Univerzity. 1996. №1. S. 8–10; Greco E. Pithekoussai: Emporion o Apoikia? // Annali di Archeologia e storia antica. 1994. №1. P. 11–18; Boffa G. L'Insediamento Euboico a Pithecusa // La Parola del Passato. 1998. Fasc. 299. P. 144–161. Отметим, что первая эвбейская керамика в Италии сейчас датируется уже X в. до н.э. См. D'Agostino B. The first Greeks in Italy // Greek Colonization. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol. 1. Leiden–Boston, 2006. P. 202.

сложилось единого мнения по этому вопросу. Существует два варианта атрибуции. Первый – Страбон имел в виду эолийские Кумы. Данную точку зрения разделяют Д. Бьюри – один из первых исследователей истории Эвбеи – и А. Бёрн<sup>28</sup>. Основой для подобной позиции является указание Псевдо-Скимна (236–239) на то, что в Кумах жили эолийцы:

Вслед за областью латинов есть в области опиков город,  
Вблизи озера, называемого Аорном,  
Кумы, которые прежде заселили халкидяне,  
А затем эолийцы<sup>29</sup>.

Второй вариант локализации Кум, о которых пишет Страбон, – это небольшое поселение на Эвбее, информация о котором сохранилась у Стефана Византийского (Steph. Byz. s.v. Κύμη). Эту точку зрения разделяют О. Гуинн и В.И. Шубин<sup>30</sup>. Они критикуют первую версию и доказывают, что сообщение Псевдо-Скимна не обязательно предполагает участие эолийцев в основании поселения – они могли переселиться в Кумы позже. Нам эта трактовка сообщения Псевдо-Скимна также кажется более вероятной. В нем нет никаких указаний на эолийские Кумы, равно как и на то, что основание Кум в Италии было делом двух групп колонистов.

Однако оценим аргументированность другой точки зрения. Для локализации страбоновых Кум на Эвбее обычно приводят следующие соображения. Во-первых, для сотрудничества в основании колонии была необходима общность происхождения и интересов колонистов, что мы вправе ожидать от представителей одного острова. Во-вторых, можно привлечь

---

<sup>28</sup> Bury J.B. Op. cit. P. 631; Burn A.R. The So-Called «Trade-Leagues»... P. 15.

<sup>29</sup> Μετὰ δὲ Λατίνους ἔστιν ἐν Ὀπικοῖς πόλις  
τῆς λεγομένης λίμνης Ἀόρνου πλησίον,  
Κύμη, πρότερον ἤν Χαλκιδεῖς ἀπόκισαν,  
εἴτ' Αἰολεῖς.

<sup>30</sup> Gwinn A. The Character of Greek Colonization // JHS. 1918. Vol. 38. P. 102; Шубин В.И. Ранние эвбейские колонии в Италии // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 2. Вып. 2. С. 43–45.

сообщение Дионисия Галикарнасского, который пишет об участии в основании Кум еще и Эретрии. «В годы шестьдесят четвертой Олимпиады, архонтства в Афинах Мильтиада, Кумы – эллинский город в Опикии, который был основан эретрийцами и халкидянами, – попытались уничтожить тиррены, обитавшие вокруг Ионического залива, а оттуда со временем изгнанные кельтами, и с ними умбры и давны и многие из других варваров. Но не способные назвать и единого справедливого повода ненависти, который [был бы] достоин» (Dion. Hal. Ant. Rom. VII. 3. 1)<sup>31</sup>. С точки зрения В.И. Шубина, это дополнительное подтверждение тому, что Кумы италийские – совместная колония ряда эвбейских полисов, а значит, и в основании их участвовали Кумы Эвбейские<sup>32</sup>. Еще один приводимый аргумент – это то, что Веллей Патеркул, сообщая об основании Кум, упоминает только халкидских ойкистов. «Афиняне заняли на Эвбее колонии Халкиду и Эретрию, лакедемоняне в Азии – Магнезию. Немногим позже халкидяне, происходящие, как мы упоминали, из Аттики<sup>33</sup>, возглавляемые Гиппоклом и Мегасфененом, основали Кумы в Италии» (Velleius Paterculus Hist. Rom. I. 4)<sup>34</sup>. В.И. Шубин считает, что это свидетельствует, скорее, о том, что в основании колонии участвовали эвбейские Кумы. Ведь, если бы там участвовали эолийцы, один из ойкистов должен бы был иметь эолийское происхождение.

Тем не менее, несмотря на количество приводимых доводов, аргументация сторонников эвбейской локализации Кум Страбона также кажется нам уязвимой. Общее убеждение авторов о том, что в ранней

---

<sup>31</sup> ἐπὶ τῆς ἑξήκοστῆς καὶ τετάρτης ὀλυμπιάδος ἄρχοντος Ἀθήνησι Μιλτιάδου Κύμην τὴν ἐν Ὀπικοῖς Ἑλληνίδα πόλιν, ἣν Ἐρετρίεῖς τε καὶ Χαλκιδεῖς ἔκτισαν, Τυρρηγῶνοί περὶ τὸν Ἰόνιον κόλπον κατοικοῦντες ἐκεῖθ' ἐν θ' ὑπὸ τῶν Κελτῶν ἐξελασθέντες σὺν χρόνῳ, καὶ σὺν αὐτοῖς Ὀμβρικοῖ τε καὶ Δαύνιοι καὶ συχνοὶ τῶν ἄλλων βαρβάρων ἐπεχείρησαν ἀνελεῖν οὐδὲ μίαν ἔχοντες εἰπεῖν πρόφασιν τοῦ μίσους δικαίαν ὃ τιμῇ.

<sup>32</sup> Шубин В.И. Ранние эвбейские колонии... С. 44.

<sup>33</sup> Конечно, сообщение Веллея Патеркула о том, что афиняне являлись основателями Эретрии и Халкиды совершенно не соответствует нашим знаниям о ранней истории этих полисов.

<sup>34</sup> Athenienses in Euboea Chalcida et Eretriam colonis occupavere, Lacedaemonii in Asia Magnesiam. Nec multo post Chalcidenses orti, ut praediximus, Atticis Hippocle et Megasthene ducibus Cumas in Italia condiderunt.

колонизации определяющую роль играла общность происхождения и интересов колонистов, не выглядит достаточно сильным аргументом. Приводимые же примеры из письменных источников не являются однозначными, тем более что эвбейские Кумы среди них не упоминаются. В том же сообщении Дионисия Галикарнасского об основании Кум указываются только эретрийцы и халкидяне, а не жители других Кум. Апелляция к происхождению ойкистов натывается на противоречия в источниках. Гиппокл, согласно Страбону, являлся кумейцем, а не халкидцем. И свидетельство греческого географа, который специально писал об Эвбее, кажется более обоснованным, нежели информация римских историков.

Кроме того, эвбейские Кумы до сих пор не локализованы, и среди ученых устоялось мнение, что это было очень небольшое поселение. Некоторые исследователи, например, Д. Кнёпфлер, вообще отрицают их городской характер, считая Кумы только небольшой деревней<sup>35</sup>. В.И. Шубин отрицает значимость этого факта для решения проблемы, полагая, что и маленькое поселение могло участвовать в отправке колонии. Но ведь Страбон, упоминая Кумы, вряд ли мог иметь в виду незначительное поселение на Эвбее. Возникают вопросы и к тексту Стефана Византийского, нашего единственного и, при этом, очень позднего (VI в. н.э.) источника, сообщающего о Кумах эвбейских: насколько его информацию можно привлекать в качестве доказательства их существования уже в середине VIII в. до н.э.?

Исходя из всего вышесказанного, мы полагаем, что локализовать Кумы, упомянутые Страбоном, стоит все же в Эолиде. Однако это совершенно не значит, что эолийцы действительно были среди основателей Кум. Возможно, сообщения Страбона и Псевдо-Скимна являются отражением того, что эолийцы из Кум в принципе поселились в Кумах. Однако произошло ли это сразу или спустя некоторое время, мы сказать не можем, хотя первый вариант представляется немного более вероятным из-за названия италийского полиса.

---

<sup>35</sup> Knoepfler D. Le territoire... P. 358–361.

Собственно, этими немногочисленными сообщениями известия о совместных колониционных предприятиях Эретрии и Халкиды ограничиваются. И только два античных автора из пяти, обращавшихся к этой проблеме, пишут о сотрудничестве эвбейских полисов, причем даже у них наблюдаются существенные расхождения в описании конкретных подробностей основания колоний.

Обратимся теперь к археологическим данным. Питекуссы и Кумы активно исследуются археологами. Раскопки Питекусс начались в 50-е гг. XX в.<sup>36</sup> Вначале был исследован некрополь Сан Монтано, на котором найдено и проанализировано около 730 захоронений, датированных, преимущественно, VIII–VII вв. до н.э. В погребальном обряде не наблюдается единой традиции. Местные жители использовали как кремацию, так и ингумацию. К. Бюхнер отмечает, что в погребальном обряде не выявлено и каких-то эволюционных закономерностей<sup>37</sup>. Основание поселения датируется примерно 775 г. до н.э., а важной его особенностью является наличие там эвбейской керамики, найденной, помимо Питекусс, в Аль-Мине, Эретрии и Халкиде<sup>38</sup>.

Среди археологов в настоящий момент нет единого мнения по вопросу о том, были ли эти поселения вообще эвбейскими колониями или нет. Это может удивлять, ведь нарративная традиция однозначно свидетельствует, что именно эвбейские полисы были основателями Питекусс и Кум. Однако ряд исследователей отказывается этой традиции в доверии.

Проблема роли Эвбеи в колонизация Западного Средиземноморья стала одной из центральных тем в изучении архаической эпохи в 1960-е гг. До начала масштабных раскопок греческих колоний в Италии в историографии считался общепризнанным факт, что именно эвбейцы основали первые колонии греков на западе<sup>39</sup>. Впоследствии, после раскопок Питекусс, это

---

<sup>36</sup> Buchner G. Pithekoussai... P. 5.

<sup>37</sup> Ibidem. P. 5-6.

<sup>38</sup> Ibidem. P. 12.

<sup>39</sup> Dunbabin T. J. The Western Greeks... P. 5-7.

мнение только укрепилось, особенно после того, как группы керамики из раскопок были локализованы как эвбейские. Однако общая тенденция в историографии 90-х гг. XX в. ставить под сомнение роль эвбейцев в ранней греческой колонизации, названная видным английским исследователем Д. Риджуэем «антиэвбейской кампанией»<sup>40</sup>, отразилась в первую очередь на проблеме колонизации Италии. Ряд авторов<sup>41</sup> отрицают ведущую роль эвбейцев в этом процессе.

Среди этих исследователей стоит специально остановиться на аргументации Дж. Пападопулоса, являющегося, наверное, наиболее ярким представителем критического «антиэвбейского» направления. Греческий исследователь критикует тенденцию преувеличения роли эвбейцев в колонизации Средиземноморья. Основой для его критики стала некоторая предвзятость археологов, которая, по мнению Дж. Пападопулоса, проявляется при анализе материалов, происходящих из разных регионов средиземноморского мира. Например, равное количество эвбейской керамики найдено при раскопках Аль-Мины и Карфагена<sup>42</sup>, однако только для первой на этом основании предполагается наличие эллинской колонии. Таким образом, равный объем эвбейского материала, найденного на разных археологических памятниках, служит основанием для разных выводов. В одних случаях, при отсутствии надежных свидетельств о населении города, предполагается, что это эвбейская колония; в других, когда есть неоспоримые доказательства

---

<sup>40</sup> Ridgway D. Euboeans and others along the Tyrrhenian sea board in the 8<sup>th</sup> Century B.C. // *Greek Identity in the Western Mediterranean: Papers in Honor of Brian Shefton*. Leiden; Boston; Brill. 2004. P. 24.

<sup>41</sup> Morris S. P. Bearing Greek gifts: Euboean pottery on Sardinia // *Sardinia and Aegean Chronology: towards the resolution of relative and absolute dating in the Mediterranean* / ed. Balmuth M.S. and Tykot R.H. Oxford, 1998. P. 361–362; Papadopoulos J. K. Phantom Euboians // *Journal of Mediterranean Archeology*. 1997. Vol. 10. 2. P. 191–219; Idem. Euboians in Macedonia? A closer look // *Oxford Journal of Archeology*. 1996. Vol. 15 (2). P. 151–181.

<sup>42</sup> Docter R.F., Niemeyer H.G. Pithekoussai: the Carthaginian connection. On the archaeological evidence of Euboeo-Phoenician partnership in the 8th and 7th centuries B.C. // *Apoikia: ipi ù antichinse diamanti greci in Occidente: funzioni e modi dell'organizzazione politica e sociale: scritti in onore di Giorgio Buchner / a cura di Bruno d'Agostino, David Ridgway*. Napoli, 1994. 101–115.

неэвбейского происхождения основной массы населения, эвбейская керамика перестает служить определяющим критерием<sup>43</sup>. В связи с этим греческий археолог даже высказывает провокационную аналогию, предлагая считать поселение Лефканди на Эвбее финикийской факторией на основании большого количества найденных там ближневосточных товаров.

Еще одна критическая мысль, которую высказывает Дж. Пападопулос, заключается в том, что ближневосточный материал, найденный в итальянских поселениях, в том числе, в Питекуссах и Кумах, не может считаться аргументом в пользу наличия там греческого населения. Концепция средиземноморской торговли, развиваемая, в первую очередь, крупнейшим британским археологом Д. Бордменом, предполагает, что эвбейские торговцы занимались транзитом товаров с ближневосточных поселений в Аль-Мине до Италии и Западного Средиземноморья. Д. Пападопулос вполне резонно возражает, что эту функцию также могли выполнять и финикийские торговцы, упоминаемые, в том числе, в гомеровском эпосе<sup>44</sup>.

Собственная концепция греческого археолога сводится к тому, что для нас практически невозможно определить происхождение древнейшего населения Питекусс и Кум. Это связано со сложностями интерпретации археологического материала. В основном речь идет о керамике. Она является наиболее массовым материалом, однако весьма сомнительны ее возможности в определении культурной или этнической принадлежности населения. К примеру, некоторое количество эвбейских сосудов найдено в Испании, причём в поселениях, занятых явно местным населением. Естественно, не может быть и речи, чтобы там находились постоянно действующие эвбейские фактории<sup>45</sup>. Таким образом, для нас невозможно установить, кто именно транспортировал

---

<sup>43</sup> Papadopoulos J. K. *Phantom Euboians...* P. 192.

<sup>44</sup> Ibidem.

<sup>45</sup> В Испании позже будут основаны фокейские колонии, например, Эмпорион (подробнее о них см. Супренков А.А. Греки и варвары на крайнем Западе греческой ойкумены (на примере Массалии, Эмпорион и их сельской округи в VI–III вв. до н.э.) Дисс... к.и.н. М., 2018. С. 98–100; Циркин Ю.Б. На краю греческой Ойкумены: фокейцы на Западе. М., 2017. С. 71–86).

эвбейскую керамику и пользовался ею: она могла перевозиться на кораблях финикийцев, эвбейцев, представителей других греческих полисов. И во многом прав Дж. Пападопулос, отмечающий, что исследователи зачастую подходят к интерпретации материала с двойными стандартами, считая Лефканди греческим поселением, хотя там есть большое количество ближневосточного материала, в то время как Аль-Мина рассматривается как греческий эмпорий. С точки зрения этого исследователя, Питекуссы и Кумы представляют собой скорее «интернациональные» поселения, где сосуществовало население как греческое, так и ближневосточное<sup>46</sup>.

Более взвешенную позицию по вопросу об эвбейской колонизации занимает Д. Риджуэй<sup>47</sup>, считающий, что, хотя новая концепция колонизации Италии должна быть более сложной и учитывать, помимо эвбейцев, роль ближневосточных народов и местного населения, нельзя отказываться от признания первенствующего положения островитян Эгеиды в этом процессе. В качестве аргумента Д. Риджуэй выдвигает следующее соображение. Он обращает внимание на то, что локальные имитации эвбейской керамики, в значительном количестве найденные в предполагаемых греческих поселениях в Италии, могут быть убедительным свидетельством физического присутствия там эвбейцев<sup>48</sup>. Понятно, что глина, используемая для создания этих сосудов, имеет местное происхождение. Но ведь для колонистов представляется естественным следовать стандартам собственного керамического производства на новых землях. В то же время, для финикийцев или местного населения копирование эвбейских сосудов будет далеко не очевидным шагом. При этом в тех же Питекуссах, по подсчетам английского археолога, количество местных имитаций эвбейской керамики достигает 81% или около десяти тысяч черепков<sup>49</sup>.

---

<sup>46</sup> Papadopoulos J. K. *Phantom Euboians...* P. 206–207.

<sup>47</sup> Ridgway D. *The First Western Greeks*. Cambridge, 1992; Ridgway D. *Euboeans and others...* P. 23.

<sup>48</sup> Ridgway D. *Euboeans and others...* P. 25–26.

<sup>49</sup> Ridgway D. *The First Western Greeks...* P. 89.

В контексте этого вопроса стоит оговорить еще один момент. Среди эвбейской керамики, представленной в Питекуссах, встречается значительное количество столовой посуды. При сложности пути, который преодолевала греческая керамика, нам кажется, что вероятность экспорта дешевой керамики финикийцами или другими эллинами не в пример меньше, нежели аналогичная активность эвбейских колонистов, бравших с собой столовую посуду<sup>50</sup>. Равно кажется сомнительным, чтобы финикийцы по пути в Италию заплывали на Эвбею, дабы закупить керамику и продать ее местному населению, либо использовать самостоятельно.

Наше мнение ближе к точке зрения Д. Риджуэя. Дж. Пападопулос, как и другие исследователи, опирающиеся преимущественно на археологические материалы, упускает еще один важный момент. Если его слова о том, что эвбейскую керамику могли перевозить финикийцы и представители других полисов, вполне справедливы, тогда что делать с данными нарративной традиции? Мы с трудом представляем себе, чтобы столь разнообразные и не связанные между собой авторы, как Фукидид (VI. 3–5), Страбон (V. 4. 4; V. 4. 9), Тит Ливий (VIII. 22. 5–6), Дионисий Галикарнасский (Ant. Rom. VII. 3. 1), Псевдо-Скимн (236–240), Веллей Патеркул (Hist. Rom. I. 4), единогласно сообщили ошибочную информацию об участии эвбейцев в колонизации Италии<sup>51</sup>. Они, а в особенности Фукидид – один из первых эллинских историков, оставивший нам подробное описание заселения Сицилии – не могли пользоваться данными общего предшественника. Они не могли знать и о том, что в итальянских и сицилийских колониях исследователи XX в. найдут эвбейскую керамику. Такой грех современной историографии, как преувеличение роли керамических материалов, был им совершенно чужд.

---

<sup>50</sup> Здесь стоит сказать, что посуда сама по себе не была значимой частью торговли в античное время. Подробнее об этом см. Кузнецов В.Д. Указ. соч.

<sup>51</sup> Близкую идею высказывает и Д. Риджуэй, отмечающий, что Дж. Пападопулосу так и не удалось наглядно продемонстрировать, почему именно исследователи не должны доверять сообщениям Тита Ливия и Страбона и кто именно повлиял на этих авторов с тем, чтобы они внесли в свои труды данные об эвбейской колонизации (см. Ridgway D. Euboeans and others... P. 28).

Стоит также подчеркнуть, что Эвбею как метрополию для ранних италийских колоний упоминают практически все античные авторы, у которых подобная информация вообще встречается.

Отнести столь обширную и согласованную нарративную традицию, да еще и подтверждаемую разнообразными археологическими материалами, с нашей точки зрения, совершенно невозможно. Хотя, безусловно, нельзя не согласиться с греческим исследователем и его английским оппонентом в том, что процесс не был простым, и не только эвбейцы, равно как не только эллины, участвовали в торговых и колонизационных предприятиях в центральном Средиземноморье. Однако сложность проблемы не отменяет того, что эвбейские полисы являлись одними из наиболее развитых в Элладе и непосредственно участвовали в колонизации Италии и Сицилии, о чём явно свидетельствует весь комплекс наших источников<sup>52</sup>.

Однако, что нам дает археология для разрешения вопроса о сотрудничестве Эретрии и Халкиды при основании Питекусс и Кум? Увы,

---

<sup>52</sup> Здесь стоит сказать несколько слов о том, какой мы видим организацию самого процесса греческой колонизации. Практически общераспространенной долгое время являлась точка зрения, согласно которой греческая колонизация является проявлением централизованной политики греческих полисов (Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 146–163). Однако некоторые авторитетные специалисты (см.: Graham A.J. *Colony and Mother City*... P. 33–34; Суриков И.Е. Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы // *Античный мир и археология*. 2010. Вып. 14. С. 23–24; 33; Туманс Х. Мильтиад Старший как зеркало греческой колонизации // *Мнемон*. 2014. Вып. 14. С. 59–60) считают, что, как минимум, отдельные предприятия могли иметь частный характер. Мы также склоняемся к этой точке зрения, по крайней мере, для VIII в. до н.э., когда отдельные аристократические предприятия должны были играть большую роль, нежели впоследствии. Стоит отметить, кстати, что даже упоминания о поддержке, которую полис оказывал колонистам, в традиции не всегда могут служить убедительным аргументом в пользу наличия у него централизованной колонизационной политики. В качестве примера укажем, что при колонизации Тарента нарративная традиция упоминает гарантии, предоставленные поселенцам со стороны Спарты, однако после основания колонии ее контакты с метрополией прерываются почти на полтора столетия (см. Печатнова Л.Г. Указ. соч. С. 288–303). Конечно, пример Тарента не является хрестоматийным, однако похожие ситуации можно встретить и в истории других полисов (см. ситуацию с основанием Кирены: Яйленко В.П. *Греческая колонизация*... С. 61–83). Соответственно мы склонны принимать точку зрения Дж. Пападопулоса об интернациональном характере древнейших эвбейских колоний, о проживании там не только эллинов, но и варваров. Однако, по нашему мнению, этот факт не опровергает реальность эвбейской колонизации. Ведь, по крайней мере, ойкисты этих колоний были эвбейцами по происхождению.

практически ничего, кроме подтверждения факта историчности эвбейской колонизации раннеархаического времени. И причиной тому невозможность разграничить керамические материалы отдельных эвбейских центров на данном этапе. Достаточно напомнить, что даже гипотеза об эвбейской локализации керамики из раскопок Аль-Мины была подтверждена только после химических экспериментов 80-х гг. XX в.<sup>53</sup> А локализации халкидской керамики и отделению ее от керамики эретрийской, если это вообще возможно, препятствуют трудности с полноценным археологическим изучением полиса. В связи с этим, как минимум странными выглядят высказывания Л. Джеффри, которая, например, говорит о процветании керамики из Эретрии после Лелантской войны<sup>54</sup>. Подобную характеристику можно встретить, кстати, и у Д. Риджуэя<sup>55</sup>, однако его указание на эретрийскую керамику, скорее, подчеркивает наше слабое знание примеров керамики халкидской, и вряд ли может рассматриваться как значимый контраргумент против нашего замечания.

Если теперь снова перейти к аргументации Л. Джеффри, то можно обратить внимание на то, что английская исследовательница несколько вольно обращается с данными нарративной традиции. Конечно, ее утверждение, что об участии Эретрии в основании Кум пишет только один античный автор, формально справедливо<sup>56</sup>. Но при этом стороной обходится версия Страбона, которая подтверждает сотрудничество Эретрии и Халкиды при основании Питекусс. Таким образом, из пяти авторов только двое – Страбон и Дионисий Галикарнаский – сообщают о сотрудничестве эвбейских полисов при основании колоний в Средней Италии.

Чтобы как-то объяснить эти сообщения Страбона и Дионисия, английская исследовательница связывает приводимые ими данные с

---

<sup>53</sup> Boardman J. Early Euboean pottery and history... P. 5; Popham M. R., Hatcher H., Pollard A. M. Euboean export...

<sup>54</sup> Jeffery L. H. Op. Cit. P. 66.

<sup>55</sup> Ridgway D. Euboeans and other... P. 25–26.

<sup>56</sup> Jeffery L. H. Archaic Greece... P. 64.

изгнанием эретрийских колонистов с Керкиры (Plut. Quaest. Gr. 11 = Mor. 293 a–b)<sup>57</sup>, предполагая, что именно они поучаствовали в основании италийских колоний. В поддержку этой гипотезы сложно найти хоть какие-то аргументы. Традиционной датировкой для изгнания эретрийских колонистов коринфянами считается 734 г. до н.э. Появление поселения в Кумах многими исследователями датируется более ранним временем – примерно серединой VIII в. до н.э.<sup>58</sup> Да и даже если согласится с теми авторами, которые предлагают более позднюю дату основания Кум<sup>59</sup>, то все равно связь этого события с изгнанием эретрийцев с Керкиры совершенно недоказуема. Более того, оно противоречит самому сообщению Плутарха, который пишет, что эретрийцы с Керкиры основали Мефону.

Тем не менее, можно согласиться с Л. Джеффри в том, что других примеров совместной деятельности эвбейских полисов в Центральном Средиземноморье традиция нам не предоставляет. Например, Страбон сообщает, что Регий был основан Халкидой (V. 1. 6), Наксос — халкидянами под руководством афинского ойкиста Феокла (V. 2. 2)<sup>60</sup>. Ту же информацию передает Фукидид, сообщающий об основании греческих колоний на Сицилии (VI. 2. 3–5) и нигде не упоминающий сотрудничество эвбейских полисов.

Помимо нарративной традиции, которая, как мы видим, не служит явным доказательством существования периода мирных взаимоотношений Эретрии и Халкиды, учеными привлекаются и другие аргументы. В наиболее полном виде их можно встретить в работе австралийской исследовательницы К. Уокер. Говоря о колонизации Италии, исследовательница отдает в ней

---

<sup>57</sup> Ibidem.

<sup>58</sup> Blakeway A. “Demaratus”: A Study in Some Aspects of the Earliest Hellenization of Latium and Etruria // JRS. 1935. Vol. 25. P. 129; Dunbabin. T.J. The western Greeks... P. 5; Snodgrass A.M. The Dark Ages of Greeks: An Archeological Survey of the Eleventh to the Eighth Centuries B.C. London, 2000. P. 121; Walker K. Archaic Eretria... P. 140. Напомним, что основание Питекусс датируется, обычно, еще более ранним временем – второй четвертью VIII в. до н.э.

<sup>59</sup> Woodhead A.G. The Greeks in the West. London, 1962. P. 36.

<sup>60</sup> Фукидид, при этом, также сообщающий об этом событии, не называет Феокла афинянином (VI. 2. 3).

приоритет Эретрии<sup>61</sup>. К. Уокер, обладая, в общем-то, крайне небольшим набором источников, считает, что первоначальная колония в Питекуссах была совместным предприятием эретрийцев, халкидян и жителей эвбейских Кум. Затем, в результате стасиса, который, как предполагает К. Уокер, мог иметь отношение к Лелантской войне, эретрийцы изгнали халкидян, ставших затем основателями Кум<sup>62</sup>. Аргументация приводится следующая. Во-первых, К. Уокер полностью принимает достоверность тех нарративных источников, которые говорят о сотрудничестве Эретрии и Халкиды в колонизационной деятельности (то есть Страбона и Дионисия Галикарнасского), объявляя при этом недоброкачественной ту традицию, которая указывает только на Халкиду. Второй аргумент К. Уокер – это эретрийские диалектные особенности, прослеживаемые в надписях, происходящих из Италии и Сицилии. В частности, это можно обнаружить в материалах из Регия<sup>63</sup>. Третий аргумент – это морская слабость Халкиды, с мнением о наличии которой К. Уокер, при некоторых оговорках, солидаризируется<sup>64</sup>. Наконец, в качестве четвертого аргумента выступает ссылка на эпиграфические материалы. Опираясь на данные Л. Джеффри и на ее анализ древнейшей эпиграфики<sup>65</sup>, происходящей из Кум и Питекусс, К. Уокер отмечает сходство в написании букв между эпиграфикой из Эретрии и итальянских колоний<sup>66</sup>.

Рассмотрим эту аргументацию по порядку. Мы уже останавливались подробно на анализе нарративной традиции, посвященной сотрудничеству Эретрии и Халкиды, и потому здесь можно лишь отметить, что, несмотря на важность сообщений Страбона и Дионисия Галикарнасского, большая часть источников называет Питекуссы и Кумы колониями Халкиды. Показательно и то, что эти источники являются поздними: более ранние авторы, в том числе

---

<sup>61</sup> Walker K. *Archaic Eretria*...

<sup>62</sup> *Ibidem*. P.140.

<sup>63</sup> Arena R. *Di alcuni tratti dialettali delle colonie euboiche d'occidente* // *Acme*. 1988. Vol. 40. №.1. P. 17–19.

<sup>64</sup> Более радикально ту же точку зрения см. Κοντολέων N. M. *Op. cit.* P. 1–45.

<sup>65</sup> Jeffery L. *The Local Scripts*... P. 236.

<sup>66</sup> Walker K. *Archaic Eretria*... P. 144–145.

такой знающий и специально занимавшийся вопросом колонизации Сицилии древний историк, как Фукидид, ни разу не упоминает какого-либо сотрудничества между Эретрией и Халкидой. Таким образом, только на основании нарративной традиции подтвердить предположение К. Уокер о значении Эретрии в колонизации нельзя. Нельзя всерьез рассматривать и аргумент о морской слабости Халкиды в более поздний период. У нас нет никакой источниковой базы, на основании которой можно было бы делать выводы о морском могуществе, либо его отсутствии, у Халкиды в архаическую эпоху. Геродот, конечно, сообщает о том, что халкидцы предоставили экипаж для 20 кораблей, снаряженных для них афинянами во время похода Ксеркса (VIII. 1). Однако за четверть века до этого Халкида должна была очень сильно пострадать от афинского похода (Herod. V. 77). Этот ущерб, как и ущерб от последующего пятнадцатилетнего пребывания на землях Халкиды афинских клерухов, должен был сказаться на морском потенциале полиса. Для ранней архаики у нас есть лишь косвенные данные – а именно, свидетельства традиции о колонизационных предприятиях. И эти данные можно трактовать, скорее, в пользу наличия у Халкиды флота в раннюю архаику.

Гораздо более серьезными можно считать аргументы о наличии сходных диалектных форм и близость начертания букв. Однако и здесь далеко не все так однозначно. В частности, мы хотим обратить внимание на некоторые хронологические моменты. Л. Джеффри отмечает, что уже в VIII в. до н.э. в Питекуссах и Кумах используется эретрийский вариант эвбейского алфавита. При этом для самой Эретрии первые надписи датируются только первой четвертью VII в. до н.э.<sup>67</sup>, а Халкида и вовсе не имеет известных науке надписей, более древних, чем последняя четверть VI в. до н.э.<sup>68</sup> Заметим еще и то, что древнейшие из известных на данный момент надписей происходят не

---

<sup>67</sup> Jeffery L. Local Scripts... P. 236.

<sup>68</sup> Ibidem. P. 81.

из материковой Греции, а из Италии, и датируются уже рубежом IX–VIII в. до н.э.<sup>69</sup>

Подытоживая раздел, посвященный колонизации Италии, мы хотим подчеркнуть следующее: у нас нет данных источников, за исключением сообщений Страбона и Дионисия Галикарнасского, в пользу того, что Эретрия и Халкида сотрудничали в колонизации Италии. С другой стороны, это достаточно авторитетные сообщения. Но даже если первые эвбейские колонии и были основаны совместно халкидскими и эретрийскими контингентами, о чем может косвенно свидетельствовать общая заинтересованность эвбейцев в италийской колонизации, это еще не обязательно означает, что участие в основании этих колоний контингентов из обоих городов было следствием сотрудничества на уровне полисов.

### **2.3. Эвбейцы на Востоке и в Эгеиде**

Эвбейская колонизация Италии пересекается с проблемой проникновения греков на Ближний Восток. И здесь основными вопросами являются статус Аль-Мины и роль в ее основании эвбейцев<sup>70</sup>. Большинство исследователей считает Аль-Мину эвбейским эмпорием и связывает присутствие ближневосточного экспорта в Италии с активностью эвбейских посредников<sup>71</sup>. Эта точка зрения основана на большом количестве греческой

---

<sup>69</sup> Ridgway D. Greek Letters... P. 87–97.

<sup>70</sup> Обзор исследований о проблеме статуса Аль-Мины см. Niemeyer H.G. Phoenician or Greek: is there a reasonable way out of the Al Mina debate? // *Ancient West and East*. 2004. Vol. 3. №1. P. 38–50.

<sup>71</sup> Desborough V.R. d'A. The Greek Dark Ages. London, 1972. P. 187–199; Boardman J. The Greek Overseas...; Idem. Al Mina and history... P. 169–190; Descoeudres J.-P. Zagora auf der Insel Andros: eine eretrische Kolonie? // *AK*. 1973. H. 16. P. 87–88; Lefkandi I; Popham M.R. Precolonization: early Greek contact with the east // Tsetskhladze G.R., De Angelis F. (eds.) *The Archaeology of Greek Colonization: Essays Dedicated to Sir John Boardman*. Oxford, 1994. P. 11–34; Lemos I.S. Euboean enterprise in the eastern Mediterranean: early import at Lefkandi // *AJA*. 1992. Vol. 96. P. 338–339.

керамики, извлеченной из слоев Аль-Мины экспедицией Л. Вулли<sup>72</sup>. Наиболее последовательным сторонником этой точки зрения стал Д. Бордмен<sup>73</sup>.

Однако в 90-е гг. в связи с общим пересмотром значения эвбейцев в средиземноморской торговле, появились опровержения устоявшейся точки зрения. Ряд авторов, в первую очередь, Ж. Перро<sup>74</sup> и Э. Снодграсс<sup>75</sup> аргументировали альтернативную точку зрения. Они доказывали, что Аль-Мина не могла быть эвбейским эмпорием на Ближнем Востоке, поселение имело интернациональный характер, а, греческое население составляло в нем не более одного квартала. Этот отказ от приоритетной роли эвбейцев в основании Аль-Мины является обоснованным утверждением. Несмотря на то, что процент эвбейской керамики в Аль-Мине был куда выше, чем в других ближневосточных поселениях<sup>76</sup>, все же ее абсолютное количество не превышало керамику местного производства. Более того, далеко не вся керамика из Аль-Мины опубликована на настоящий момент, что делает все подсчеты приблизительными. Тем более что сам Л. Вулли публиковал в первую очередь греческую керамику. Не исключено, что по мере публикации находок, процент эллинских материалов продолжит сокращаться. Изменению количества эллинской керамики способствуют и возобновившиеся раскопки в устье Оронта<sup>77</sup>.

Тем не менее, хотя мы согласны с исследователями, не считающими Аль-Мину чисто эвбейским поселением, наличие греческого населения там

---

<sup>72</sup> Woolley L.A. Excavation at Al Mina... P. 1–30; 133–170; Idem. The Date of Al Mina... P. 148.

<sup>73</sup> Boardman J. The Greek Overseas...

<sup>74</sup> Perreault J.Y. Les emporia grecs du Levant: mythe ou réalité? // Bresson A., Rouillard P. L'Emporion. Publications du Centre Pierre Paris 26. Paris, 1993. P. 59–83.

<sup>75</sup> Snodgrass A.M. The nature and standing of the early western colonies // Tsetskhladze G.R., De Angelis F. (eds.) The Archaeology of Greek Colonization: Essays Dedicated to Sir John Boardman. Oxford, 1994. P. 1–10.

<sup>76</sup> Подсчеты см. Boardman J. Al Mina and History... P. 171–175; Idem. Greeks in the Eastern Mediterranean... P. 515.

<sup>77</sup> Pamir H., Nishiyama S. The Orontes Delta Survey: Archeological Investigation of Ancient Trade Stations/Settlements // Ancient West and East. 2002. Vol. 1. №2. P. 294–314.

отрицать невозможно. Об этом свидетельствует и количество керамики, и ее характер – в Аль-Мине присутствует, в-основном, столовая посуда.

Теперь стоит оговорить роль эвбейцев в жизни Аль-Мины и цели, с которыми греки прибыли в это место. Большинство исследователей считало, что целью греков на Ближнем Востоке была торговля<sup>78</sup>. Это обосновывалось, во-первых, наличием греческой керамики в ближневосточных государствах, а во-вторых, присутствием ближневосточного экспорта в Лефканди и италийских колониях. Греческая керамика на Ближнем Востоке в IX–VIII в. до н.э. не ограничивается только Аль-Миной. Эллинские сосуды находили также при раскопках других поселений. Примеры этому многочисленны, ведь только IX в. до н.э. датируются сосуды из Телль-Абу-Хавама (фрагмент эвбейско-кикладского среднегеометрического греческого скифоса)<sup>79</sup>, Мегиддо (два черепка подобного изделия), Самарии (эвбейско-кикладский большой кратер)<sup>80</sup>. Керамика VIII в. до н.э. найдена, помимо уже указанных поселений, в Аскалоне, Тире, Халде, Таббат-Аль-Хаммаме, Хамате, Ибн-Хани, Рас-Эль-Басите, Телль-Юдайде, Телль-Тайинате, Телль-Халафе, Тарсе, Мерсине, Ниневии и ряде кипрских поселений<sup>81</sup>.

Значительное количество греческой керамики найдено также при раскопках Телль-Сукаса. Это поселение располагалось к югу от Аль-Мины<sup>82</sup> и было хорошо исследовано датской экспедицией во главе с П. Рийсом. Среди греческой керамики в Телль-Сукасе были найдены образцы кипрской геометрической керамики и греческой геометрической керамики, в том числе и фрагмент эвбейско-кикладского скифоса. Тем не менее, датский археолог

---

<sup>78</sup> Desborough V.R. d'A. Op. cit. P. 187–199; Boardman J. The Greek Overseas...; Idem. Al Mina and history... 169–190; Descœudres J.-P. Op. cit. P. 87–88; Lefcandi I; Popham M.R. Precolonization... P. 11–34; Lemos I.S. Op. cit. 338–339.

<sup>79</sup> Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток... С. 136.

<sup>80</sup> Там же.

<sup>81</sup> Там же.

<sup>82</sup> Там же. С. 146.

считал, что количество керамики не позволяет считать, будто греки проживали на территории поселения в VIII в. до н.э.<sup>83</sup>

Торговые контакты греков и Ближнего Востока реконструируются обычно следующим образом. Наиболее вероятными пионерами процесса возобновления связей между эллинским миром и ближневосточными государствами считаются финикийцы. Аргументами этому служат, во-первых, упоминания финикийцев греческими авторами, в том числе и Гомером (Il. XXIII. 743–744; Od. XIII. 272; XIV. 283–297; XV. 414–484), который сообщает непосредственно о торговых и пиратских акциях ближневосточных мореплавателей. Во-вторых, предметы ближневосточного ремесла, которые найдены на территории Балканского полуострова и островов Эгейского мира. Доставлены они туда были, скорее всего, именно финикийцами. Впрочем, мы солидарны с В.П. Яйленко, который считает, что, несмотря на первенство финикийцев, процесс вскоре стал двусторонним и греческие мореплаватели тоже посещали Ближний Восток<sup>84</sup>. В.П. Яйленко также считает возможным, на основании имеющихся керамических материалов говорить о возобновлении регулярной торговли между Грецией и Ближним Востоком на рубеже IX–VIII в. до н.э.<sup>85</sup> Он считает, что первенствующую роль в этом процессе играли купцы Аттики, Киклад и Эвбеи.

Однако необходимо рассмотреть, насколько имеющиеся комплексы археологических и нарративных источников дают нам основания для реконструкции торговой активности эллинов и, в частности, эвбейцев на Ближнем Востоке. Мы не склонны считать, что керамические находки, сделанные на территории Сирии, Финикии и других государств Восточного Средиземноморья могут свидетельствовать о существовании торговых предприятий греков в этих регионах. Во-первых, греческая столовая керамика вряд ли могла заинтересовать жителей Ближнего Востока. Тем более что ее

---

<sup>83</sup> Там же. С. 147.

<sup>84</sup> Там же.

<sup>85</sup> Там же. С. 137–138.

количество не позволяет говорить о больших объемах этой гипотетической торговли. Во-вторых, присутствие греков не может объясняться, с нашей точки зрения, только торговлей: здесь уместно обратиться к данным нарративной традиции.

В гомеровских поэмах нам неоднократно встречаются фигуры торговцев, которыми предстают как греки, так и финикийцы. И очень важный, с нашей точки зрения факт – это то, что торговцы не занимаются исключительно своим основным родом деятельности. Например, финикийцы, фигурирующие в «Одиссее», обычно прибывают в греческие города в качестве торговцев, однако очень быстро могут переквалифицироваться в пиратов (XIII. 272; XIV. 283–297; XV. 414–484). Это справедливо, впрочем, не только для финикийцев: сам Одиссей неоднократно занимается разбоем (IX. 39–69). Причем показателен еще и тот факт, что о его предприятиях мы узнаем из уст самого персонажа, рассказывающего о своих приключениях на пиру у феаков и совершенно не стесняющегося пиратских дел.

Еще один источник, близкий хронологически к нашей проблеме – это лирическая поэзия. Хотя произведения поэтов относятся к эпохе более поздней, они показывают, что деятельность эллинов на Ближнем Востоке могла иметь различный характер. Показательно здесь стихотворение Алкея (fr. 33 Bergk = Strabo. XIII. II. 3), в котором упоминается судьба его брата, бывшего наемником в Вавилонии. Таким образом, керамика, найденная на Ближнем Востоке, частично может быть представлена экземплярами, принадлежавшими грекам, которые занимались не торговлей, а пиратством, либо наемничеством.

Наконец, перейдем к проблеме роли и значения эвбейского населения в контактах с Ближним Востоком. С нашей точки зрения, археологические материалы, фиксируемые в Аль-Мине и других поселениях, вкупе с теми предметами ремесла, которые находятся на территории Эвбеи, безусловно, свидетельствуют о ранних контактах между эвбейцами и Ближним Востоком. Однако не стоит считать, будто эвбейцам принадлежала здесь некая

монополия. В конце концов, эвбейская керамика находится и на территории Эгейского архипелага, так что греки, проживавшие на островах, точно так же могли брать на Ближний Восток эвбейские сосуды, как и сами эвбейцы. Нет у нас и данных нарративной традиции о том, кто из эллинов имел преимущество при колонизации Леванта. Следовательно, вопрос о преобладании эвбейцев в этом регионе вряд ли можно ставить. Тем более, что торговая и прочая деятельность на Ближнем Востоке вряд ли была официальным предприятием полисов: скорее, здесь можно говорить о частной инициативе аристократов.

К сожалению, в связи с этим, невозможно сказать, насколько на Ближнем Востоке были представлены отдельные полисы Эвбеи. Возможно, на ранних этапах определяющую роль в контактах могли играть жители Лефканди, о чем свидетельствует богатый левантйский импорт, найденный в этом поселении. Что же касается Халкиды, то здесь отсутствие сколько-нибудь значительных археологических раскопок не позволяет делать выводы о присутствии ближневосточных изделий. Наконец, в Эретрии количество ближневосточных изделий относительно невелико. Очевидно, это можно объяснить тем, что к моменту расцвета города, активное присутствие эвбейцев на Ближнем Востоке уже завершилось.

Наконец, последний регион, в котором нарративная традиция, подкрепленная археологическими материалами, фиксирует присутствие эвбейских колоний – это северная Эгеида, в частности, полуостров Халкидика.

Впрочем, нарративная традиция по колонизации Северной Эгеиды невелика. И ни один из авторов не дает нам датировок для основания колоний, что приводит к разногласиям среди современных исследователей. Одни авторы считают, что колонизация северной Эгеиды началась после волны западной колонизации, другие выступают за первенство северного региона или за то, что они осваивались эллинами одновременно<sup>86</sup>.

---

<sup>86</sup> Graham A.J. Patterns in Early Greek Colonisation // JHS. 1971. Vol. 91. P. 35–47; Bradeen D. The Chalcidians in Thrace // AJP. 1952. Vol. 73. P. 378–380.

Отдельной проблемой, поднимаемой в историографии, является роль Эретрии и Халкиды в колонизации северной Эгеиды. Несмотря на то, что большинство исследователей предполагают прямое отношение эвбейских полисов к этому процессу, отдельные авторы выступают в поддержку давней теории Э. Харрисона<sup>87</sup> и доказывают, что эвбейцы не имели к Халкидике никакого отношения<sup>88</sup>. Они полагают, что халкидцы с Халкидики были местным эллинским племенем, заселившим этот регион уже в XIII–XII вв. до н.э. Эту точку зрения разделяет также Дж. Пападопулос, считавший, что Халкидику заселило грекоговорящее население, пришедшее с юга<sup>89</sup>. Тем не менее, как справедливо отмечали Д. Брэдин и М. Тивериос, в нашей нарративной традиции нет никаких положительных свидетельств, которые могли бы подкрепить эту гипотезу.

Зато есть многочисленные свидетельства в пользу связей колоний Северной Эгеиды с эвбейскими полисами. Страбон, говоря о заселении этого региона, упоминает колонии, основанные Эретрией и Халкидой (X. 1. 8): «Итак, эти исключительно разросшиеся города и отправляли значительные колонии в Македонию: Эретрия заселила города вокруг Паллены и Афона, а Халкида города под Олинформ, которые разорил Филипп»<sup>90</sup>. И это не единственное сообщение Страбона. В другом месте, рассказывая о Македонии, греческий географ пишет следующее: «Над всеми ними установили господство так называемые Аргеады и халкидцы, которые с Эвбеи.

---

<sup>87</sup> Harrison E. Chalcidice // CQ. 1912. Vol. 6. P. 93–103; 165–178.

<sup>88</sup> Zahrnt M. Olynth und die Chalkidier. Untersuchungen zur Staatenbildung auf der Chalkidischen Halbinsel im 5. und 4. Jahrhundert vor Christus. Munich1, 1971. S. 12–27.

<sup>89</sup> Papadopoulos J. Euboians in Macedonia... P. 173; Idem. Phantom Euboians... P. 191–195.

<sup>90</sup> αἱ δ' οὖν πόλεις αὗται διαφερόντως αὐξηθεῖσαι καὶ ἀποικίας ἔστειλαν ἀξιολόγους εἰς Μακεδονίαν: Ἐρέτρια μὲν γὰρ συνώκισε τὰς περὶ Παλλήνην καὶ τὸν Ἄθω πόλεις, ἡ δὲ Χαλκὶς τὰς ὑπὸ Ὀλύνθῳ, ἃς Φίλιππος διελυμήνατο.

Приплыли халкидцы, которые с Эвбеи, к земле Ситонии и основали на ней около тридцати городов» (Strabo. VII. fr. 11)<sup>91</sup>.

Свидетельствует о связи эвбейских полисов с Северной Эгейдой и Аристотель. В «Политике» (Arist. Polit. II. 1274b) философ сообщает, что законодателем у фракийских халкидцев был Андроам из Регия – халкидской колонией в Италии. К Аристотелю же восходит сообщение Плутарха об участии жителей Халкидики в Лелантской войне на стороне Халкиды (Plut. Amat. 17. = Mor. 760e–761a). Мнение Аристотеля особенно важно, так как местом рождения философа была Стагира на Халкидике, а его мать происходила из Халкиды на Эвбее<sup>92</sup>.

Наконец, Фукидид сообщает нам о том, что колонией Эретрии была Менда (IV. 123. 1). В налоговом списке афинского морского союза эвбейской колонией названа также Дикайя<sup>93</sup>. Плутарх (Plut. Quaest. Gr. 11 = Mor. 293a–b) пишет, что эретрийцы, изгнанные с Керкиры, не были приняты на родине и основали Мефону. Диодор Сицилийский называет Торону колонией халкидян (Diod. XII. 68. 6). Полибий указывает, что на фракийском побережье существовал союз полисов, основанных халкидянами и афинянами (Polib. IX. 28).

Вкупе с многочисленными данными письменных источников, безоговорочно свидетельствующими в пользу связи между эвбейскими полисами и колониями на фракийском побережье, можно привлечь и другие сведения. Исследователи отмечают близость надписей на монетах и эпиграфике этих двух регионов<sup>94</sup>. Есть сходства и в иконографии монет<sup>95</sup>.

---

<sup>91</sup> τούτων δὲ πάντων οἱ Ἀργεᾶδαι καλούμενοι κατέστησαν κύριοι καὶ Χαλκιδεῖς οἱ ἐν Εὐβοίᾳ. ἐπῆλθον δὲ καὶ Χαλκιδεῖς οἱ ἐν Εὐβοίᾳ ἐπὶ τὴν τῶν Σιθώνων καὶ συνώκισαν πόλεις ἐν αὐτῇ περὶ τριάκοντα.

<sup>92</sup> Tiverios M. Greek Colonisation of the Northern Aegean // Tsetskhladze G. (ed.) Greek Colonisation. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol. 2. Leiden–Boston, 2008. P. 5.

<sup>93</sup> Ibidem.

<sup>94</sup> Tiverios M. Op. cit. P. 6. Hatzopoulos M.B. Actes de vente de la chalcidique centrale. Paris, 1988. P. 40–43. Bradeen D. The Chalcidians in Thrace... P. 361–365.

<sup>95</sup> Kraay C. Archaic and Classical Greek Coins. London, 1976. P. 134–135.

Наконец, показательным является то, что эвбейцы и жители колоний фракийского побережья использовали одни и те же названия для месяцев календаря<sup>96</sup>.

Наконец, подтверждает связи между Эвбеей и фракийскими колониями наиболее массовый – археологический – материал. Как отмечает М. Тивериос, большая часть керамики, происходящей из раскопок в северной Эгеиде имеет прямые или косвенные связи с Эвбеей<sup>97</sup>. Значительную долю такой керамики составляют характерные эвбейские скифосы, декорированные концентрическими полукругами. Д. Пападопулос, непосредственно исследовавший северное побережье Эгейского моря, впрочем, настаивает на том, что керамика, приписываемая эвбейцам, является местной. Он доказывает это на основании химического анализа глины<sup>98</sup>. Однако убедительным представляется возражение М. Тивериоса, который указывает на то, что даже имитации эвбейской керамики, сделанные местными мастерами, свидетельствуют о влиянии эвбейцев в этом регионе<sup>99</sup>. Мы уже отмечали выше, что имитации сосудов с гораздо большей вероятностью свидетельствуют об эвбейском происхождении населения колоний. Таким образом, выявленное в результате химических экспериментов местное происхождение глины никоим образом не свидетельствует против эвбейской колонизации этого региона.

Таким образом, мы не видим в источниках никаких оснований утверждать, что эвбейская колонизация фракийского побережья не была историческим фактом. Однако отметим, что в нарративной традиции, повествующей об этой активности эвбейских полисов нет никакой информации о сотрудничестве Эретрии и Халкиды на этом направлении. Все

---

<sup>96</sup> Knoepfler D. Le calendrier des Chalcidiens de Thrace. Essai de mise au point sur la liste et l'ordre des mois eubéens // *Journal de savants*. 1989. Vol. I. №.1–2. P. 23–59; Idem. The Calendar of Olynthus and the Origin of the Chalcidians in Thrace // *Greek Colonists and Native Populations*. Ed. by J.-P. Descoedres. Oxford, 1990. P. 99–115; Parker V. Op. cit. P. 45–48.

<sup>97</sup> Tiverios M. Op. cit. P. 6

<sup>98</sup> Papadopoulos J. Euboians in Macedonia... 152–155.

<sup>99</sup> Tiverios M. Op.cit. P. 8–9.

сообщения античных авторов свидетельствуют об отдельных колониях каждого из эвбейских полисов.

В завершение главы необходимо подчеркнуть некоторые главные выводы. Во-первых, в VIII в. до н.э. мы можем говорить о продолжающемся расцвете эвбейских полисов, который проявился в активной колонизации побережья Средиземного моря. Количество нарративных, археологических и эпиграфических материалов настолько велико, что отрицать роль эвбейцев не приходится, хотя процесс колонизации не был простым и однонаправленным. Это было взаимодействие представителей разных греческих регионов с финикийцами и местным населением. Во-вторых, в источниках нами не выявлены неопровержимые данные, которые бы позволили говорить о существовании этапа активного сотрудничества между Эретрией и Халкидой, имевшего место в начале архаического периода. Сообщение Страбона может быть подвергнуто сомнению, тем более что его информация о мирных отношениях и сотрудничестве Эретрии и Халкиды не подтверждается практически никакой другой традицией. О совместных колонизационных предприятиях эвбейских полисов нам сообщает только поздняя традиция – тот же Страбон и Дионисий Галикарнасский. Сведения эти относятся только к двум колониям в Италии – Питекуссам и Кумам – и не могут быть проверены археологически. В-третьих, даже если такие совместные колонии имели место, это еще не означает, что сами полисы сотрудничали. Случай, связанный с эретрийской колонизацией Керкиры, показывает, что колонисты могли вступать в конфликт со своей метрополией. И эретрийцы, участвующие в каком-то из колонизационных мероприятий Халкиды, могли быть изгнанниками из своего полиса.

## ГЛАВА 3. ЛЕЛАНТСКАЯ ВОЙНА

### 3.1. Проблема характера Лелантской войны

Переходя к проблематике, связанной непосредственно с войной, в первую очередь, мы хотели бы остановиться на оценке характера Лелантской войны. Это решение вызвано тем, что именно характер войны является основополагающим вопросом, от решения которого зависят ответы на все остальные. Без определения того, что именно представляла собой Лелантская война невозможно решить частные проблемы, будь то датировка войны, ее причины, количество и степень вовлеченности союзников эвбейских полисов, результаты войны.

Разногласия в историографии, посвященной Лелантской войне, возникли вследствие скудости нарративной традиции. В ней Лелантская война предстает как заметное событие, оказавшее влияние на весь эллинский мир. При этом удивляет, что до нас дошло так мало подробностей о конфликте. Решению этого противоречия и посвящена настоящая глава.

Краеугольным камнем всех концепций, аргументирующих общегреческую, масштабную и длительную Лелантскую войну, является следующий фрагмент Фукидида: «В наибольшей же степени в возникшей некогда в древности войне халкидян и эретрийцев и остальные эллины разделились на союзы, помогая одной из сторон» (Thuc. I. 15. 3)<sup>1</sup>. Перевод этой фразы вызывает серьезные разногласия. До этого афинский историк рассуждает о том, что в архаическое время не было крупных военных столкновений, союзов, дальних походов. А затем, переходя к войне, использует наречие «μάλιστα». Обычно «μάλιστα» переводится как «в особенности», «преимущественно»<sup>2</sup>. Таким образом, фраза Фукидида должна

---

<sup>1</sup> μάλιστα δὲ ἐξ τὸν πάλαι ποτὲ γεγόμενον πόλεμον Χαλκιδέων καὶ Ἐρετριῶν καὶ τὸ ἄλλο Ἑλληνικὸν ἐς ζυμῆμαχίαν ἐκάτερον διέστη.

<sup>2</sup> Parker V. Untersuchungen... S. 18. Заметим, что в схолиях к Фукидиду имеется и альтернативная точка зрения на понимание этого фрагмента. Схолиаст предлагает переводить «διέστη», как «не разделились». Получается противоположное значение всей фразы: «Вот и во время войны халкидян с эретрийцами остальные греческие государства

иметь смысл: «наилучшим примером пограничного конфликта является конфликт Эретрии и Халкиды». Однако этому противоречит то, что Фукидид пишет о разделе Эллады на две коалиции. В. Паркер полагает, что здесь «μάλιστα» имеет несвойственное этому слову значение уточнения. Он предлагает переводить наречие как «am ehesten» – «скорее всего». Часто также «μάλιστα» придается совершенно не свойственное этому наречию значение противоположности.

По-другому предлагает понимать смысл высказывания Фукидида И.А. Макаров<sup>3</sup>. Он относит наречие «μάλιστα» к глаголу «διέσθη», переводя фразу Фукидида следующим образом: «Более всего враждовали греки (не только соседи, но) и прочие, помогая одни одной, другие – другой стороне, во время возникшей некогда в древности войны халкидян и эретрийцев»<sup>4</sup>. По нашему мнению, можно предложить небольшую корректировку этого перевода, сняв противоречие с предшествующим рассуждением Фукидида, если понимать «διέσθη» как «разделяться»<sup>5</sup>. Получается следующее значение: «В наибольшей же степени в возникшей некогда в древности войне халкидян и эретрийцев и остальные эллины разделились на союзы, помогая одной из сторон». Как кажется, не противоречит нашему пониманию и формулировка «τὸ ἄλλο Ἑλληνικὸν» – «остальные эллины». У нас нет уверенности, что слово «остальные» нужно понимать в значении «все остальные». Фукидид подчеркивает, что союзники Эретрии и Халкиды происходили из других полисов Эллады. При этом из формулировки Фукидида совершенно неясно, сколь велико было количество разделившихся полисов.

При таком понимании фрагмент лучше согласуется с предшествующим текстом Фукидида. Сначала историк рассуждает о том, что в древности

---

не примкнули к одной из сторон». В работе С. Ламберта убедительно было продемонстрировано, что понимание схолиаста соответствует позднеантичной лексике, но Фукидид его в таком значении не использовал. Подробнее см. Lambert S.D. Op. cit.

<sup>3</sup> Макаров И.А. Рец. на Parker V. Untersuchungen... // ВДИ. 1998. №4. С. 181–182.

<sup>4</sup> Там же. С. 182.

<sup>5</sup> На этот вариант перевода фрагмента Фукидида обратил наше внимание А.И. Любжин.

полисы не вступали в коалиции (15. 1–2), а затем уточняет, что примером наибольшего разделения полисов на две коалиции является Лелантская война.

Как нам кажется, подтверждает приведенную трактовку и контекст этой части труда греческого историка. Обзор предшествующих конфликтов и древней истории нужен Фукидиду для того, чтобы показать уникальность и значимость Пелопоннесской войны, которая является основным предметом его труда. На это ясно указывает вывод, к которому приходит афинский историк: «И вот эта война (хотя люди всякий раз полагают величайшей ту войну, в которой принимают участие, а окончив ее удивляются больше войнам прежнего времени) покажет тем, кто имеет в виду дела, что она была событием более важным, чем прежние войны»<sup>6</sup> (Thuc. I. 21. 2). Для обоснования своего вывода, афинский историк сопоставляет Пелопоннесскую войну с предшествующими конфликтами. Показательно, что Фукидид старается аргументировать меньшую значимость Троянской и Греко-персидских войн по сравнению с Пелопоннесской. Рассматривая первую, он анализирует сообщения Гомера о количестве кораблей и, соответственно, войск, участвовавших в осаде Трои (Thuc. I. 10. 3–5; 11. 1–3). Касаясь же войны с персами, историк отмечает, что ее судьба решилась быстро двумя сражениями на суше и двумя на море (Thuc. I. 23. 1). Эти факты, по мнению Фукидида, свидетельствуют в пользу большей важности и масштабов Пелопоннесской войны.

Что же касается Лелантской войны, то историк, с одной стороны, упоминает её, но, с другой, не рассказывает ничего ни о её подробностях, ни и о том, почему она не может считаться более значительной, чем Пелопоннесская война. Если бы в приведенной цитате Фукидид оценивал Лелантскую войну как значимый конфликт, который кто-то может сопоставить по масштабу с другими перечисленными войнами, было бы

---

<sup>6</sup> καὶ ὁ πόλεμος οὗτος, καίπερ τῶν ἀνθρώπων ἐν ᾧ μὲν ἂν πολεμῶσι τὸν παρόντα αἰεὶ μέγιστον κρινόντων, παυσαμένων δὲ τὰ ἀρχαῖα μᾶλλον θαυμάζόντων, ἀπ' αὐτῶν τῶν ἔργων σκοποῦσι δηλώσει ὅμως μείζων γεγενημένος αὐτῶν.

логичным уделить место аргументации противоположной точки зрения. Кажется, весьма вероятным, что уже в классическое время информация о подробностях Лелантской войны не была широко распространена. Это хорошо объясняет, почему у нас так мало информации о конфликте. И подробно рассматривать вопрос, почему Лелантская война менее значима, чем Пелопоннесская, историку было просто не нужно. При этом у Фукидида, скорее всего, были вполне реальные основания для сообщения об участии в войне союзников эвбейских полисов, что вполне согласуется с указаниями прочих авторов на участие в войне других эллинов. Необходимую информацию Фукидид мог получить и из локальной эвбейской исторической традиции. Не стоит забывать, что Эвбея неоднократно появляется на страницах его труда (I. 114; II 55; III. 3, 109; VII. 28; VIII. 95–96), а Эретрия была тесно связана с Афинами, начиная с эпохи архаики<sup>7</sup>.

Таким образом, с нашей точки зрения, из сообщения Фукидида не может следовать вывод об общегреческом характере Лелантской войны. Этот вывод базируется на слишком вольном переводе наречия «μάλιστα». То, что Фукидид пишет о «наибольшем разделении» греческих полисов во время Лелантской войны, еще не означает разделения *всех* полисов на коалиции. Историк не рассматривает ее как войну, которая может потенциально сопоставляться по масштабам с Пелопоннесской. При этом следует подчеркнуть, что сам факт упоминания Фукидидом Лелантской войны свидетельствует в пользу ее историчности.

Другие античные авторы практически ничего не говорят об общегреческом характере Лелантской войны. Есть достаточно ясные указания Геродота на участие в войне Милета и Самоса (V. 99. 1) и Плутарха

---

<sup>7</sup> Подробную и убедительную аргументацию ранних (как минимум с конца VII в. до н.э.) связей Афин и Эретрии см. Shear T.L. Koisyra: Three Women of Athens // Phoenix. 1963. 17. 2. P. 99–112; Суриков И.Е. Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии) // ВДИ. 2003. №2. С. 16–25; Александрова О.И., Зайцев Д.В. Афины и Эретрия: О становлении межполисных отношений в архаической Греции // Новый исторический вестник. 2019. №4 (62). С. 76–93.

на помощь фессалийской конницы и колоний на Халкидике (Plut. Amat. Narr. 17 = Mor. 760e–f; Plut. Conv. Sept. Sap. 10 = Mor. 153f). Однако упоминания об отдельных союзниках, которые будут специально проанализированы ниже в отдельном пункте, не равнозначны сообщению об общегреческом конфликте. Следовательно, сомнения в этом предположении вполне обоснованы текущим состоянием источниковой базы.

Далее, исчерпав немногочисленные возможности нарративной традиции, мы обратимся к археологическому и общеисторическому контексту войны, который также часто используется в историографии для доказательства ее общегреческого характера. Здесь мы обратимся к проблеме в несколько ином ракурсе, оценивая влияние войны на археологическую картину Эвбеи. Материалы раскопок на Эвбее, датируемых VIII–VII вв. до н.э., свидетельствуют о том, что это было беспокойное время. В контексте Лелантской войны наше внимание традиционно привлекают два археологических памятника – поселение Ксерополис/Лефканди и Эретрия.

В VIII в. до н.э. население Ксерополиса/Лефканди начинает постепенно сокращаться и, в результате, к следующему столетию, согласно наиболее вероятной реконструкции, поселение приходит в запустение<sup>8</sup>. Этот резкий контраст с процветанием IX в. до н.э. ясно свидетельствует о влиянии каких-то неблагоприятных факторов. Даже если принять критику Дж. Холла и согласиться с тем, что поселение не исчезло в VII в. до н.э., само сокращение занимаемой площади никак не может быть следствием благоприятных внешнеполитических условий. Равным образом нельзя считать проявлением благоденствия и резкое сокращение предметов ближневосточного ремесла на поселении, отмеченного для этого времени<sup>9</sup>.

---

<sup>8</sup> Vedder R.G. *Op. cit.* P. 56; Walker K. *Archaic Eretria...* P. 45–52, 72–88. Против точки зрения, согласно которой поселение было уничтожено, выступает Дж. Холл (*Hall J. Op. cit.* P. 1–8), однако его критика основана только на том, что археологическое исследование Лефканди еще не завершено.

<sup>9</sup> Porham M.R., Sackett L.H. and Themelis P.G. *Op. cit.* Отметим, что этот факт коррелирует и с динамикой присутствия эвбейцев на Ближнем Востоке. С середины VIII в. до н.э. доля эвбейской керамики там сокращается; в конце столетия поселение Аль-Мина –

Нам не кажется, что спад Ксерополиса/Лефканди имел внутренние социально-экономические, либо природные причины. Исследователи, изучавшие захоронения, отмечают, что в поселении не наблюдалось резких скачков численности населения в период, предшествующий упадку. Это значит, что речь не может идти о кризисе, вызванном перенаселением<sup>10</sup>. Что же касается природных факторов, то у нас нет никаких данных о катаклизмах, относящихся к этому времени. Равно не фиксируются подобные природные явления при археологических исследованиях в не столь отдаленной от Лефканди Эретрии.

Не представляется убедительной и теория, согласно которой перемещение населения было связано с отсутствием в Ксерополисе удобной гавани. Для эллинов, насколько можно судить, не было характерно изменение места поселения без влияния чрезвычайных факторов: практически все случаи переселений целого полиса в архаический период связаны с кризисными ситуациями. Например, фокейцы и теосцы покидают свои города только под угрозой персидского нашествия (Herod. I. 163–170). Причем, даже несмотря на данную клятву, далеко не все граждане Фокеи оставляют свой город<sup>11</sup>. Афиняне в разгар войны с персами угрожают союзникам уплыть на Сицилию, но в итоге не делают этого, несмотря на разорение города (Herod. VIII. 62). В контексте этих примеров предположение, будто население оставило Ксерополис только ради новой – более удобной – гавани выглядит, по нашему мнению, весьма сомнительным.

Логичнее предположить, что исход населения был связан с влиянием политической ситуации. Учитывая, что единственным событием на Эвбее, о котором нам известно и которое могло привести к подобным последствиям,

---

крупнейшая греческая фактория в регионе – было разрушено ассирийцами, а после его восстановления место эвбейской керамики заняла продукция других полисов (Браун Т.-Ф.-Р.-Г. Греки на Ближнем Востоке // Кембриджская история древнего мира. Т III. Ч. 3. Расширение греческого мира. VIII–VI вв. до н.э. С. 21–23).

<sup>10</sup> Walker K. Archaic Eretria... P. 84.

<sup>11</sup> Оговоримся, что для нас не столь важно, насколько реальны данные Геродота в этом случае. Важен факт, что этот сюжет должен был рассматриваться слушателями и читателями галикарнасского историка как вполне естественное для эллинов поведение.

является Лелантская война, представляется закономерным вывод, что существовала связь между оставлением Ксерополиса/Лефканди и военными действиями. Тем не менее, археологические данные не свидетельствуют о единовременном разрушении поселения, что приводит нас к несогласию с мнением В. Паркера. Американский исследователь считает, что население окончательно ушло в Эретрию, бывшую до этого гаванью Ксерополиса/Лефканди, после *разрушения* метрополии<sup>12</sup>. Археологи же фиксируют постепенное сокращение населения<sup>13</sup>, что не вяжется с единовременной катастрофой. Мы склонны предположить, что военные действия, скорее, влияли на земледельческую округу и безопасность поселения, находившегося между Эретрией и Халкидой и потому уязвимо. Этот факт свидетельствует скорее в пользу локальной и затяжной войны, не уничтожившей Ксерополис непосредственно, но значительно затруднившей жизнь его населения.

Интересно, кстати, и то, что данные археологических разведок показывают значительный спад количества известных или предполагаемых поселений с VIII в. до н.э. по начало VII в. до н.э. Если для геометрического периода нам известно более двух десятков поселений, десять из которых находятся в районе Лелантской долины, в том числе пять вблизи Халкиды<sup>14</sup>, то к рубежу столетий из разведанных археологами поселений остаются только Халкида и Эретрия<sup>15</sup>. Конечно, скорее всего, наши знания неполны, однако факт уменьшения количества поселений возле Халкиды и в районе Лелантской долины налицо. При этом в других регионах острова уменьшения известных или предполагаемых поселений не происходит.

---

<sup>12</sup> Parker V. Op. cit. S. 39–43.

<sup>13</sup> Mazarakis Ainian A. Geometric Eretria... P. 3; Auberson P. Le temple d'Apollon Daphnéphoros... P. 24; Bérard C. Topographie et urbanisme de l'Eréttrie archaïque... P. 94; Boardman J. Early Euboean pottery and history... P. 14; Coldstream J. N. Geometric Greece... P. 66–67. 199; Wheeler E. Op.cit. P. 167.

<sup>14</sup> Vedder R.G. Op. cit. P. 52–54.

<sup>15</sup> Ibidem. P. 139–140.

Что касается раскопок Эретрии, то для нашей проблемы полезны следующие факты, выявленные раскопками. Во-первых, Эретрия основана примерно в начале VIII в. до н.э.<sup>16</sup> Во-вторых, Эретрия бурно расширяется на протяжении VIII в. до н.э. Возведение монументальных построек – храма Аполлона Дафнефороса, построенного в середине VIII в. до н.э., и крепостной стены, сделанной на рубеже VIII–VII вв. до н.э. – показывает, что Эретрия не испытывала недостатка в людях и средствах для укрепления города. Объяснить же столь резкий рост совсем молодого полиса только естественным приростом населения, по нашему мнению, будет неправильным<sup>17</sup>. Картина роста Эретрии также слабо согласуется с масштабным общегреческим конфликтом, имеющим место на территории острова. Однако возведение крепостной стены скорее поддерживает гипотезу о связи Эретрии и Ксерополиса/Лефканди и может свидетельствовать в пользу напряженных отношений Эретрии с соседями.

Наконец, мы бы хотели специально остановиться на захоронениях воинов, расположенных возле западных ворот Эретрии. На рубеже VIII–VII вв. до н.э. в Эретрии было два известных нам кладбища. Основное западное кладбище находилось на морском побережье и содержало преимущественно кремированные останки взрослых<sup>18</sup>. Для захоронения подростков и детей использовались амфоры и пифосы. Они размещались либо на том же западном кладбище, либо между основаниями домов самого поселения<sup>19</sup>. Гораздо более интересно второе кладбище – небольшой некрополь, расположенный возле западных ворот Эретрии, через которые пролегал путь в Халкиду. Этот некрополь представляет собой шесть захоронений, в четырех из которых было найдено оружие в качестве сопроводительного

---

<sup>16</sup> Mazarakis Ainian A. *Geometric Eretria...* P. 3; К. Уокер предлагает еще более раннюю дату – последнюю четверть IX в. до н.э. См. Walker K. *Op. cit.* P. 89.

<sup>17</sup> Хотя стоит, конечно, отметить, что влияние на этот рост мог оказать также демографический взрыв, фиксируемый в Греции архаического периода. См. подробнее Morris I. *Burial and ancient society...*

<sup>18</sup> Coldstream J. N. *Geometric Greece...* P. 177.

<sup>19</sup> Mazarakis Ainian A. *Geometric Eretria...* P. 3–10; Coldstream J.N. *Geometric Greece...* P. 88, 177.

материала. Прах умерших собран в одежды и размещен в бронзовых сосудах, защищенных каменными плитами<sup>20</sup>. Древнейшим из захоронений является могила № 6. Она содержит два сосуда, один из которых использовался в качестве сосуда для праха, второй – как крышка. Из сопроводительного материала в захоронении были найдены четыре железных меча, пять железных наконечников, один бронзовый наконечник микенского времени и финикийский скарабей, а также небольшое количество ювелирных изделий местного производства<sup>21</sup>. Остальные пять захоронений, датируемых также 720–680 гг. до н.э., располагаются полукругом вокруг могилы № 6. На небольшом расстоянии к западу от некрополя, практически на месте более поздних западных ворот, располагаются девять детских ингумаций. В качестве сопроводительного материала там использовались сосуды для еды и питья и ювелирные изделия, датируемые тем же временем<sup>22</sup>. Впоследствии вокруг некрополя у Западных ворот сформировался культ, о чем свидетельствуют votivные посвящения.

Последний факт послужил основой для интерпретаций этого захоронения с точки зрения социальных и идеологических реалий архаического времени. К. Берар – археолог, непосредственно исследовавший Эретрию – предположил, что в могиле № 6 покоится последний базилей Эретрии. Наконечник медного копья служил скипетром, символом царской власти, до того, как стал сопроводительным материалом. Захоронение наконечника вместе с его владельцем, с точки зрения К. Берара, было метафорическим символом ухода власти от монархии. Следовательно, некрополь свидетельствует о том, что в полисе устанавливалась более эгалитарная социально-политическая структура<sup>23</sup>.

Ф. де Полиньяк выступал за то, что погребенный в могиле № 6 человек был представителем аристократической элиты VIII в. до н.э. По мнению

---

<sup>20</sup> Crielaard J.P. Op. cit. P. 45.

<sup>21</sup> Coldstream J.N. *Geometric Greece...* P. 178.

<sup>22</sup> Ibidem. P. 177.

<sup>23</sup> Bérard C. *Le sceptre du prince* // *Museum Helveticum*. 1972. Vol. 29. P. 219–227.

французского историка, именно он выступил инициатором передачи власти от бацилея к аристократам. Его обожествление, таким образом, стало символом ухода функции сакрального защитника полиса от бацилея к божеству, олицетворявшему полис в целом<sup>24</sup>. Я.П. Крилаард, несмотря на критическую оценку отдельных пунктов концепции Ф. де Полиньяка, также считал, что захоронение принадлежит аристократу. Однако оно не означает резкий переход власти от бацилея к аристократии, но показывает постепенно продолжающееся усиление аристократии. Во-первых, голландский ученый обратил внимание на то, что только родственники умершего могли организовать столь богатое захоронение, и, следовательно, они сохраняли свое влияние в обществе. Во-вторых, среди захоронений в некрополе встречаются женские, что было нетипично для других полисов архаической Эллады и свидетельствует о большом могуществе этого аристократического рода<sup>25</sup>.

Итак, рассмотрение материалов погребений приводит нас к необходимости согласиться, хотя бы частично, с точкой зрения Дж. Холла. Ничто в этих материалах не свидетельствует о связи захоронений, расположенных возле Западных ворот, непосредственно с Лелантской войной. В частности, этой гипотезе противоречит то, что не все могилы принадлежат воинам и содержат предметы вооружения в качестве сопроводительного материала. Разумеется, у нас нет никаких оснований для вывода, что сам аристократ, погребенный в могиле № 6, погиб в Лелантской войне<sup>26</sup>.

Какие же выводы мы можем сделать, исходя из приведенных данных, о состоянии эвбейских полисов в архаическое время? Во-первых, богатство

---

<sup>24</sup> De Polignac F. Op. cit. P. 21, 143–149.

<sup>25</sup> Crielaard J.P. Op. cit. P. 46–47.

<sup>26</sup> С военными достижениями связывает особые почести при захоронении и при появлении культа Дж. Колдстрим (Coldstream J.N. Geometric Greece... P. 178). В общем-то, с этим утверждением можно было бы согласиться, однако эта теория не может объяснить соседство могилы № 6 с захоронениями, не имеющими вооружения в погребальном инвентаре.

захоронений явно свидетельствует о большом значении аристократии в обществе архаической Эретрии, которое фиксируется и нарративной традицией (Arist. Polit. IV. 3. 2). Во-вторых, наличие вооружения в качестве сопроводительного материала подтверждает военное значение аристократии. Однако эти факты не придают Эретрии уникальности, которую мы вправе были бы ожидать от полиса, ставшего одним из центров уникального общегреческого конфликта.

Рассмотренные захоронения не являются единственным археологическим аргументом в пользу военно-политической нестабильности на острове. Рубеж VIII–VII вв. до н.э. в Эретрии отмечен следами разрушений<sup>27</sup>. В качестве одного из примеров можно привести мастерскую ювелира, датированную примерно 700 г. до н.э. Под полом в ней был найден расписной скифос, содержащий 510 г. золота, кусочки электра и незавершенных ювелирных изделий<sup>28</sup>. Вероятнее всего, этот клад был скрыт при приближении опасности, и ювелир планировал в дальнейшем продолжить работу над оставленными материалами, однако не успел или не сумел этого сделать. Таким образом, археологические материалы, вероятно, свидетельствуют о политической нестабильности на Эвбее, ставших причиной разрушений в Эретрии на рубеже VIII–VII вв. до н.э., и последовавшем строительстве крепостной стены.

Наконец, по нашему мнению, еще одним вспомогательным аргументом против общегреческой Лелантской войны может служить как раз ее уникальность в контексте архаической Греции. Конечно, здесь стоит указать и на общую уникальность Эвбеи в Элладе «темных веков». Поселения острова содержат значительное количество восточного импорта. Эвбейцы были теми, кто основал первые греческие поселения и фактории на Ближнем Востоке и в Центральной Италии в VIII в. до н.э. Но нельзя забывать, что архаическая Эллада достаточно серьезно отличается от классической. У нас

---

<sup>27</sup> А. Мазаракис-Айниан пишет о выявленном в ходе раскопок разрушении нескольких домов в конце VIII в. до н.э. См. Mazarakis Ainian A. Geometric Eretria... P. 8.

<sup>28</sup> Mazarakis Ainian A. Geometric Eretria... P. 9.

нет оснований предполагать, что у только зарождающихся полисов VIII в. до н.э. наличествовала какая-либо целенаправленная государственная торговая или колонизационная политика, за исключением, вероятно, необходимости выведения в колонии части населения из-за аграрных проблем<sup>29</sup>. Кстати, мы склонны предположить, что в активной колонизации эвбейских полисов также можно увидеть подтверждение историчности Лелантской войны. Война не могла не влиять на земледельческую округу полисов<sup>30</sup> и, возможно, приводила к оттоку части населения в колонии. Показательно, кстати, в этом отношении, что наибольшую колонизационную активность проявляла Халкида, небольшие поселения вокруг которой исчезают на рубеже VIII–VII вв. до н.э. Тем не менее, выдвигать в связи с этим предположение, что Халкида терпит неудачи в войне, едва ли правомерно. Исчезновение поселений может быть связано и с вероятным синойкизмом, а проблемы с раскопками самой Халкиды не дают нам возможность привести сколько-нибудь убедительные аргументы.

Отсутствие полноценной торговой и колонизационной политики делает, по нашему мнению, явной модернизацией предположение, что в раннюю архаику в Греции имели место торговые войны. Подавляющее большинство конфликтов архаического времени, которые известны нам из источников, вспыхивали из-за спорных соседних территорий (войны Спарты и Аргоса<sup>31</sup>, Афин и Мегар<sup>32</sup>, Мессенские войны<sup>33</sup>). Хотя имеются случаи

---

<sup>29</sup> Снова можно сослаться на пример Кирены, причины основания которой были аграрными. Выведение же этой колонии было санкционировано полисным документом (Яйленко В.П. Греческая колонизация...). Древнейшие эвбейские колонии – Питекуссы и Кумы – тоже были аграрными (см. аргументацию Шубин В.И. Ранние эвбейские колонии в Италии...; Он же. Питекусса: к вопросу о первоначальном характере колонии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2011. №1. С. 32–39.

<sup>30</sup> О влиянии войны на экономику античных полисов, в том числе на сельское хозяйство см.: Безруков А.В., Улитин В.В. Военно-политические конфликты и торговля в античном мире (Восточное Средиземноморье, Причерноморье и варварская северо-восточная периферия) // ПИФК. 2020. №1. С. 26.

<sup>31</sup> Жестоканов С.М. Фидон Аргосский: тиран и реформатор // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. №3. С. 49 (С.М. Жестоканов связывает

формирования коалиций против отдельных полисов. Например, Мелийская война, в которой ионийские полисы выступили против Мелии (Vitr. IV. 1. 4–5)<sup>34</sup>, Священная война, где коалиция образовалась против Крисы<sup>35</sup>. Однако эти аналогии не кажутся убедительными в нашем случае. Даже если Мелийская война была крупной войной коалиции ионийских полисов против Мелии, речь всё равно о конфликте, локализуемом на весьма ограниченной территории Ионии. Первая Священная война ведётся вокруг крупнейшего религиозного центра и датируется обычно уже VI в. до н.э.<sup>36</sup> Кроме того, эти случаи являются примером формирования коалиций для борьбы с отдельным полисом и формировались они по территориальному принципу, либо вокруг важного религиозного центра. А значит их нельзя считать полноценной аналогией для длительной войны двух устойчивых коалиций, включавших в себя полисы всей Греции.

Таким образом, исторический контекст, в котором проходила Лелантская война, также не соответствует гипотезе о ее общегреческом характере и расколе греческого мира на две коалиции. По крайней мере, аналогий столь длительной и тяжелой войны между устойчивыми союзами в архаический период найти не удастся.

---

противоборство Аргоса и Спарты с экспансией Аргоса при тиране Фидоне, которая затронула традиционных союзников Спарты на Пелопоннесе).

<sup>32</sup> Туманс Х. Рождение Афины... С. 206–208; Пальцева Л.А. Указ. соч. С. 247–257.

<sup>33</sup> Печатнова Л.Г. Указ. соч. С. 81–120.

<sup>34</sup> Мелией называет этот город Гекатей (Steph. Byz. s.v. Μελία = FHG. I. fr. 336), Витрувий, являющийся одним из основных источников по войне, называет полис Мелитой. Подробнее о Мелийской войне см: Shipley G. A Op. cit. P. 29–31; Кулакова А.П. Образование Панионийского союза // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2003. С. 30–41; Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М., Берлин, 2005. С. 121–126; Лаптева М.Ю. Мелийская война в истории архаической Ионии // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 2. Война, армия и военное дело в античном мире. Казань–Нижегород–Саратов, 2007. С. 9–18; Она же. У истоков древнегреческой цивилизации... С. 452–464.

<sup>35</sup> Подробнее с подборкой источников и литературы см. Кулишова О.В. Дельфийский оракул... С. 195–218.

<sup>36</sup> Суриков И.Е. Античная Греция... С. 119–121.

Мало у нас оснований, впрочем, и для полного согласия с точкой зрения, высказанной К. Таузендом и Х. Тумансом. Эти исследователи выступают за то, что Лелантская война была затяжным аристократическим конфликтом, который служил способом репрезентации знатных эллинов, следовавших образцам Троянской войны. Первый аргумент, который приводит Х. Туманс, заключается в том, что в ходе длительного конфликта, ведущегося с помощью полисных ополчений, стороны истребили бы друг друга. Второй аргумент – это данные нарративных источников об отдельных событиях Лелантской войны, в которых упоминаются только аристократы. Третий – это запрет на метательное оружие, упоминаемый Страбоном и отражающий, по мнению Х. Туманса, аристократическую этику ведения боя.

На это мы бы хотели возразить следующее. Нарративные источники вообще крайне скупо упоминают о гражданах полисов, не относящихся к аристократии. Это справедливо даже для демократических Афин V в. до н.э., не говоря уже об архаике. Тот факт, что нарративная традиция сообщает об особых почестях аристократам, еще не значит, что только они принимали участие в боевых действиях. Запрет метательного оружия, с нашей точки зрения, также не связан напрямую с аристократическим характером войны. Достаточно сказать, что любой поединок героев гомеровских поэм начинается с метания копий. А термин «*τῆλεβόλοι*», использовавшийся для обозначения запрещавшегося оружия, означал все метательное оружие, а не только стрелы и камни для пращей. Вряд ли можно согласиться и с идеей о взаимном истреблении населения эвбейских полисов в длительной войне. Греческие локальные конфликты обычно не приводили к серьезным потерям в живой силе.

В завершение этого пункта мы бы хотели остановиться на терминологической проблеме, которая нам представляется важной. Мы уже отмечали, что в античных источниках нам не встретится сам термин

«Лелантская война»<sup>37</sup>. Фукидид (I. 15. 3) называет этот конфликт «войной халкидян и эретрийцев» (πόλεμον Χαλκιδέων καὶ Ἐρετριῶν). Геродот (V. 99) пишет о том, что милетяне воевали вместе с эретрийцами в «войне против халкидян» (τὸν πρὸς Χαλκιδέας πόλεμον). Плутарх, рассказывая в «Моралиях» о судьбе фессалийского царя Клеомаха (Plut. Amat. Narr. 17 = Mor. 760e–761a), пишет про его гибель в «войне против эретрийцев» (πολέμου πρὸς Ἐρετριεῖς) на стороне Халкиды. В «Пире семи мудрецов» (Plut. Conv. Sept. Sap. 10 = Mor. 153f), повествуя о халкидском аристократе Амфидаманте, Плутарх называет конфликт, в котором он погиб, «битвами за Лелант»: (ταῖς περὶ Λελάντου μάχαις). Страбон же (Strabo X. 1. 12), хотя и упоминает Лелантскую долину как причину войны, не использует для ее обозначения какого-то термина.

Приведенные примеры прекрасно иллюстрируют отсутствие в античной нарративной традиции устойчивого определения для войны между Эретрией и Халкидой. «Битвы за Лелант», «война халкидян и эретрийцев», «война против эретрийцев» – вот термины, которыми пользуются античные авторы. Стоит сразу оговориться, что такие особенности традиции не является чем-то исключительным. У эллинов вообще было распространено наименование войн по участвовавшим в них сторонам<sup>38</sup>. Однако если Фукидид пишет о «войне афинян и пелопоннессцев», мы понимаем, что речь

<sup>37</sup> Зайцев Д.В. Лелантская война: проблемы терминологии // История мировых цивилизаций: война и общество / Е.С. Меер (отв. ред.), М.В. Эберхардт, Д.В. Григорьев. Красноярск, 2015. С. 139–147. На это обращали внимание в историографии и ранее. См.: Макаров И.А. Указ соч. О названиях греческих войн вообще см. работы Э.В. Рунга: Рунг Э.В. Традиция восприятия Греко-персидских войн как мидийских в V – IV вв. до н.э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. Вып. 3. СПб., 2004. С. 71–82; он же. Подходы к обозначению и периодизации исторических событий в греческой историографии классического периода // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. №10. С. 11–30.

<sup>38</sup> В качестве примеров приведем некоторые выдержки из первых книг сочинений Геродота и Фукидида. У Геродота: «так обстояло у Алиатта с войной против милетян и Фрасибула (τὸν πρὸς Μιλησίους τε καὶ Φρασύβουλον πόλεμον)» (Herod. I. 22. 4., пер. Г.А. Стратановского), «война против милетян (τὸν πρὸς Μιλησίους πόλεμον)» (Herod. I. 25. 1), «прошлая война ... против тегейцев (τὸν πρότερον πόλεμον... πρὸς τοὺς Τεγεῆτας)» Herod. I. 67. 1). Фукидид (I. 1. 1) называет Пелопоннесску войну «войной пелопоннессцев и афинян» (τὸν πόλεμον τῶν Πελοποννησίων καὶ Ἀθηναίων).

идет о войне, называемой нами Пелопоннесской. События, о которых сообщает Фукидид, имеют четкую хронологическую и фактическую привязку. То же самое касается и Греко-персидских войн, подробно описанных Геродотом. Говоря «Первая Священная война», мы понимаем, что речь идет о вполне конкретном событии начала VI в. до н.э.

Однако Лелантская война выпадает из этого ряда. Мы, по сути, не имеем какого-то, пусть и краткого, но единого предания о войне. Все наши знания о ее подробностях фрагментарны и исходят из разных источников. Даже соперничество за Лелантскую долину как причину войны упоминают только Страбон и Плутарх – источники поздние и далеко не всегда достоверные<sup>39</sup>. Можем ли мы убедительно доказать, что те «битвы за Лелант», о которых пишут авторы римского времени, тождественны «войнам халкидян и эретрийцев», которые упоминают Фукидид и Геродот?

Резюмируя все вышесказанное, нам хотелось бы предложить следующие тезисы, которые будут дополнительно аргументироваться в дальнейшей работе. Во-первых, мы считаем, что Лелантская война – это затяжной конфликт или серия конфликтов между Эретрией и Халкидой из-за Лелантской долины. Во-вторых, в Лелантской войне участвовали контингенты других полисов. Однако это участие было ситуативным и разновременным. Теория об общегреческом конфликте не подтверждается ни нарративной традицией, ни археологическим контекстом. Для дальнейшей аргументации этих тезисов мы обратимся к частным вопросам: датировке конфликта, его причинам, союзникам, участвовавшим в Лелантской войне, а также вопросу об историчности запрета на метательное оружие.

### **3.2. Причины войны**

---

<sup>39</sup> Строго говоря, в нарративной традиции есть еще одно упоминание Леланта, которое служило аргументом для историков, споривших о датировке Лелантской войны VI веком до н.э. Это стихи Феогнида Мегарского (891–894), который пишет о гибели виноградников Леланта, проклиная при этом коринфский род Кипселидов.

Первая проблема, тесно связанная с вопросом характера Лелантской войны и активно обсуждаемая в историографии, – это причины войны. Мы уже касались этого вопроса ранее, однако здесь стоит остановиться на нем более основательно. В историографии предлагается несколько версий, объясняющих возникновение конфликта. Точки зрения исследователей можно разделить на несколько групп. Но стоит сразу отметить, что специалисты, обращающиеся к этой проблеме, обычно не сомневаются в общегреческом характере Лелантской войны.

Первая точка зрения заключается в том, что единственной причиной Лелантской войны стали противоречия между Эретрией и Халкидой из-за одноименной долины<sup>40</sup>. Основным аргументом служат сообщения античных авторов, которые называют Лелантскую долину причиной начала военных действий (Strabo. X. 1. 12; Plut. Conv. Sept. Sap 10. = Mor. 153f). Главной проблемой этой концепции считается то, что спор двух полисов из-за долины вряд ли мог вызвать общегреческий конфликт. Выгоды эвбейских полисов от войны понятны, чего не скажешь об их союзниках, которым, получается, приходилось бороться исключительно за чужие интересы. Исследователи по-разному разрешали это противоречие. Одни специалисты, в частности П. Гарднер считали возможным уйти от экономических причин Лелантской войны, выступая с идеей о ее рыцарском характере, которая снимала возникавшее противоречие<sup>41</sup>. Собравшиеся воевать за Лелантскую долину аристократы были, в принципе, мало заинтересованы в каких-то экономических благах. Главным для них было подражание гомеровским героям и достижение воинской славы. Другие специалисты, занимавшие традиционную позицию, предполагали, что земельный кризис, вызванный

---

<sup>40</sup> Geyer F.P. Op. cit. S. 15–16; 24–25; Gardner P. Op. cit. P. 90–91; Coldstream J.N. Greek Geometric Pottery... P. 369; idem. Geometric Greece... P. 200; Snodgrass A.M. Archaic Greece... P. 44; Lambert S.D. Op. cit. P. 216.

<sup>41</sup> Gardner P. Op. cit. P. 90–91. Эту точку зрения разделяют также Х. Туманс, К. Таузенд и Я.П. Крилаард (Туманс Х. Рождение Афины... С. 122–125; Tausend K. Lelantische Krieg... S. 499–514; Idem. Amphiktyonie und Symmachie... S. 137–146; Crielaard J.P. Op. cit. P. 43–58).

демографическим ростом в Греции этого времени, послужил причиной роста значимости любых плодородных площадей. А, следовательно, Лелантская долина могла быть камнем преткновения для многих полисов<sup>42</sup>. Впрочем, эти исследователи не объясняют подробно, на какие именно блага, полученные от Лелантской долины, могли претендовать союзники Халкилы и Эретрии.

Исследователи, придерживающиеся второй точки зрения, полагают, что земельные противоречия не могли вызвать общегреческую войну. Поэтому основные причины Лелантской войны необходимо искать в других сферах экономики. Ряд ученых считает, что причиной войны были торговые противоречия между полисами Эллады, а в самой долине враждующие стороны привлекала не столько земля, сколько природные ресурсы, о которых писал Страбон<sup>43</sup>. Аргументы в поддержку этой гипотезы предлагаются следующие. Во-первых, война началась вскоре после мощной волны колонизации Центрального Средиземноморья, предпринятой эвбейскими полисами. Следовательно, земельный голод не должен был быть настолько силен, чтобы подвигнуть Эретрию и Халкиду на масштабный конфликт. А вот ресурсы, имевшиеся в Лелантской долине, могли серьезно заинтересовать развивающееся металлургическое производство эвбейских полисов. Во-вторых, сложно представить, чтобы земельные противоречия между Эретрией и Халкидой могли быть интересны другим полисам; однако общие интересы в сфере торговли и колонизации вполне могли объединить более или менее значительное число полисов в коалиции. Еще один аргумент заключается в тех процессах, которые считаются последствиями войны. А именно то, что Милет с VII в. до н.э. начинает

---

<sup>42</sup> Coldstream J.N. *Greek Geometric Pottery*... P. 369; idem. *Geometric Greece*... P. 200; Snodgrass A.M. *Archaic Greece*... P. 44; Lambert S.D. *Op. cit.* P. 216.

<sup>43</sup> Жестоканов С.М. Лелантская война...; Burn A.R. *The So-Called "Trade-Leagues"*... P. 14, 33; Bradeen D.W. *The Lelantine War*... P. 235–241; Boardman J. *Early Euboean Pottery*... P. 27; Forrest W.G. *Colonization*... P. 164; Roebuck C. *Ionian Trade and Colonisation*. New York, 1959. P. 74; Starr Ch. *The Origins*... P. 376; Jeffery L.H. *Archaic Greece*... P. 65-66; Murray O. *Op. cit.* P. 77; 101–102

активно проникать в Причерноморье<sup>44</sup>, а Коринф в то же время сосредоточивает свои усилия на освоении Италии и Сицилии<sup>45</sup>. Эти события исследователи прямо связывают с результатами Лелантской войны, считая, что победившая коалиция во главе с Халкидой и Коринфом осваивает выгодные регионы Центрального и Восточного Средиземноморья, а проигравшие союзники Эретрии вынуждены продвигаться в менее выгодном черноморском направлении.

Отметим, что нам аргументация исследователей, придерживающихся второй точки зрения, не кажется убедительной. Масштабная война, вызванная торговыми причинами в ранний архаический период выглядит анахронизмом, тем более что в источниковой базе для нее убедительных аргументов, как уже было показано выше, найти не удастся. Кроме того, эта концепция предполагает раздел регионов торговли и колонизации между полисами, участвующими в Лелантской войне. Но даже если допустить, что в результате Лелантской войны Коринф и Милет получили приоритет в отдельных регионах колонизации, это еще не доказывает, что полисы вообще ставили себе такую задачу в VIII–VII вв. до н.э., когда конфликт только начинался. Наконец, показательным моментом является то, что ни Эретрия, ни Халкида в последующем колонизационном движении активного участия не принимали. Как раз наоборот: эвбейские полисы, судя по керамическим материалам, так и не вернулись ни в Центральное Средиземноморье, ни на Ближний Восток.

Далее, теории торгово-колонизационных причин Лелантской войны противоречат и другие факты. Важности торговых контактов с колониями для получения ресурсов не находит подтверждения в археологических материалах. Уже убедительно доказано, что даже колония на небольшом

---

<sup>44</sup> Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main–Bern–New York, 1983. S. 11–97; Greaves A.M. Miletos... P. 74–130; Кобылина М.М. Милет. М., 1965.

<sup>45</sup> Жестоканов С.М. Колонизационная политика коринфских тиранов // Вестник СПбГУ. Серия. 2. История, языкознание, литературоведение. 1996. №.2. С. 90–94.

острове Искья имела, в первую очередь, земледельческий характер<sup>46</sup>, не говоря уже о куда более выгодно расположенных с этой точки зрения Кумах. Рудники на острове Эльба, разработку которых также относили к целям эвбейской колонизации центрального Средиземноморья, начали осваиваться только с VI в. до н.э.<sup>47</sup>

С нашей точки зрения, главной причиной войны стоит считать все же земельный вопрос, который, вероятно, встал перед жителями эвбейских полисов довольно рано. Об этом, как минимум, свидетельствует активность Эретрии и Халкиды на ниве колонизации. Кроме того, противоречия между соседними городами за плодородные земли, находящиеся между ними, были отнюдь не редкостью в античной Элладе. Следовательно, вопрос о принадлежности плодородной Лелантской долины должен был стать предметом спора двух влиятельнейших полисов на острове, между которыми она находилась.

Что же касается участия в войне представителей других полисов, то этот вопрос будет подробно рассмотрен нами ниже в пункте, посвященном союзникам Эретрии и Халкиды. Пока же мы скажем только, что не видим экономических оснований для их вмешательства в Лелантскую войну, ведь выгоду от эксплуатации долины они вряд ли могли получить. Вероятнее всего, стоит видеть причину этого в политических и ксенических связях между аристократией полисов Эвбеи и их союзников.

### **3.3. Датировка Лелантской войны**

Практически все авторы, занимавшиеся проблемой датировки Лелантской войны, относили ее к периоду VIII–VI вв. до н.э. Однако более точные даты различаются весьма существенно. Первые попытки датировать Лелантскую войну встречаются в немецких работах XIX в. М. Дункер<sup>48</sup> и Г.

---

<sup>46</sup> Шубин В.И. Питекусса... С. 32–39.

<sup>47</sup> Hall J. Op. cit. P. 1–8.

<sup>48</sup> Duncker M. Op. cit. S. 489–491.

Бузольт<sup>49</sup> относят конфликт к 700 г. до н.э. К.Ю. Белох<sup>50</sup> считал, что войну стоит датировать 600–570 гг. до н.э. Э. Курциус<sup>51</sup> и Эд. Мейер<sup>52</sup> полагали, что конфликт относится к VII в. до н.э. В XX в. большинство исследователей<sup>53</sup> склонны датировать начало войны концом VIII – началом VII в. до н.э., а окончание ее серединой VII в. до н.э. Только немногие специалисты<sup>54</sup> относят войну к VII в. до н.э. И лишь отдельные исследователи, как например Э. Вилль<sup>55</sup>, считают, что война могла проходить в VI в. до н.э.

Датировать Лелантскую войну – задача крайне сложная, о чем наглядно свидетельствует подобная разница во взглядах. Вопрос хронологии оказался практически полностью обойден в античной традиции, у нас нет ни одного прямого свидетельства источников. Таким образом, исследователям приходится привлекать для решения вопроса либо косвенные данные нарративных источников, либо археологический и исторический контексты событий.

Мы также пойдем по этому пути. Сообщение Фукидида (I. 15. 3) позволяет только заключить, что события, связанные с Лелантской войной, происходили в архаический период. Афинский историк располагает войну в своем произведении между Троянской и греко-персидскими войнами. Слово, которое использует Фукидид – «πάλαι» – показывает, что событие было для него достаточно давним. С другой стороны, эта формулировка в устах историка рубежа V–IV вв. до н.э. может относиться как к событиям VIII в. до н.э., так и к VI в. до н.э. Не дают нам ничего важного для решения вопроса и

---

<sup>49</sup> Busolt G. Griechische Geschichte... S. 455–457.

<sup>50</sup> Белох К.Ю. Указ. соч. С. 274.

<sup>51</sup> Curtius E. Op. cit. S. 205.

<sup>52</sup> Meyer Ed. Geschichte des Altertums. T. II. Stuttgart, 1893. S. 493.

<sup>53</sup> Schaefer H. Staatsform und Politik. Leipzig, 1932. S. 64; Hasebroeck J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte. Tübingen, 1931. S. 107; Gardener P. Op. cit. P. 90–91; Blakeway A. The Date of Archilochos // Greek Poetry and Life. Oxford, 1936. P. 47–49; Boardman J. Early Euboean Pottery... P. 27–29; Forrest W.G. Op.cit. P. 160–175; Jeffery L. H. Archaic Greece... P. 64–67; Murray O. Op. cit. P. 98–102; Parker V. Op. cit. P. 92.

<sup>54</sup> Burn A.R. The So-Called "Trade-Leagues" ... P. 36; Bradeen D. The Lelantine War... P. 223–241.

<sup>55</sup> Vill E. Korinthiska. Paris, 1955. P. 398–404.

сообщения Геродота (V. 99. 1), Страбона (X. 1. 12) и Плутарха (Amat. Narr. XVII. 760e–f; Conv. Sept. Sap. X. 153f).

Для датировки Лелантской войны используются обычно произведения эпических и лирических поэтов архаического периода, дополненные информацией об обстоятельствах их жизни, передаваемой другими античными авторами. Однако здесь необходим анализ того, насколько вообще произведения поэтов могут использоваться в качестве источника для решения проблемы. Ведь ни один из архаических поэтов не упоминает о Лелантской войне.

Первым автором, которого современные исследователи связывают с Лелантской войной, является Гесиод. Делается это на основании следующих сообщений. Во-первых, сам поэт в «Трудах и днях» говорит о том, что бывал в Халкиде на похоронах аристократа Амфидаманта (Hes. Erg. 650–657):

«Поскольку я еще никогда на корабле не плавал по широкому морю,  
если не на Эвбею из Авлиды, где когда-то ахейцы  
пережидали зиму с великим войском, собранным  
из Эллады священной против прекрасной женами Трои.  
Туда я на состязание [в память] доблестного Амфидаманта  
переплывал в Халкиду; заранее объявлены были многие  
призы, назначенные его отважными сынами. Говорю, что там я,  
гимном одержав победу, получил ушатый треножник»<sup>56</sup>.

Этот фрагмент сообщает нам только о том, что Гесиод был на Эвбее и участвовал в играх на похоронах одного из местных аристократов. Однако

---

<sup>56</sup> οὐ γάρ πώ ποτε νηὶ γ' ἐπέπλων εὐρέα πόντον,  
εἰ μὴ ἐς Εὐβοίαν ἐξ Αὐλίδος, ἧ ποτ' Ἀχαιοὶ  
μεΐναντες χειμῶνα πολὺν σὺν λαὸν ἄγειραν  
Ἑλλάδος ἐξ ἱερῆς Τροίην ἐς καλλιγύναϊκα.  
ἔνθα δ' ἐγὼν ἐπ' ἄεθλα δαΐφρονος Ἀμφιδάμαντος  
Χαλκίδα τ' εἰς ἐπέρησα: τὰ δὲ προπεφραδμένα πολλὰ  
ἄεθλ' ἔθεσαν παῖδες μεγαλήτορος: ἔνθα μέ φημι  
ὔμνην νικήσαντα φέρειν τρίποδ' ὠτῶεντα.

дополняет сообщение Гесиода Плутарх. В «Моралиях» философ упоминает, что Амфидамант погиб в «битвах за Лелант» (Plut. Conv. Sept. Sap. 10 = Mor. 153f). На похоронах этого аристократа Гесиод, согласно традиции, соревновался с самим Гомером. Это сообщение Плутарх даёт со ссылкой на Лесха (Conv. Sept. Sap. 10 = Mor. 153e–154a).

Лесх – наиболее вероятный автор «Малой Илиады», поэмы, созданной в VII в. до н.э.<sup>57</sup> Вероятно, время его жизни приходится на середину архаического периода. Само соревнование между двумя эпическими поэтами, о котором пишет Плутарх, является легендарной историей<sup>58</sup>. Возможно ли, что Плутарх сводит воедино три истории, дошедшие до него из разных источников: победу Гесиода на похоронах Амфидаманта, соревнование Гесиода с Гомером и Лелантскую войну?

Обратимся к анализу фрагмента. В нем персонажи трактата Плутарха – великие греческие философы – обсуждают загадки, заданные фараону Амасису неким эфиопским царем и переданные в письме греческому мудрецу Бианту. Затем Периандр отмечает, что у эллинов в древности был обычай задавать друг другу задачи и обращается к состязанию Гомера и Гесиода, указывая обстоятельства, при которых оно произошло: «Поскольку мы знаем, что и на похороны Амфидаманта в Халкиду сошлись славнейшие поэты из тогдашних мудрецов. А Амфидамант был мужем воинственным и, много забот причинив эретрийцам, погиб в битвах за Лелант»<sup>59</sup>. Как мы

---

<sup>57</sup> Allen T.W. The Epic Cycle (Continued) // CQ. 1908. Vol. 2. P. 83–84; Wiencke M.I. An Epic Theme in Greek Art // AJA. 1954. Vol. 58. P. 285–306; Яйленко В.П. Архаическая Греция... С. 32. Согласно Фаниаду Перипатетику, которого цитирует Клемент Александрийский (Clem. Alex. Strom. I. 144), Лесх был современником Архилоха и состязался с Арктином.

<sup>58</sup> О состязании Гомера и Гесиода писал не только Плутарх. В эпоху Антонинов был написан трактат на эту тему. В историографии предполагается, что этот трактат опирался на сочинение «Мусейон» Алкидаманта (IV в. до н.э.). Некоторые исследователи предполагают возможным отнесение самых ранних версий этого сюжета к архаическому времени. См. подробнее о трактате и его источниках: West M.L. The Contest of Homer and Hesiod // CQ. 1967. Vol. 17. P. 433–450.

<sup>59</sup> ἀκούομεν γὰρ ὅτι καὶ πρὸς τὰς Ἀμφιδάμαντος ταφὰς εἰς Χαλκίδα τῶν τότε σοφῶν οἱ δοκιμώτατοι ποιηταὶ συνῆλθον· ἣν δ' ὁ Ἀμφιδάμας ἀνὴρ πολεμικός, καὶ πολλὰ πράγματα παρασχὼν Ἑρετριεῦσιν ἐν ταῖς περὶ Ληλάντου μάχαις ἔπεσεν.

видим, указание на «битвы за Лелант» и «воинственность» Амфидаманта используются для того, чтобы пояснить, почему славнейшие поэты – Гомер и Гесиод – состязались на похоронах халкидского аристократа. Представляется вероятным, что без указания на эти конкретные обстоятельства и биографические подробности рассказ Плутарха не потерял бы в достоверности и яркости, ведь далее философ цитирует фрагменты из Лесха. Скорее можно предположить наличие реальных оснований для соотнесения обстоятельств жизни и смерти Амфидаманта с Лелантской войной. Это вписывается и в общий исторический контекст. Ведь нет ничего невозможного в том, что халкидский аристократ, на похороны которого приезжал Гесиод, воевал с эретрийцами. Поэтому мы склонны считать беотийского поэта современником Лелантской войны. Время жизни Гесиода определяется обычно в рамках конца VIII – первой половины VII вв. до н.э.<sup>60</sup> На основании этого можно предполагать, что на рубеже VIII – VII вв. до н.э. конфликт на Эвбее уже существовал.

Второй поэт, с помощью стихов которого пытаются датировать Лелантскую войну – это Архилох. Начнем анализ с цитирования произведения паросского поэта (Arch. fr. 3 West):

Право, не многие тогда луки натянутся и не густобьющие

---

<sup>60</sup> См. Allen T.W. and Rambaut A.A. The Date of Hesiod // JHS. 1915. V. 35. P. 85–99; Idem. Homer: The Origins and the Transmission. New York, 1924, P. 85–97; Breitenstein Th. Hésiode et Archiloque. Odence, 1971, P. 29–42; Яйленко В.П. Архаическая Греция... С. 32. Датировка Гесиода определяется на основании следующих соображений. Конечно, античные авторы, которые неоднократно обращались к произведениям беотийского поэта и пытались датировать время его жизни, практически не могут быть использованы. «Паросская хроника» (Mar. Par. 28) датирует деятельность Гесиода приблизительно 936 г. до н.э. Согласен с хроникой Плиний, который пишет, что со времен Гесиода прошла тысяча лет (Hist. Nat. XIV. 1. 2). Геродот (Herod. II. 53) относит жизнь Гомера и Гесиода приблизительно к 850 г. до н.э. По мнению современных исследователей, эти датировки значительно завышены и получены, скорее всего, с помощью искусственных подсчетов. Таким образом, даты жизни Гесиода определяются по хронологическим маркерам, найденным в самих поэмах, а также по некоторым косвенным данным. Например, Т. Брейтенштейн доказывал текстуальную связь между поэзией Гесиода и Архилоха, тем самым приближая время жизни первого ко второму. А Т. Аллен использовал анализ астрономических явлений, упомянутых в произведениях беотийского поэта.

пращи, всякий раз, когда бой Арес соберет  
на равнине: настанет гибельная работа мечей:  
Поскольку в этом бою они лучшие,  
господа Эвбеи, славные копьями<sup>61</sup>.

В самом тексте есть достаточно смутные намеки на связь произведения с Лелантской войной. Во-первых, это указание на сражающихся эвбейцев. Во-вторых, указание на периодически возникающие бои на равнине. Лелантская война кажется единственным подходящим под это описание событием. Действительно, если сражения происходят периодически, то они должны случаться на той равнине, куда эвбейским воинам просто добраться. Однако, как представляется необязательно считать равнину из стихотворения Архилоха какой-то конкретной равниной. Поэт мог прославлять мужество и мастерство эвбейских воинов, отмечая их превосходство в рукопашном бою. Естественно, чаще всего сражения фаланг должны были происходить на равнинах. И перед нами может быть обычная абстракция, предполагающая, что всякий раз, когда на какой-то равнине вспыхивает сражение с участием эвбейцев, они проявляют свое мастерство в ближнем бою. Тем не менее, вероятность связи стихотворения Архилоха с Лелантской войной существует. Теперь обратимся к контексту этого стихотворения в традиции и его оценкам в историографии.

Традиционно, этот отрывок, процитированный Плутархом в биографии Тесея (Plut. Thes. 5. 1–4), связывается с традицией о запрете оружия, передаваемой Страбоном. Однако эта логика представляется сомнительной, ведь прямого сообщения о запрете метательного оружия в стихах Архилоха нет – без информации Страбона такая интерпретация фрагмента вряд ли

---

<sup>61</sup> οὐ τοι πόλλ' ἐπὶ τόξα τανύσσεται οὐδὲ θαμειαί  
σφενδόνας, εὖτ' ἂν δὴ μῶλον Ἄρης συνάγῃ  
ἐν πεδίῳ· ξιφέων δὲ πολύστονον ἔσσεται ἔργον·  
ταύτης γὰρ κείνοι δαίμονές εἰσι μάχης  
δεσπότης Εὐβοίης δουρικλυτοί.

могла бы появиться в современной историографии. Важным аргументом против связи Архилоха с Лелантской войной может служить то, что сами античные авторы никак не сообщают об этом. Тот же Страбон, который явно знаком с творчеством Архилоха (X. 2. 17; X. 5. 7)<sup>62</sup>, не связывает эти стихи с событиями на Эвбее. Хотя в контексте его сообщения о запрете метательного оружия в Лелантской войне это сообщение было бы важным.

Плутарху стихи паросского поэта нужны для объяснения стрижки юного Тесея. Биограф отмечает, что афинский герой остриг волосы спереди по образцу абантов, ссылаясь при этом на Гомера (Thes. 5) и цитирует Архилоха. Такая стрижка была необходима герою для того, чтобы враг в рукопашном сражении не смог ухватить его за волосы. Стихи Архилоха, таким образом, призваны подтвердить, что именно абанты использовали эту стрижку, и объяснить ее их приверженностью рукопашному бою. Важно, что и херонейский философ связывает фрагмент Архилоха, где абанты не упоминаются ни разу, именно с этим легендарным народом, а не с Лелантской войной. А рассказывая о Лелантской войне, вообще не упоминает творчество паросского поэта.

Однако, несмотря на вышесказанное, тот факт, что поздние авторы не связывают прямо произведение Архилоха с Лелантской войной, не является все же достаточным основанием для полного отрицания подобной связи. В конце концов, и Страбон, и Плутарх могли не понимать контекста произведения Архилоха. В этом отношении у нас вызывает серьезные сомнения справедливость вышеприведенной интерпретации Плутарха, увидевшего в стихотворении абантов. Возникает закономерный вопрос: почему произведение поэта архаического времени, пишущего об Эвбее и не

---

<sup>62</sup> Архилох вообще был личностью очень значимой как минимум для классического периода. Аристотель в «Риторике» (1398b) отмечает, что поэта почитали паросцы. Подробнее об этом см.: Rankin H.D. Aristotle on Archilochus // *L'antiquité classique*. 1977. Vol. 46. № 1. P. 165–168. На Паросе существовал и культ поэта. Как предполагают исследователи, первые монументы Архилоху появились уже в последней четверти VI в. до н.э. См.: Corso A. The Portraiture of Archilochus // *Hyperboreus*. 2007. Vol. 13. №1–2. P. 12–14; Clay D. Archilochus Heros: The Cult of Poets in the Greek Polis. Cambridge, 2004. P. 40–54.

упоминающего в нем абантов, должно пониматься таким образом? Ведь для Архилоха вопрос о древнейшем населении острова вряд ли был актуальным. Тем не менее, мы не видим связи произведения Архилоха с Лелантской войной. В поддержку её наличия можно привести только то, что Архилох упоминает эвбейских воинов, периодически сражающихся на некоей равнине, а Лелантская война была событием, в контекст которого эта ситуация хорошо укладывается. К сожалению, подкрепить этот весьма слабый довод какими-то другими представляется невозможным.

Иную интерпретацию стихотворения Архилоха предлагает современная исследовательница Н. Бершадски<sup>63</sup>. Доказывая, что Лелантская война является мифологическим конструктом, она видит в упоминаемых поэтом «господах Эвбеи» абантов. Аргументируется это следующим образом. Во-первых, Н. Бершадски указывает на контекст произведения в античной традиции, где оно связывается с абантами. Во-вторых, она полагает, что в стихотворении Архилоха можно увидеть пересечение с «Илиадой», где абанты также называются копейщиками (Hom. Il. II. 543). Однако прямых текстуальных параллелей у Гомера и Архилоха здесь нет. Гомер называет абантов – «αἰχμηταί», а Архилох – «δοῦρικλυτοί». Наконец, в-третьих, Н. Бершадски находит аргумент в самом тексте Архилоха. Она обращает внимание, что поэт называет абантов «δαίμονες». Это свидетельствует, что они были местными героями, мифическими предками эвбейцев<sup>64</sup>. Основную часть стихотворения исследовательница интерпретирует следующим образом: будущие сражения на Лелантской долине связаны с ритуальными сражениями, отсылающими к древним схваткам абантов за долину. Основанием для такой мифологической трактовки Лелантской войны является еще одно сообщение Страбона (Strabo. X. III. 6), который пишет следующее: «Архемах Эвбейский сообщает, что куреты заселили Халкиду, постоянно сражаясь за Лелантскую долину. После

---

<sup>63</sup> Bershadsky N. Impossible Memories... P. 191–213.

<sup>64</sup> Ibidem. P. 198–200.

того как враги стали хватать их за волосы, которые впереди, и вырывать их, они сзади стали отращивать длинные волосы, а спереди стричь: поэтому и куретами из за стрижки назывались»<sup>65</sup>. Тема стрижки тесно связывает куретов, которых Страбон располагает на Эвбее (Strabo. X. III. 1) с абантами Плутарха.

Достаточно ли этой аргументации для того, чтобы согласиться с концепцией американской исследовательницы? Как кажется, ее концепция представляется несколько натянутой и допускающей иные толкования. Во-первых, связь стихотворения Архилоха с поздней традицией основана только на двух очень косвенных соображениях – определении эвбейцев как «δαίμονες» и копейщиков. Паросский поэт никак не упоминает абантов или куретов, равно как и особую стрижку. При этом, мы можем быть уверенными, что отсутствие таких указаний не является проблемой сохранности традиции. Было бы странным, если бы Страбон и Плутарх выпустили эти важные строчки, если бы таковые до них дошли. Но как кажется, эта трактовка особенностей эвбейских воинов у Архилоха не является чем-то уникальным, принадлежащим исключительно мифологическим персонажам. При этом сопоставление строк Гомера, Страбона и Плутарха, доносящих до нас определенную важную информацию об абантах и куретах, представляется достаточно убедительным. Другое дело, что, связь их с текстом Архилоха очень сомнительна. Мы в нем склонны видеть, скорее, указание на реальные события, современные поэту, а не мифологические сюжеты.

Что касается времени жизни Архилоха, то в историографии предлагались две основные точки зрения по этому вопросу. А. Блэйкуэй датировал паросского поэта 740/730–670/660 гг. до н.э. и призывал исследователей не игнорировать античную нарративную традицию,

---

<sup>65</sup> Ἀρχέμαχος δ' ὁ Εὐβοεύς φησι τοὺς Κουρήτας ἐν Χαλκίδι συνοικῆσαι, συνεχῶς δὲ περὶ τοῦ Αἰγύπτου πεδίου πολεμοῦντας, ἐπειδὴ οἱ πολέμιοι τῆς κόμης ἐδράττοντο τῆς ἔμπροσθεν καὶ κατέσπων αὐτούς, ὅπισθεν κομῶντας γενέσθαι, τὰ δ' ἔμπροσθεν κείρεσθαι· διὸ καὶ Κουρήτας ἀπὸ τῆς κουρᾶς κληθῆναι.

удревнявшую время жизни Архилоха в сравнении с современными оценками<sup>66</sup>. Однако немецкий филолог-классик Ф. Якоби достаточно убедительно аргументировал много более позднюю датировку, а именно, 680–640 гг. до н.э., относя при этом акмэ поэта к 664/663 гг. до н.э.<sup>67</sup> Именно этот – второй – вариант является устоявшимся в историографии<sup>68</sup>. Если наиболее вероятным временем жизни Архилоха является вторая – третья четверти VII в. до н.э., то вопрос о том, являлся ли поэт современником Лелантской войны, серьезно влияет на оценку продолжительности самого конфликта. Тем не менее, мы можем заключить, что есть некоторые основания для использования творчества Архилоха в качестве материала, датирующего Лелантскую войну. Однако аргументация в пользу этого не является безупречной<sup>69</sup>.

Еще один поэтический фрагмент, вызывающий неоднозначную оценку в контексте проблемы датировки Лелантской войны, принадлежит сборнику Феогнида Мегарского (*Theogn.* 891–894):

---

<sup>66</sup> Blakeway A. *The Date of Archilochos...* P. 47. Античная традиция, на которую ссылается А. Блэйкуэй, указывает разные датировки жизни поэта: середину VII в. до н.э. (Авл Гелий дает эту дату со ссылкой на Корнелия Непота – см. *Gell. NA.* XVII. 21. 8), середину VIII в. до н.э. (*Cic. Tusc. I.* 3), последнюю четверть VIII – начало VII вв. до н.э. (*Clem. Alex. Strom. I.* 131. 7).

<sup>67</sup> Jacoby F. *The Date of Archilochus* // *CQ.* 1941. Vol. 35. P. 97–109. Ф. Якоби уделил особое внимание рассмотрению использования цитат из стихов Архилоха, встречающихся в традиции, и анализу контекста событий, к которым их прилагали античные авторы. Основным аргументом стали сообщения Геродота (I. 12), который, рассказывая историю свержения лидийского царя Кандавла Гигесом, ссылается на стихотворение Архилоха, и Аристотеля, цитирующего в «Риторике» (1418b) строчку Архилоха, где упоминался Гигес. Так как правление Гигеса на основании данных из архивов Ашшурбанапала и Асархаддона датируется примерно 687–652 г. до н.э. (*Ibidem.* P. 99), то и время жизни Архилоха должно приходиться на середину VII в. до н.э.

<sup>68</sup> Эту датировку предлагали и до специального исследования Ф. Якоби авторы общих работ по истории Греции См., например: Белох К.Ю. Указ. соч. С. 230. В современных исследованиях она практически не подвергается сомнению. См. Corso A. *The Portraiture of Archilochus...* P. 11.

<sup>69</sup> В этом отношении любопытно, что тот же А. Блэйкуэй пытался использовать Лелантскую войну для датировки Архилоха, не выражая при этом никаких сомнений в том, что фрагмент о «владыках Эвбеи» относится именно к этому событию. Нам кажется, что сама попытка датировать время жизни поэта, основываясь на событии, имеющем крайне размытые датировки, заранее обречена на провал.

О горе мне слабому: Керинф погубили,  
вырублена добрая виноградная равнина Леланта:  
Добрые бегут, а полисом управляют дурные.  
Так погуби Зевс род Кипселидов<sup>70</sup>.

С одной стороны, этот отрывок можно достаточно легко датировать концом последней четверти VII – началом VI в. до н.э. по упоминанию в нем тиранов Коринфа Кипселидов<sup>71</sup>. Однако по поводу самого этого упоминания есть некоторые сомнения. Н. Бершадски предлагает альтернативную трактовку, предлагая видеть эти строчки Феогнида частью более крупного стихотворения (Theogn. 885–894), а также предлагая вместо «γένος Κυψελίδων» рукописное чтение «γένος κυψελίζων» или «γένος κυψελλίζων». Стихотворение трактуется американской исследовательницей как иносказательное, метафорическое произведение, которое пересекается с концепцией пяти поколений Гесиода. Мы не будем останавливаться на обоснованности трактовки всего фрагмента Феогнида, но остановимся только на предлагаемых изменениях в интересующее нас четверостишие.

Что же значат те изменения, которые предлагает Н. Бершадски. Ссылаясь на то, что для Феогнида не характерны прямые указания на географические и хронологические реалии, она предлагает трактовать «Κήρινθος» не только как город, но как город благословенный. Слово «κήρινθος» встречается у Аристотеля в «Истории животных» (IX. XL. 166 = 623b). Философ пишет о керинте, или цветке, который является пищей для пчел и по сладости может сравниться с инжиром. Что касается другого

---

<sup>70</sup> Οἱ μοι ἀναλκίης· ἀπὸ μὲν Κήρινθος ὄλωλεν,  
Ληλάντου δ' ἀγαθὸν κείρεται οἰνόπεδον·  
οἱ δ' ἀγαθοὶ φεύγουσι, πόλιν δὲ κακοὶ διέπουσιν.  
ὥς δὴ Κυψελίδων Ζεὺς ὀλέσειε γένος.

<sup>71</sup> Подробнее о тирании Кипселидов см. Andrewes A. The Greek tyrants. London, 1956. P. 43–53; Salmon J. B. Wealthy Corinth. A history of the city to 338 B. C. Oxford, 1984; Will Ed Korinthiaka...; Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. С. 26–36; Жестоканов С.М. Внутренняя политика Кипселидов при Периандре // Античный полис. СПб., 1995. С. 41–52; Он же. Коринфский полис (особенности социально-политического развития) // Мнемон. 2011. Вып. 11. С. 34–37.

исправления, то «κυψελίζων» также должно пониматься иносказательно. Н. Бершадски переводит его как «ушную полость» или «ушную серу». По ее мнению, глагол «κυψελίζω», от которого происходит причастие «κυψελίζων» должен был означать «глохнуть», «заполнить уши ушной серой». Таким образом, поэт призывает Зевса погубить род тех, кто оглушает других людей. Это понимание исследовательница согласует с призывом не слушать громкие крики глашатаев, о чем Феогнид пишет немногим выше (Theogn. 887)<sup>72</sup>.

Главной проблемой этой реконструкции является метрическое несоответствие. Причастие «κυψελίζων» не вписывается в размер стиха. Н. Бершадски предлагает решить это, произведя искомое причастие от предполагаемого синонима «κυψελίζω» – «κυψελιδόω». Таким причастием будет «κυψελιδόων»<sup>73</sup>. При этом, Н. Бершадски, избавившись в своей реконструкции от Кипселидов, предлагает связь стихотворения Феогнида с конкретным историческим событием, а именно со взятием Халкиды афинянами в 506 г. до н.э.

На эти идеи можно выдвинуть некоторые возражения. Во-первых, ссылка Н. Бершадски на то, что Феогнид избегает конкретных географических и хронологических обстоятельств, вряд ли может быть признана весомой, учитывая, что в том же четверостишии упоминается Лелантская долина. Во-вторых, причастие «κυψελιδόων» является результатом достаточно сложной реконструкции исследовательницы. При этом название рода «Κυψελιδῶν» – результат достаточно простого исправления, которое не является невозможным. Впрочем, имеется ли в виду метафорическое значение, или Феогнид отсылает к историческим Кипселидам – для нас это мало что меняет, кроме датировки стихотворения. А гипотеза Н. Бершадски о связи стихотворения со взятием Халкиды, не выглядит достаточно обоснованной. Из ее рассуждений непонятно, почему это событие настолько впечатлило поэта, что он отразил его в столь

---

<sup>72</sup> Bershadsky N. Impossible Memories... P. 206–209.

<sup>73</sup> Ibidem.

апокалиптическом стихотворении. Наконец, здесь получается замена одного события политической истории другим. И обоснование второго зиждется на слишком большом количестве допущений.

В силу того, что традиционная интерпретация стихотворения Феогида кажется нам более обоснованной, для нас неважны споры о единстве наследия Феогида Мегарского и времени создания сборника<sup>74</sup>. Указание на Кипселидов позволяет достаточно уверенно датировать интересующий нас фрагмент. При этом, большинство исследователей отказываются видеть в стихотворении мегарского поэта указание на Лелантскую войну. Это мнение опирается на традиционную датировку войны концом VIII – серединой VII в. до н.э. Сообщение же Феогида, относящееся к более позднему периоду, в эту концепцию не вписывается. Например, К. Таузенд доказывает, что Коринф не мог играть важную роль в Лелантской войне в VI в. до н.э., поскольку находился в дружеских отношениях с предполагаемым союзником Эретрии – Милетом. В самой Лелантской войне, по мнению исследователя, Коринф выступал на стороне Халкиды<sup>75</sup>. Следовательно, произведение Феогида, упоминающее Кипселидов, не может считаться источником для датирования войны Эретрии и Халкиды.

Таким образом, поэтическое произведение, в котором впервые появляется сообщение о Лелантской долине и свидетельство о войне на Эвбее, в которой, вероятно, участвует Коринф, отмечается исследователями в

---

<sup>74</sup> Вопросы, связанные с происхождением, датировкой, творчеством Феогида, разобраны в работе А.И. Доватура (Доватур А.И. Феогид и его время. Л., 1989. С. 36–41). Ленинградский филолог датировал время жизни поэта второй половиной VI в. до н.э. Однако мы склонны скорее присоединиться к мнению Л.А. Пальцевой, доказывающей, что Феогид жил в первой половине VI в. до н.э., а не во второй (Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции... С. 267–269). Сложность проблем, связанных с датировкой корпуса Феогида, показывает хотя бы то, что И.Е. Суриков, анализирувавший проблемы социальной терминологии в архаической лирике, намеренно не использует творчество мегарского поэта, дабы опираться только на достоверно датирующиеся архаическим временем произведения (Суриков И.Е. Понятия *agathos* и *kakos* в архаической Греции (по данным лирических поэтов) // *Antiquitas Aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 4: История понятий, категориальный аппарат исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого / Под. ред. А.В. Махлаюка и О.Л. Габелко. Нижний Новгород, 2014. С. 21–42).

<sup>75</sup> Tausend K. *Lelantische Krieg*... S. 504–505.

силу того, что оно не вписывается в политический контекст, реконструированный по косвенным данным<sup>76</sup>. Подробно вопрос о союзниках эвбейских полисов будет рассмотрен ниже. Однако подход исследователей, отрицающих связь сообщения Феогида с войной, не кажется нам плодотворным, и сообщение мегарского поэта не может отметаться в качестве датирующего материала по этим соображениям.

Еще один элемент нарративной традиции, на котором нам хотелось бы заострить внимание в контексте проблемы датировки войны – это уже процитированное сообщение Геродота (V. 99) о том, что Эретрия оказала помощь Милету в благодарность за поддержку со стороны Милета во время войны с Халкидой. Посольство ионийцев относится к началу V в. до н.э. Если принять традиционную датировку окончания Лелантской войны в середине VII в. до н.э., то не слишком ли долг срок давности у этого долга? Неужели Милет не нашел повода обратиться за помощью к Эретрии до этого? Последнее особенно странно, учитывая, что ионийский город уже в VI в. до н.э. подвергался нападениям со стороны лидийского царя Алиатта (Herod. I. 17–22)<sup>77</sup>. При этом, сам по себе фрагмент Геродота не может, конечно, служить убедительным аргументом в пользу более поздней датировки окончания конфликта. Но он подкрепляется вышеуказанным свидетельством Феогида Мегарского (I. 891–894), который называет Лелантскую долину ареной сражений в период поздней архаики. В сумме эти фрагменты дают

---

<sup>76</sup> Впрочем, гораздо оригинальнее, если не сказать парадоксальнее интерпретирует этот отрывок К. Уокер. Она относит фрагмент Феогида к VI в. до н.э., видя в нем не свидетельство о Лелантской войне, но аргумент в пользу проникновения коринфского влияния на Эвбею во второй половине VI в. до н.э. Для этого ей приходится передатировать правления коринфских тиранов, целиком поместив их в VI в. до н.э. См. Walker K. *Op. cit.* P. 284–285. Стоит отметить, что нам не удалось найти в историографии основательных работ, которые бы поддерживали хронологию Кипселидов по К. Уокер. Специально разрабатывавший тему В. Паркер относит тиранию Кипселидов к 630–560-м гг. до н.э. См. Parker V. *Zur griechischen und vorderasiatischen Chronologie des sechstens Jahrhunderts v. Chr. unter besonderer Berücksichtigung der Kypselidenchronologie* // *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1993. Bd. 42. H. 4. S. 385–417.

<sup>77</sup> Отметим, кстати, что в этом пассаже Геродота также есть упоминание об участии в войне союзников в качестве благодарности за ранее оказанные услуги. Но речь идет об участии в войне хиосцев на стороне Милета.

основания полагать, что конфликт между Эретрией и Халкидой продолжался на протяжении длительного времени. Разумеется, мы должны подчеркнуть, что длительность Лелантской войны не означает непрерывность конфликта. Сражения могли сменяться периодами мира (как это было, например, в войнах Афин и Мегар или Спарты и Аргоса) и привлекать иногда представителей других полисов.

Последнее, на что нам хотелось бы обратить внимание, – это археологический и исторический контексты, которые используются для датировки войны. Первый аргумент – колонизационная активность эвбейских полисов, которая затухает в конце VIII в. до н.э. и возобновляется в середине VII в. до н.э.<sup>78</sup> Первая дата, в целом, вполне обоснована и подкреплена, как сообщениями нарративной традиции, так и археологическими материалами: после 720 г. до н.э. эвбейцы не основывали колонии в Италии<sup>79</sup>. С обоснованностью второй даты – 650 г. до н.э. – ситуация сложнее: в Италии эвбейская колонизация никогда не возобновилась, а в отношении хронологических рамок эвбейской колонизации северной Эгеиды, как мы показали ранее, до сих пор ведутся споры<sup>80</sup>. Во-вторых, для нас представляется сомнительной взаимосвязь между затишьем в колонизации и войной. Вообще колонизация представляется настолько длительным и сложным феноменом, что трудно говорить о каких-то жестких закономерностях. В качестве аналогий хотелось бы привести несколько примеров. Милет выводит массу колоний, начиная с середины VII в. до н.э. и заканчивая VI в. до н.э.<sup>81</sup>; но ведь в VI в. до н.э. город подвергался частым нападениям со стороны Лидийского царства. Схожий пример мы видим в поведении граждан Фокеи, бежавших от натиска персидского царя (Herod. I.

---

<sup>78</sup> Bradeen D.W. The Lelantine War and Pheidon of Argos... P. 226–227; Жестоканов С.М. Лелантская война...

<sup>79</sup> Bradeen D.W. The Lelantine War and Pheidon of Argos... P. 226. Последней халкидской колонией в Италии был Регий, основание которого датируется примерно 710 г. до н.э.

<sup>80</sup> Tiverios M. Greek Colonisation of the Northern Aegean... P. 1–154.

<sup>81</sup> Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien... S. 11–97; Greaves A.M. Miletos... P. 74–130; Кобылина М.М. Милет... С. 165–183.

164–168). Наконец, никто из исследователей, защищающих концепцию общегреческой Лелантской войны, не видит противоречия в том, что один из пиков колонизационной активности Мегар приходится как раз на конец VIII – первую половину VII вв. до н.э.<sup>82</sup>, когда, казалось бы, граждане полиса должны были сражаться на полях Лелантской войны. Так можем ли мы быть уверены, что спад колонизационной активности был следствием войны? Может быть, дело обстояло прямо противоположным образом, а выведение колоний стало способом избавиться от враждебных групп в родном городе во время конфликта<sup>83</sup>? Или же выводы колоний были приурочены к перемириям, в ходе которых проигрывающая сторона испытывала трудности, вызванные перенаселением и нехваткой земли? В общем, вариантов можно предложить много; однако попытки ограничить войну 720–650 гг. до н.э. с помощью достаточно произвольной синхронизации ее со спадом колонизационной активности Эретрии и Халкиды, который мог быть вызван невоенными причинами, совершенно не кажутся нам убедительными.

Археологические материалы, происходящие из Эретрии, показывают следы конфликта на рубеже VIII–VII вв. до н.э. Вероятно, конфликт мог возникнуть еще раньше, и первым пострадавшим стало поселение Лефканди, жители которого были вынуждены перебраться в Эретрию. Однако именно рубежом веков, по всей видимости, можно датировать какое-то крупное событие времен Лелантской войны, приведшее к пожарам в Эретрии и заставившее граждан полиса заняться постройкой укреплений. К сожалению,

---

<sup>82</sup> Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции... С. 97.

<sup>83</sup> Очень интересный и подробный разбор причин колонизации с обоснованием близкой нам позиции см. Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // Очерки археологии и истории Боспора / Г.А. Кошеленко (отв. ред.). М., 1992. С. 6–28, особенно С. 21–23. Показательно, кстати, что, по мнению авторов, эмиграция и основание колоний были крайней мерой, на которую полис решался тогда, когда возможности решения проблемы другими средствами были уже исчерпаны. Следуя этой логике можно предположить, что Лелантская война должна была начаться не после, а до колонизации – ведь логичнее сначала попытаться отнять землю у соседа, а уже затем, если борьба зашла в тупик, отправить часть населения за пределы полиса. Впрочем, подкрепить это предположение какими-то значимыми аргументами невозможно.

раскопки Эретрии не дают нам других событий, которые можно было бы связать с Лелантской войной. Вероятно, больше напрямую военные действия город не затрагивали.

Таким образом, суммируя данные нарративной традиции, исторического и археологического контекстов, мы можем прийти к выводу, что конфликт на Эвбее начался в VIII в. до н.э. На рубеже VIII–VII вв. до н.э. случилось некое важное событие, прямо затронувшее Эретрию – вероятно, можно вести речь о крупном сражении. А закончилась война, по нашему мнению, не раньше первой четверти VI в. до н.э. Разумеется, два полиса не могли воевать друг с другом в полную силу и непрерывно на таком длительном промежутке времени. Скорее всего, боевые действия то возобновлялись, то затухали, как это было характерно для многих других военных конфликтов архаического периода.

### **3.4. Проблема союзников эвбейских полисов**

Участие в войне союзников эвбейских полисов считается фактором, выделяющим Лелантскую войну из ряда конфликтов архаического периода. Так как фразу Фукидида (I. 15) в историографии интерпретировали как свидетельство раскола греческого мира на две части, исследователи занимались поиском союзников эвбейских полисов в Лелантской войне. Перечень союзников сразу вышел далеко за пределы немногих прямых указаний источников.

Относительно степени и характера участия союзников в войне выделяются два основных подхода. Сторонники первого полагают, что союзные контингенты были представлены полисными ополчениями, получившими, вероятно, некую официальную санкцию на участие в войне<sup>84</sup>.

---

<sup>84</sup> Подобную точку зрения разделяет большинство авторов, занимающихся проблемой Лелантской войны. Зачастую, впрочем, они не слишком обращают внимание на само наличие подобной проблемы, считая, видимо, ее решение само собой разумеющимся. См. например: Bradeen D.W. *The Lelantine War...* P. 230; Burn A.R. *Greek Sea-Power...* P. 170–171; Burn A.R. *The So-Called "Trade-Leagues"...* P. 15, 35; Vedder R. G. *Op. cit.* P. 152–

Сторонники второго подхода считают, что в войне принимали участие отряды отдельных аристократов, связанных с эретрийцами и халкидянами ксеническими связями<sup>85</sup>.

Что касается союзников, то в историографии сформировался целый перечень полисов, которых полагают участниками Лелантской войны. В трудах исследователей фигурируют Милет в качестве союзника Эретрии, Самос и Фессалия как союзники Халкиды<sup>86</sup>. Эти полисы были прямо названы нарративной традицией в связи с войнами на Эвбее (Herod. V. 99. 1 – для Самоса и Милета; Plut. Amat. Narr. 17 = Mor. 760e–761b – для Фессалии). Других участников войны наши источники не называют, и исследователи выстраивают перечень предполагаемых союзников исходя из картины межполисных отношений архаического времени.

Союз Коринфа и Халкиды предполагается на основании того, что коринфяне вытеснили с Керкиры эретрийских колонистов (Thuc. I. 13. 4)<sup>87</sup>. Это событие обычно датируют концом VIII в. до н.э., поскольку традиция сообщает, что экспедиция на Керкиру была отправлена одновременно с теми коринфянами, которые основали Сиракузы (Strabo. VI. 2. 4). Привлекается также сообщение Фукидида о работе коринфянина Аминокла на союзном Халкиде Самосе (Thuc. I. 13. 3). Коринфский мастер построил там первые триеры. Об участии в войне Мегар исследователи говорят на основании нескольких соображений. Во-первых, Фукидид сообщает, что халкидские поселенцы изгнали мегарян из Леонтин в Сицилии (Thuc. VI. 4)<sup>88</sup>. Во-вторых,

---

153, 158–159; Murray O. Early Greece... P. 77; Jeffery L. H. Archaic Greece... P. 67; Forrest W.G. Op. cit. S. 162.

<sup>85</sup> Туманс Х. Рождение Афины... С. 122–125.

<sup>86</sup> Их считает участниками Лелантской войны даже такой скептически настроенный исследователь, как П. Гарднер (Gardner P. Op. cit. P. 90–91).

<sup>87</sup> Bradeen D.W. The Lelantine War... P. 230; Burn A.R. Greek Sea-Power... P. 170–171; Burn A.R. The So-Called "Trade-Leagues" ... P. 15, 35; Vedder R. G. Op. cit. P. 152–153, 158–159; Murray O. Early Greece... P. 77; Jeffery L. H. Archaic Greece... P. 67; Forrest W.G. Op. cit. P. 162.

<sup>88</sup> В историографии это событие датируется концом третьей четверти VIII в. до н.э. Обычно называют более конкретную дату – 728–727 гг. до н.э., основанную на хронологических подсчетах из Фукидида. См. Высокий М.Ф. Указ. соч. С. 39, 338.

Плутарх сообщает нам о войне мегарян и самосцев (Plut. Quae. Gr. 57 = Mor. 303e–304c). Причиной войны считается основание самосцами колонии в Пропонтиде в конце VII в. до н.э.<sup>89</sup> Впрочем, конфликт был разовым и завершился поражением мегарян.

Эгину считают союзницей Эретрии<sup>90</sup>. Эта точка зрения основана на сообщении Геродота о конфликте эгинетов с самосцами, который тянулся еще со времен легендарного самосского царя Амфикрата (Herod. III. 59). Часто в качестве участников войны называют Хиос на стороне Эретрии и Эрифры на стороне Халкиды<sup>91</sup>, поскольку Геродот (Herod. I. 18) сообщает, что хиосцы и милетяне воевали в союзе против Эрифр. Геродот не конкретизирует, когда именно этот конфликт случился. Однако, историк отмечает, что из-за этого конфликта хиосцы помогали Милету против Алиатта. Следовательно, война против Эрифр происходила в VIII–VII вв. до н.э.

Меньшее количество исследователей предполагает участие в Лелантской войне Спарты, Аргоса и Мессении<sup>92</sup>. Спарта считается союзницей Халкиды на основании сообщений традиции о помощи, которую самосцы оказали спартиатам во время войн с Мессенией (Herod. III. 47). Соответственно, традиционные враги Спарты – Аргос и Мессения – считаются союзниками Эретрии.

В число участников Лелантской войны исследователи также добавляют колонии Эретрии и Халкиды на северном побережье Эгеиды, предполагая их связь с экспедицией фессалийцев Клеомаха; Парос, вместе с Эрифрами

---

<sup>89</sup> Пальцева Л.А. Из истории... С. 261–262.

<sup>90</sup> Bradeen D.W. The Lelantine War... P. 236; Burn A.R. Greek Sea-Power... P. 170–171; Burn A.R. The So-Called "Trade-Leagues"... P. 15, 35.

<sup>91</sup> Bradeen D.W. The Lelantine War... P. 230; Vedder R. G. Op. cit. P. 160; Murray O. Early Greece... P. 77; Forrest W.G. Op. cit. P. 168. Burn A.R. Greek Sea-Power... P. 170–171; Burn A.R. The So-Called "Trade-Leagues"... P. 35.

<sup>92</sup> Bradeen D.W. The Lelantine War... P. 231, 234; Forrest W.G. Op. cit. S. 162; Jeffery L. H. Archaic Greece... P. 67; Burn A.R. Greek Sea-Power... P. 170–171; Burn A.R. The So-Called "Trade-Leagues"... P. 35.

основавший колонию Парий в Геллеспонте (Strabo. XIII. 1. 14)<sup>93</sup>; Наксос, участвовавший вместе с халкидянами в основании одноименного полиса на Сицилии (Steph. Byz. s.v. Χαλκίς); Афины, которые были традиционно враждебны Эгине (Herod. V. 83) и Мегарам (Plut. Sol. 8–9) и дружественны Самосу<sup>94</sup>; итальяские полисы – Сибарис и Кротон<sup>95</sup>. Впрочем, оценку последних, как участников Лелантской войны стоит, скорее, отнести в разряд историографических курьезов – в XX в. никто из исследователей не аргументировал всерьез участие в Лелантской войне итальяских полисов.

Мы не разделяем сам подход исследователей, реконструирующих состав союзников Эретрии и Халкиды, исходя из политической истории Эллады архаического периода. Этот подход базируется на нескольких основаниях. Первое – это интерпретация сообщения Фукидида как свидетельства о расколе греческого мира на две коалиции. Отметим, кстати, что даже те исследователи, которые переводят фразу афинского историка так же, как и мы<sup>96</sup>, поддерживают концепцию раскола греческих полисов на два лагеря. Второе – это убежденность в том, что уже в архаическое время могли существовать устойчивые коалиции полисов, способные выдержать длительную и тяжелую войну. Причем, исследователи полагают, что эти коалиции объединялись экономическими интересами и борьбой за регионы колонизации.

Однако, как уже было показано ранее, нам неизвестны ситуации в истории архаической Греции, когда коалиции полисов вели бы длительную

---

<sup>93</sup> При этом игнорируется сообщение Страбона, согласно которому третьей метрополией Пария был Милет.

<sup>94</sup> Bradeen D.W. *The Lelantine War...* P. 232, 241; Jeffery L. H. *Archaic Greece...* P. 67. Крайне любопытно и показательно, что исследователи расходятся в решении вопроса, на чьей стороне выступили Афины. Если Д. Брэдин полагает, что Афины поддерживали Халкиду, исходя из общей международной обстановки в архаическое время, то Л. Джеффри считает Афины сторонниками Эретрии. Последняя точка зрения основана на традиционных дружеских отношениях Афин и Эретрии, начало которых относят как минимум к VII в. до н.э. Подробнее об отношениях Афин и Эретрии с аргументацией см.: Shear T.L. *Koisyra...* P. 99–112; Суриков И.Е. *Остракон Мегакла...* С.16–25.

<sup>95</sup> Duncker M. *Griechische Geschichte...* S. 470–472; Holm A. *Op. cit.* S. 346.

<sup>96</sup> Burn A.R. *The So-Called "Trade-Leagues"...* P. 15.

войну между собой. Соответственно, мы не видим оснований для того, чтобы считать Лелантскую войну общегреческим конфликтом и, таким образом, склонны считать союзниками Эретрии и Халкиды только те полисы, о которых прямо сообщает нарративная традиция. Предположения об участии других союзников только на основании их более ранних или поздних отношений с теми полисами, участие которых в войне подтверждается нарративной традицией, кажутся нам необоснованными.

Таких фрагментов, которые прямо указывают на участие союзных полисов в Лелантской войне, нам известно всего два. Древнейший из них – это сообщение Геродота. Рассказывая о том, почему Эретрия оказала помощь Милету в ионийском восстании, галикарнасский историк назвал в качестве причины благодарность за оказанную ранее услугу во время войны Эретрии с Халкидой. Также в этом фрагменте Геродот называет союзником Халкиды Самос (Herod. V. 99. 1). У нас, кажется, нет повода сомневаться в достоверности этого сообщения. Именно на Самосе историк провел значительную часть своей жизни, начал работать над своим трудом<sup>97</sup>, в котором неоднократно останавливается на истории острова.

К сожалению, нет у нас указаний на статус контингентов милетян и самосцев, поддержавших эвбейские полисы. Помощь афинян и эретрийцев Милету во время Ионийского восстания должна была быть полисной акцией. Сомнительно, чтобы такое важное мероприятие, как война против персов, было частным делом отдельных аристократов. Во-первых, персы были уже достаточно значимой силой в Эгейском бассейне и Малой Азии, о которой эретрийцы не могли не знать. Следовательно, вряд ли демократический полис позволил бы ставить под угрозу собственную безопасность ради чьей-то частной инициативы. Во-вторых, в предшествующем рассказе о переговорах ионийских послов с афинянами послы выступают перед народным собранием, и решение о помощи восстанию было решением полиса (Herod. V. 97). А значит, можно предположить, что подобная

---

<sup>97</sup> О Геродоте на Самосе см.: Суриков И.Е. Геродот. М., 2009. С. 96–117.

процедура, которая, впрочем, не упоминается в источниках, была повторена и в Эретрии. Однако даже если наши рассуждения верны, и решение эретриян поддержать Милет было полисной акцией, это не обязательно означает, что предшествующая помощь ионийского полиса была таковой.

Другим автором, дающим информацию о союзниках эвбейских полисов, является Плутарх. Он рассказывает об участии в войне фессалийского царя Клеомаха (Plut. Amat. Narr. 17 = Mor. 760e–761b), сражавшегося со своей конницей на стороне Халкиды и погибшего в сражении. Плутарх также сообщает, что Клеомах был похоронен на площади Халкиды, а над его могилой поставлен памятник. Важно отметить, что Плутарх ссылается в этом сообщении на авторитет Аристотеля.

Сообщение Плутарха также используется в качестве доказательства того, что в войне участвовали аристократические отряды, а не полисное ополчение<sup>98</sup>. Привлекаются к доказательству этого также ранее цитировавшиеся сообщения Плутарха и Гесиода о погребальных играх аристократа Амфидаманта. Здесь, вероятно, мы можем согласиться с Х. Тумансом в том, что Амфидамант и Клеомах являются примерами участия в Лелантской войне аристократических отрядов. Действительно, акция Клеомаха выглядит как операция, предпринятая отдельным влиятельным аристократом, который помогает своим ксенам и, возможно, родственникам из другого полиса. Стоит отметить, что такие предприятия не были редкостью в архаический период. Например, Писистрату оказали поддержку всадники из Эретрии и наксосец Лигдамид (Arist. Ath. pol. 15. 2; Herod. I. 61). Сам афинский тиран впоследствии поддержал того же Лигдамида, стремившегося установить свою тираническую власть на Наксосе (Arist. Ath. pol. 15. 3; Herod. I. 64).

Наконец, последний союзник, помощь которого может быть реконструирована с некоторой степенью надежности – это Коринф Кипселидов, о котором нам сообщает Феогнид Мегарский (Theogn. 891–894).

---

<sup>98</sup> Туманс Х. Рождение Афины... С. 122–125.

Судя по тому, что результатом участия коринфян стало разорение Керинфа и виноградников Леланта, участие должно было быть достаточно масштабным. К сожалению, мы не можем ни точно датировать эту помощь, ни предположить, какой из двух эвбейских полисов ее получил. Что касается статуса этих войск, если они принимали участие в конфликте, то он двойственен. С одной стороны, тираны, видимо, были связаны с эвбейскими аристократами<sup>99</sup>. С другой стороны, именно воля тирана в архаическом Коринфе предопределяла государственную политику; следовательно, речь можно вести о полисном войске.

Подводя итоги сказанному в этом пункте, стоит подчеркнуть основные выводы. Во-первых, мы считаем, что не стоит говорить об участии в Лелантской войне только полисных ополчений или только аристократических отрядов. Источники показывают, что в Лелантской войне принимали участие отдельные аристократические отряды. О полисных ополчениях информации у нас практически нет, однако их участие представляется очень вероятным для самих эвбейских полисов и вполне возможным для некоторых их союзников, вероятнее всего, Милета и Самоса. Подчеркнем, что официальная помощь полиса не обязательно должна была быть значительной: так, небольшое количество кораблей, которое Эретрия и Афины отправили на помощь Ионийскому восстанию против колоссальной Персидской державы — это пример не слишком многочисленной, но официально санкционированной помощи союзникам со стороны полиса.

### **3.5. Проблема историчности запрета на метательное оружие**

Одним из наиболее загадочных сюжетов Лелантской войны является запрет на метательное оружие, информацию о котором передает нам Страбон

---

<sup>99</sup> Стоит указать здесь на то, что в Коринфе умер по пути в Спарту эретрийский тиран Диагор (Arist. Polit. V. 5. 10 = 1306a35; Heraclid. Lemb. Exc. polit. 40). Это не обязательно свидетельствует о родственных или ксенических связях Диагора с коринфскими аристократами. Но вряд ли тиран рискнул бы ехать через враждебный ему полис.

(Strabo. X. 1. 12). Мы уже отмечали выше, что сообщение о мирных взаимоотношениях Эретрии и Халкиды было необходимо Страбону для объяснения непонятной традиции о запрете на метательное оружие. Теперь же стоит остановиться на том, насколько историчен вообще этот факт. Сообщение греческого географа обычно рассматривается в связи со стихотворением Архилоха, которое было процитировано выше (Arch. fr. 3 West). Наконец, есть и третье сообщение, которое периодически привлекается в контексте данной проблемы. Оно принадлежит Полибию (Polib. XIII. 3. 4): «Поэтому и договаривались между собой ни тайных, ни дальнобойных снарядов не использовать друг против друга, а только одними лишь настоящими рукопашными и ближними боями решали исход дел»<sup>100</sup>. Последнее сообщение не относится прямо к Лелантской войне, однако большинство исследователей и комментаторов эту связь не подвергает сомнению<sup>101</sup>.

В историографии нет однозначного отношения к этой традиции. Мы склонны выделить три группы исследователей. Первые принимают историчность Лелантской войны и историчность запрета на метательное оружие<sup>102</sup>. Другие выступают за то, что если Лелантская война и была реальным событием, то запрет на метательное оружие таковым считать нельзя<sup>103</sup>. Наконец можно выделить критический подход исследователей, которые не верят в историчность собственно Лелантской войны, не говоря уже о запрете<sup>104</sup>.

---

<sup>100</sup> διὸ καὶ συνετίθεντο πρὸς σφᾶς μὴτ' ἀδῆλοις βέλεσι μὴθ' ἐκηβόλοις χρήσασθαι κατ' ἀλλήλων, μόνην δὲ τὴν ἐκ χειρὸς καὶ συστάδην γινομένην μάχην ἀληθινὴν ὑπελάμβανον εἶναι κρίσιν πραγμάτων.

<sup>101</sup> Помимо исследователей Лелантской войны, стоит указать на достаточно однозначную характеристику Ф. Уолбэнка. См.: Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. 2. Oxford, 1967. P. 416.

<sup>102</sup> Lorimer H.L. The Hoplite Phalanx with special references to the poems of Archolochus and Tyrteus // BSA. 1947. Vol. 42. P. 118; Boardman J. Early Euboean Pottery and Hystory... P. 24, 29; Jeffery L.H. Archaic Greece... P. 65–66; Anderson J.K. Military Theory and Practice in the Age of Xenophon. Berkeley, 1970. P. 1–2; Garlan Y. War in the Ancient World. New York, 1975; Snodgrass A. Early Greek Armor and Weapon. Edinburgh, 1964. P. 180.

<sup>103</sup> Wheeler E. Op. cit.

<sup>104</sup> Fehling D. Op. cit.; Hall J. Op. cit. P. 1–8; Charalambidou X. Op. cit.

С последней группы мы и начнем анализ. Гиперкритический подход к традиции о запрете оружия можно встретить в работе Д. Фелинга. Немецкий исследователь стремится показать фальшивость всей нарративной традиции о Лелантской войне и обращается к ней в хронологическом порядке. Первым становится фрагмент Архилоха, затем исследователь последовательно обращается к текстам Гомера, Геродота, Фукидида, Страбона, Плутарха<sup>105</sup>. Логика аргументации получается следующая: Геродот в V в. до н.э., используя только стихотворение Архилоха, стремится обосновать современные ему взаимоотношения полисов прошлыми событиями. Так как Эретрия помогает Милету во время ионийского восстания, Геродоту необходимо найти ранний случай, когда Милет помог Эретрии. И здесь, по мнению немецкого филолога, на помощь греческому историку приходит стихотворение Архилоха, в котором нашлось единственное известное сообщение о войне на Эвбее. Вторая часть сообщения Геродота – о том, что Самос помогал Халкиде – также находит свое объяснение: так как в битве при Ладе самосцы оставили ионийских союзников, галикарнасский историк добавляет информацию о том, что Самос был противником Милета и Эретрии, а, следовательно, союзником Халкиды. Д. Фелинг видит в этом искусство Геродота, который способен из минимальной информации построить связный рассказ<sup>106</sup>.

Далее, Фукидид, не знаящий о том, что рассказ Геродота является интерпретацией стихотворения Архилоха, рассматривает его как независимый источник. Соответственно, из сообщения Геродота о том, что Милет и Самос участвовали в войне на Эвбее, рождается свидетельство Фукидида о разделении других греческих полисов во время войны Эретрии и Халкиды. Перед позднейшими же историками оказывается относительно

---

<sup>105</sup> Fehling D. Op. cit. S. 199–202.

<sup>106</sup> Idem. S. 203.

солидная традиция из Геродота, Фукидида и Архилоха, и вымысел Геродота остается ими непонятым<sup>107</sup>.

Концепция Д. Фелинга оставляет впечатление вероятной, но излишне усложненной. Во-первых, сомнительным представляется общая методологическая установка на то, что все тексты о Лелантской войне должны быть связаны. Как представляется, Геродоту проще было получить информацию об участии Милета и Самоса в войне на Эвбее из локальных традиций Самоса и Афин, которые с Эретрией были тесно связаны. Во-вторых, откровенно сомнительным выглядит первое заимствование, о котором пишет Д. Фелинг. Геродот в оценке немецкого филолога предстает сознательным мифотворцем, который изобретает военный конфликт только для объяснения действий современных ему греческих полисов. А остальные античные авторы становятся легковверными жертвами выдумки галикарнасского историка. Однако Архилох не упоминает ни Эретрию, ни Халкиду, ни участия каких-то союзников, ограничиваясь прославлением эвбейцев. Конечно, мы можем предположить вслед за Д. Фелингом, что стихотворение Архилоха было большим по размеру. Однако обвинять существующие источники в намеренном искажении информации на основании неизвестной нам части текста архаического поэта представляется недопустимым.

Среди недавних исследований с доверием отнеслись к традиции о запрете метательного оружия крупные антиковеды В. Паркер<sup>108</sup> и Х. Туманс<sup>109</sup>. Первый их аргумент заключается в том, что стихотворение Архилоха и сообщение Страбона не представляют из себя какой-то единой традиции. Х. Туманс совершенно справедливо, на наш взгляд, указывает, что из произведения паросского поэта, при непредвзятом его рассмотрении, практически невозможно выявить информацию о существовании подобного

---

<sup>107</sup> Idem. S. 204.

<sup>108</sup> Parker V. Op. cit. S. 100–118.

<sup>109</sup> Туманс Х. Рождение Афины... С. 122–125.

запрета<sup>110</sup>. Следовательно, традиция о регламентации ведения боя в Лелантской войне является самостоятельной, она не имеет отношения к некой неправильной интерпретации Архилоха позднейшими греческими авторами. В этой логике, впрочем, есть противоречие: если из стихотворения Архилоха нельзя выявить информацию о запрете метательного оружия, тогда почему этот фрагмент вообще привлекается в соответствующем контексте? Ведь в произведении паросского поэта представлено прославление воинов, сходящихся в рукопашной схватке. Указание на малое значение пращей и луков может быть художественным приемом, способом подчеркнуть храбрость эвбейцев. Соответственно, признавая, что стихотворение Архилоха без сообщения Страбона не могло быть интерпретировано как свидетельство о запрете метательного оружия, необходимо сделать следующий шаг и признать, что у нас нет других серьезных аргументов для того, чтобы вообще связывать произведение поэта с какой-то регламентацией допустимого оружия.

Второй аргумент – это процитированное выше указание Полибия (Polib. XIII. 3. 4.) на то, что древние порой договаривались не применять невидимое и метательное оружие. Вопрос о том, имеет ли отношение этот фрагмент к проблеме Лелантской войны, решается неоднозначно, но позиции сторонников связи сообщений Страбона и Полибия кажутся сильнее<sup>111</sup>. Наличие двух уникальных для античности сообщений о запрете метательного оружия заставляет признавать высокую вероятность наличия общего источника.

Третий и решающий, по мнению Х. Туманса<sup>112</sup>, аргумент заключается в том, что Страбон не мог выдумать традицию о запрете метательного оружия,

---

<sup>110</sup> Туманс Х. Рождение Афины... С. 123–124. Помимо Х. Туманса связь стихотворения Архилоха с Лелантской войной поддерживают Л. Джеффри, О. Мюррей, В. Донлан (см. Jeffery L.H. *Archaic Greece*... P. 65; Murray O. *Early Greece*... 1992. P. 78; Donlan W. *Archilochus, Strabo and the Lelantine War* // *TAPhA*. 1970. Vol. 101. P. 131–136).

<sup>111</sup> В историографии предполагается использование Страбоном и Полибием одного источника – вероятно, произведения Эфора (см. Walbank F.W. *Op. cit.* P. 416).

<sup>112</sup> Туманс Х. Рождение Афины... С. 124.

поскольку она для него уже не имела смысла. Мы, безусловно, согласны с этим высказыванием, о чем уже писали выше. Страбон действительно пытается объяснить, откуда взялся запрет и использует в качестве объяснения фрагменты Гомера, историю войн архаического времени и военные привычки эвбейцев. Однако то, что Страбону непонятна дошедшая до него традиция, не доказывает, что это справедливо для его собственного источника.

Объясняя смысл и причины введения подобного запрета в Лелантской войне, Х. Туманс проводит параллели с гомеровскими поэмами, отмечая категорическое неприятие в аристократическом этосе метательного оружия<sup>113</sup>. Тем не менее, отметим, что в оригинале у Страбона для определения метательного оружия используется слово «τῆλεβόλοις». Этот термин обозначает не только лук и пращу, но и любой вид метательного оружия<sup>114</sup>. Если мы откроем «Илиаду», имея в виду именно это значение термина, то обнаружим, что гомеровские герои сплошь и рядом используют метательное оружие – камни и копья<sup>115</sup>. Отдельные поединки успевают закончиться до того, как воины сойдутся в рукопашной схватке. Наконец, археологические материалы показывают, что наконечники стрел нередко в погребальном инвентаре аристократов<sup>116</sup>, а в вазописи встречаются изображения тяжеловооруженных лучников, которых вряд ли можно трактовать иначе, как аристократов<sup>117</sup>. Таким образом, на наш взгляд,

---

<sup>113</sup> Там же. С. 124–125.

<sup>114</sup> Отметим, что термин «τῆλεβόλος» не встречается в греческом эпосе и впервые появляется только у Пиндара.

<sup>115</sup> Для примера укажем всего несколько случайно выбранных упоминаний из пятой песни «Илиады»: Диомед метает копье и убивает им троянца Фагеса (18–19), Пандар с колесницы метает копье в Диомеда и пробивает щит греческого героя (280–284); Диомед поражает Энея камнем (302–305).

<sup>116</sup> Конечно, сложно реконструировать социальный статус человека по археологическим источникам, но Т. Дэвис отмечает, что погребения с наконечниками стрел являлись богатейшими погребениями в Лефканди. См.: Davies T.A. *Archery in Archaic Greece*. unpubl. PHD diss. Columbia U., 2013. P. 35–36; 37–41. См. также: Popham M., Lemos I. *A Euboean Warrior Traders* // OJA. 1995. №14.2. P. 151–157.

<sup>117</sup> Многочисленные примеры лучников, в том числе тяжеловооруженных, в вазописи см.: Davies T.A. *Op.cit.* P. 30–34; 36–37.

объяснение, предлагаемое Х. Тумансом, не дает разрешения проблемы и не находит подтверждения в археологических материалах эпохи<sup>118</sup>.

Среди исследователей, признающих историчность Лелантской войны, но отвергающих традицию о запрете метательного оружия наиболее полную аргументацию можно встретить в работе Э. Уилера. Автор отмечает, что запрет на метательное оружие в Лелантской войне является уникальным событием в античной истории и находит ближайшую параллель только в средневековье<sup>119</sup>, при этом нарративная традиция не может однозначно подтвердить его историчность<sup>120</sup>. Э. Уилер придерживается гипотезы о том, что источником для сообщения Страбона являлся Эфор<sup>121</sup>. Аргументирует исследователь это тем, что греческий географ неоднократно пользовался трудом историка IV в. до н.э. Более того, Эфор мог служить источником и для Полибия, у которого мы также находим пассаж о запрете метательного оружия в древности<sup>122</sup>. В качестве аргумента против историчности традиции приводится археологический контекст. Э. Уилер подчеркивает наличие среди погребального инвентаря в Лефканди наконечников стрел и копий<sup>123</sup>. То же мы можем добавить и относительно Эретрии<sup>124</sup>. Наконец, исследователь обращает внимание на то, что основными культами эретрийцев были культы богов-лучников – Аполлона и Артемиды. А это, по мнению Э. Уилера, слабо согласуется с предположением о запрете на метательное оружие.

Как и многие другие авторы, Э. Уилер не признает историчности надписи с фиксацией запрета, на которую ссылается Страбон. Еще

---

<sup>118</sup> Здесь мы можем выразить свою солидарность с Т. Дэвисом, который приводит убедительную аргументацию в пользу того, что лук являлся в архаическое время второстепенным оружием, однако, при этом, широко использовался всеми слоями населения. Подробнее см. Davies T.A. *Op. cit.* P. 271–278. Использование же гомеровских поэм для реконструкции отношения греков к луку и стрельбе в архаическое время представляется нам спорным, ввиду их жанровой специфики и сложной хронологии.

<sup>119</sup> Wheeler E. *Op. cit.* P. 157.

<sup>120</sup> *Ibidem.* P. 164.

<sup>121</sup> *Ibidem.* P. 158.

<sup>122</sup> Сравнительный анализ лексики сообщений Страбона и Полибия см. Wheeler E. *Op. cit.* P. 162.

<sup>123</sup> Wheeler E. *Op. cit.* P. 170.

<sup>124</sup> Об археологической картине в Эретрии см. пункт 1.2 настоящей диссертации.

У. Форрест отмечал, что греческий географ вряд ли смог бы прочесть архаическую греческую надпись, даже в том случае, если бы увидел таковую, почему его сообщению доверять не стоит<sup>125</sup>. Кстати, еще один существенный аргумент против историчности надписи, да и всей традиции о запрете, заключается в том, что Страбон, вероятнее всего, просто никогда не был на Эвбее. Об этом свидетельствуют его многочисленные ошибки при описании острова и, в частности, Эретрии<sup>126</sup>. Подводя итог всем этим рассуждениям, Э. Уилер приходит к заключению, что информация Страбона о запрете метательного оружия не выглядит достоверной.

Для интерпретации сообщения Страбона исследователь обращается к творчеству его вероятного источника Эфора, отмечая, что историк был учеником Исократа – оратора-панэллиниста. Сообщение о запрете на метательное оружие имело назидательный характер для современников и показывало, что древние вели цивилизованную войну, в отличие от современных историка эллинов. Э. Уилер доказывает также, что Эфор не мог бывать на Эвбее и, следовательно, не имел достоверных данных о стеле, на которую ссылается Страбон. Следовательно, исследователь переходит к гипотезе, согласно которой ключ к решению загадки надо искать в Эфоре-панэллинисте, а не в Эфоре-перизегете.

Таким образом, ложные сведения появляются благодаря искажению традиции, которое лежит на совести Эфора. Однако откуда же историк эпохи поздней классики мог взять намеки на традицию о запрете метательного оружия? По мнению Э. Уилера, всё из того же Архилоха! Мы уже неоднократно указывали свое несогласие с этим тезисом. Кроме того, против предположения Э. Уилера работает еще один факт: ни Страбон, ни Полибий в соответствующих местах не ссылаются на Архилоха. Соответственно, можно логично заключить, что и их общий первоисточник также на поэта не ссылается. Если бы дело обстояло противоположным образом, то Страбон,

---

<sup>125</sup> Forrest W.G. Op. cit. P. 163.

<sup>126</sup> Geyer F. Op. cit. S. 56–67; Bakhuizen S.C. Studies... P. 82–84.

прекрасно знакомый с творчеством Архилоха, скорее всего, указал бы источник своей традиции. Но и мотивы, которыми мог руководствоваться при обращении к данному сюжету Эфор, выглядят довольно странно. Если историк собирался убедить читателей в историчности сконструированной им традиции о запрете метательного оружия, не логичнее ли ему было процитировать уважаемый первоисточник и предложить свою интерпретацию? Ведь это бы придало больший вес его рассуждениям. А так получается, что историк скрыл источник, оставив в своем труде только голословное утверждение о случаях запрета метательного оружия у древних со ссылкой на некую надпись. Таким образом, в целом, конструкция, созданная Э. Уилером, вновь сводит всю традицию о запрете метательного оружия к сообщению Архилоха и представляется нам неубедительной, хотя критическая часть работы содержит весьма ценные идеи для решения проблемы.

Итак, в историографии мы не находим убедительных, непротиворечивых гипотез, объясняющих появление традиции о запрете метательного оружия в Лелантской войне. По нашему мнению, наиболее вероятной является следующая реконструкция событий. Во-первых, мы считаем, что в исторической реальности архаического времени должно было быть какое-то основание для возникновения этой традиции. Этим основанием не могло быть стихотворение Архилоха, так что велика вероятность, что речь идет о реальном запрете. При этом, на архаической Эвбее встречаются многочисленные примеры метательного оружия, что может быть объяснено временным характером запрета. Недолгий срок его действия способствовал сохранению материальной культуры погребений. Во-вторых, можно предположить, что дойти до авторов позднеклассического и эллинистического времени информация о некоем запрете на использование метательного оружия могла через не дошедшую до нас традицию. Впрочем, слабым местом последнего предположения является то, что информация доходит до нас не через тех авторов, которые должны были быть хорошо

знакомы с местной локальной традицией (например, Аристотель, связь которого с Эвбеей мы уже отмечали, или Геродот, которого вполне могла увлечь занимательная история о запрете определенного вида оружия во время войны), но через Полибия и Страбона, которые особых связей с Эретрией и Эвбеей не имели.

Сложнее решить вопрос смысла запрета на метательное оружие. Выше мы уже высказали несогласие с гипотезой Х. Туманса, для которого запрет был следствием рыцарской этики архаических греков. Нет и параллелей подобных договоров в других полисах архаического времени. Нам представляется наиболее вероятной следующая гипотеза: запрет мог быть связан с каким-то отдельным событием, сражением эретрийцев и халкидян, в котором стороны договорились об условиях боя. Аргументировать вероятность этой гипотезы можно следующими соображениями. Во-первых, она не противоречит археологической картине, так как одно или несколько сражений не могли отразиться на археологической культуре. Во-вторых, эта гипотеза не требует от нас безосновательного отрицания достоверности всей имеющейся нарративной традиции и не вынуждает нас строить гипотезы о том, когда, кому и зачем понадобилось выдумать запрет метательного оружия и связать его с Лелантской войной. Наконец, в-третьих, эта гипотеза имеет определенные параллели в других войнах архаического периода. Нам известен поединок Фринона и Питтака во время борьбы за Сигей (Strabo. XIII. 1. 38 = 599–600; Diog. Laert. I. 74), в котором судьба военного конфликта решалась сражением лидеров встречающихся войск. Мы встречаем традицию о сражении трехсот лучших воинов спартиатов и аргосцев из-за области Фирея (Herod. I. 82). К сожалению, в обоих случаях мы не находим информацию о регламентации вооружения, которое могли использовать сражающиеся. Однако сам факт существования в архаическое время договоров о справедливых сражениях равных отрядов, делает нашу гипотезу более вероятной. Тем не менее, хочется подчеркнуть, что у нас нет достаточной аргументации для уверенного утверждения ее истинности.

## ГЛАВА 4. ИТОГИ ЛЕЛАНТСКОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ АРХАИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

### 4.1. Результаты Лелантской войны

Говоря о том, как оценивали результаты Лелантской войны исследователи, следует помнить, что, по мнению подавляющего большинства из них, конфликт закончился приблизительно в середине VII в. до н.э.<sup>1</sup> Основная масса специалистов считает победителем в войне Халкиду<sup>2</sup>. Аргументация для доказательства этого используется достаточно разнообразна. Во-первых, привлекаются данные нарративной традиции. Первое – это сообщение Плутарха (*Amat. Narr. XVII = Mor. 761a*), рассказывающего о судьбе фессалийского вождя Клеомаха, прибывшего со своей конницей на Лелантскую долину и погибшего в победном сражении с эретрийцами. Второе – это сообщение Геродота об афинской клерухии на халкидской территории (*Herod. V. 74–77*). Исследователи полагают, что, если афиняне могли в конце VI в. до н.э. получить у Халкиды территорию достаточную для расселения нескольких тысяч клерухов<sup>3</sup>, значит именно Халкида контролировала в это время Лелантскую долину. Во-вторых, привлекаются данные о направлениях колонизации, определившихся в середине VII в. до н.э. Милет и Мегары, которые были предполагаемыми союзниками Эретрии, осваивают северное направление – Пропонтиду и Причерноморье, а Коринф – вероятный союзник Халкиды – колонизирует западное Средиземноморье и осваивается на Ближнем Востоке<sup>4</sup>. Так как,

---

<sup>1</sup> Schaefer H. *Op. cit.* S. 64; Hasebroeck J. *Op. cit.* S. 107; Gardener P. *Op. cit.* P. 90–91; Blakeway A. *The Date of Archilochos...* P. 47–49; Boardman J. *Early Euboean Pottery...* P. 27–29; Forrest W.G. *Op. cit.* P. 160–175; Jeffery L. H. *Archaic Greece...* P. 64–67; Vedder R. G. *Op. cit.* P. 147–170; Murray O. *Op. cit.* P. 98–102; Parker V. *Op. cit.* P. 92

<sup>2</sup> Richardson R.B. *Excavation by the School at Eretria, 1891. I Eretria: Historical Sketch...* P. 238; Gardner P. A *Op. cit.* P. 90; Burn A.R. *The So-Called "Trade-Leagues"...* P. 36; Bradeen D.W. *The Lelantine War...* P. 225; 238; 241; Salmon J.B. *Wealthy Corinth...* P. 69; Andrews A. *Op. cit.* P. 40.

<sup>3</sup> О проблеме их численности см. ниже.

<sup>4</sup> Burn A.R. *Greek Sea-Power...* P. 170–171; *idem. The So-Called "Trade-Leagues"...* P. 36; Forrest W.G. *Op.cit.*; Murray O. *Op. cit.* P. 101–102.

регионы, занятые Коринфом, по мнению исследователей, были более благоприятными, значит халкидские союзники одержали победу в войне.

Итак, остановимся на разборе предложенной аргументации. Сообщение Плутарха мы, кажется, можем отбросить достаточно уверенно. Он пишет только об отдельном событии Лелантской войны, итог которого не стоит переносить на весь конфликт. Таким образом, указанное сообщение может свидетельствовать только о том, что одно из сражений в ходе войны выиграли халкидяне.

«Колониальный» аргумент нуждается в более пристальном внимании. Сама методика авторов, связывающих динамику греческой колонизации с международными отношениями, кажется нам некоторой модернизацией античной истории. Модернизация эта объяснима – неоднократно отмечалось, что сам термин «колонизация» не является удачным и отсылает нас к событиям нового времени, когда захват и передел колоний являлись важнейшей частью международных отношений и внешней политики ведущих европейских держав. Однако можно ли переносить это представление на античную эпоху, когда под «колонизацией» следует понимать, скорее, эмиграцию – переселение части жителей на новое место? Колонисты не были обязаны, насколько можно судить, сражаться за свою метрополию, да и отношения с материнским полисом складывались далеко не всегда мирно<sup>5</sup>. Следовательно, колонизацию нельзя просто воспринимать как расширение сферы влияния полиса. А, следовательно, динамика и направления колонизации не могут служить надежным индикатором межполисных отношений. Основание колонии могло быть вызвано целым рядом причин – от внутренней политической борьбы до внешней угрозы, а потому делать какие-либо обобщения и выводы на основании

---

<sup>5</sup> Можно вспомнить, хотя бы отношения Коринфа и Керкиры. Конфликты этих полисов начались еще в архаическое время и стали впоследствии одной из предпосылок Пелопоннесской войны. Хотя случаев добрососедских отношений и взаимной помощи колонистов и метрополии более чем достаточно, их не стоит считать очевидными. См.: Graham A. *Op. cit.*

колониционной активности полиса, по нашему мнению, неверно. На протяжении VII–VI вв. до н.э. фокейцы активно осваивают территории Западного Средиземноморья, заплывая, порой, куда дальше коринфян (Herod. I. 163; Thuc. VI. 2)<sup>6</sup>. И коринфяне не препятствуют этому движению. Так что мешало милетянам, по примеру фокейцев, также обратиться к колонизации Испании или Северной Африки? Думается, в выборе причерноморского направления могли лежать иные соображения, помимо конкуренции со стороны других полисов. Нельзя ведь исключать и фактора географического удобства. Причерноморье лежало гораздо ближе к Милету, нежели Центральное Средиземноморье. Точно также Коринфу было удобно осваивать территории Италии и Сицилии – этот полис, благодаря своему географическому положению, имел удобный доступ в эти регионы.

При этом хотелось бы подчеркнуть, что даже если мы признаем значение фактора конкуренции при распределении регионов колонизации, это обстоятельство может не иметь никакой связи с Лелантской войной. Думается, Коринф и Милет вполне могли столкнуться между собой и не в рамках конфликта на Эвбее.

Наконец, стоит подробно остановиться на сообщении Геродота, а также другой нарративной традиции, повествующей о событиях конца VI в. до н.э. В пятой книге своего труда галикарнасский историк рассказывает о том, как в конце архаического периода беотийцы и халкидяне вторглись в Аттику одновременно со спартанскими войсками Клеомена в 506 г. до н.э.<sup>7</sup> Далее галикарнасский историк сообщает, что после отражения спартанской агрессии афиняне напали на союзников спартиатов (Herod. V. 77): «Тем же самым днем афиняне, переправившись на Эвбею, столкнулись и с халкидянами, а одержав победу и четыре тысячи клерухов оставили на земле

---

<sup>6</sup> О фокейской колонизации см. Циркин Ю.Б. Аристотель и основание Массалии // АМА. Вып. 8. Саратов, 1990. С. 11–21; Циркин Ю.Б. На краю греческой Ойкумены...

<sup>7</sup> Подробнее об истоках конфликта и его разрешении см.: Суриков И.Е. Античная Греция... С. 249–257.

гиппоботов. А гиппоботами назывались толстосумы халкидян»<sup>8</sup>. Подтверждают эту информацию Диодор Сицилийский (Diod. X. 24. 3) и Павсаний (Paus. I. 28. 2), упоминающий медную колесницу, сделанную из десятой доли добычи после победы над беотянами и халкидянами. Кроме того, имеются и эпиграфические находки, подтверждающие историчность сообщения Геродота<sup>9</sup>.

Клерухия на Эвбее просуществовала недолго. Уже в 490 г. до н.э. во время похода Датиса и Артаферна колонисты были отправлены для помощи эретрийцам. Однако четырехтысячный отряд афинян не дождался появления врагов. Как свидетельствует Геродот, жители Эретрии были охвачены паникой и планировали, либо, покинув полис, уйти в горы, либо сдаться персам. В результате, некий Эсхин посоветовал афинянам вернуться домой. Афиняне послушались совета эретрийца и переправились в Беотию (Herod. VI. 100–101). Эти клерухи, вероятно, впоследствии приняли участие в Марафонской битве.

Таковы наши прямые сведения о первой афинской клерухии на Эвбее. Впрочем, есть еще одно сообщение, которое периодически привлекается авторами для решения рассматриваемой проблемы. Речь идет о фрагменте из «Пестрых рассказов» Элиана (Var. Hist. VI. 1), который сообщает следующее: «Афиняне, победившие халкидян, разделили их землю на две тысячи клеров (область, называемую гиппоботом), отпустили и священный участок Афине в месте, называемом Лелантом. А остальную [землю] сдали в аренду согласно закону, который на стеле возле портика басилевса установлен»<sup>10</sup>. Однако Элиан никак не уточняет время, в которое эта колония была основана.

---

<sup>8</sup> Τῆς δὲ αὐτῆς ταύτης ἡμέρης οἱ Ἀθηναῖοι διαβάντες ἐς τὴν Εὐβοίαν συμβάλλουσι καὶ τοῖσι Χαλκιδεῦσι, νικήσαντες δὲ καὶ τούτους τετρακισχίλιους κληρούχους ἐπὶ τῶν ἵπποβοτέων τῇ χώρῃ λείπουσι· οἱ δὲ ἵπποβοται ἐκαλέοντο οἱ παχέες τῶν Χαλκιδέων.

<sup>9</sup> Касаткина Н.А. Афинские военно-земледельческие поселения VI-V вв. до н.э. дисс... к.и.н. Л., 1983. С. 70–71.

<sup>10</sup> Αθηναῖοι κρατήσαντες Χαλκιδέων κατεκληρούχησαν αὐτῶν τὴν γῆν ἐς διςχίλιους κλήρους, τὴν Ἰππόβοτον καλουμένην χώραν, τεμένη δὲ ἀνῆκαν τῇ Ἀθηνᾷ ἐν τῷ Ληλάντῳ ὀνομαζομένῳ τόπῳ, τὴν δὲ λοιπὴν ἐμίσθωσαν κατὰ τὰς στήλας τὰς πρὸς τῇ βασιλείῳ στοᾷ ἐστηκυίας.

Мнения в историографии разделились. Одни исследователи считают, что речь в сообщении Элиана идет именно о первой афинской клерухии, аргументируя это тем, что римский автор упоминает гиппоботов<sup>11</sup>. Другие, обращая внимание на разницу в численности колонистов, считают, что сообщение Элиана следует относить к позднейшей афинской клерухии, основанной в 446 г. до н.э.<sup>12</sup> Последняя точка зрения аргументируется не только разницей в количестве колонистов в сообщениях Геродота и Элиана, но и особенностями эксплуатации земли. Отмечается, что сдача клеров в аренду не была обычной практикой для клерухий архаического периода<sup>13</sup>. При этом гиппоботы не могут служить здесь маркером, отличающим колонию позднеархаического времени. Плутарх сообщает, что в 446 г. до н.э. Перикл изгнал с халкидской земли именно гиппоботов (Plut. Per. 23). В связи с этим, более аргументированным представляется соотнесение сообщения Элиана с событиями 446 г. до н.э.

Таким образом, аргументация исследователей, выступающих за победу Халкиды в Лелантской войне, представляется достаточно уязвимой, но всё же имеющей основания в источниковой базе. Сообщение Плутарха относится к конкретной битве, преобладание Коринфа в колонизации Западного Средиземноморья можно связать с Лелантской войной только с очень большой натяжкой. Однако остается сообщения Геродота, которое, при некоторых оговорках, представляется наиболее существенным аргументом.

Куда меньшая группа исследователей полагает, что в Лелантской войне одержала победу Эретрия<sup>14</sup>. К их аргументации мы сейчас и обратимся.

---

<sup>11</sup> Соколов Ф.Ф. Клирухии афинские // Соколов Ф.Ф. Труды. СПб., 1910. С. 417.

<sup>12</sup> Паршиков А.Е. О статусе афинских колоний в V в. до н.э. // ВДИ. 1969. №2. С. 5; Касаткина Н.А. Указ. соч. С. 73–75.

<sup>13</sup> Александрова О.И. Афинская колонизационная практика VI–IV вв. до н.э. Дисс. ... к.и.н. СПб., 2017. С. 98–99.

<sup>14</sup> Boardman J. Early Euboean pottery and history... P. 27–29; Jeffery L.H. Archaic Greece... P. 66–67; Mazarakis Ainian A. Geometric Eretria... В более поздней своей работе Дж. Бордмен, хотя и продолжает отстаивать точку зрения о победе Эретрии в войне, отмечает, что попытки увязать археологические материалы с Лелантской войной остаются спекулятивными: См. Boardman J. The excavated history of Al Mina // Ancient Greeks West and East / Ed. by G. Tsetskhladze. Leiden–Boston–Köln, 1999. P. 157.

Первым за возможность победы Эретрии в Лелантской войне высказался Дж. Бордмен<sup>15</sup>. В конце своей статьи о ранней расписной керамике с Эвбеи английский археолог коротко остановился на вопросе исхода Лелантской войны. Он справедливо обратил внимание на то, что сообщение Плутарха о победе халкидян – это только указание на победу в отдельном сражении, оно не тождественно выигранной войне<sup>16</sup>. Затем, оговорив значительное количественное преобладание находок из Эретрии над случайными находками Халкидой в архаическую эпоху, Дж. Бордмен сделал и некоторые исторические выводы. Он отмечает, что к концу VIII в. до н.э. в Эретрии появился новый локальный стиль вазовой живописи, вскоре заимствованный кикладцами. Для Халкиды же этот период не отмечен подобного рода успехами. Примерно до 700 г. до н.э. халкидяне, судя по отдельным находкам архаической керамики, не сформировали своего локального стиля. От VII в. до н.э. у нас практически нет материалов из Халкиды. И только в середине VI в. до н.э. появляется чернофигурная халкидская керамика. По оценке Д. Бордмена она выглядит провинциальным вариантом аттической и беотийской. В то же время эретрийская керамика продолжает сохранять самобытный уникальный стиль. Из этой археологической картины исследователь делает вывод, что в VII в. до н.э. Халкида находилась в упадке, а Эретрия на протяжении архаического периода переживала экономический расцвет, не прерывавшийся какими-то разрушительными событиями<sup>17</sup>. С позицией Дж. Бордмена выразила согласие и Л. Джеффри, для которой его анализ керамики также является единственным аргументом в пользу гипотезы о победе Эретрии в войне<sup>18</sup>.

Аргументация Дж. Бордмена наталкивается на некоторые возражения: первое – это слабая археологическая изученность Халкиды, второе – сомнительность прямой корреляции между политическим процветанием

---

<sup>15</sup> Boardman J. Early Euboean pottery and history... P. 27–29.

<sup>16</sup> Ibidem. P. 27–28.

<sup>17</sup> Ibidem.

<sup>18</sup> Jeffery L.H. Archaic Greece... P. 66–67.

полиса и развитием в нем школы вазовой живописи. Исследователь делает выводы на основании небольшой выборки халкидской расписной керамики. А наличие местного керамического производства, само по себе, вряд ли может быть надежным индикатором военных успехов полиса. В качестве примера можно указать архаические Афины, которые, обладая прекрасным керамическим производством и своим уникальным стилем вазописи<sup>19</sup>, далеко не всегда одерживали победы в войнах, переживали значительные внутренние катаклизмы<sup>20</sup>. Специфическим, но все же любопытным примером, может быть и Спарта, в которой упадок искусства был связан не с поражениями, а, напротив, с победами в войнах против Мессении<sup>21</sup>.

Наконец, Дж. Бордмен и Л. Джеффри ищут последствия крупного общегреческого конфликта, следы которого будут видны археологически. Но не слишком интенсивная длительная война вполне могла соседствовать с развитием керамического производства. Кроме того, важно указать, что проследить военный конфликт в археологических источниках и искусстве достаточно проблематично. Даже крупные военные столкновения, отстоящие от современности не более чем на тысячелетие, с трудом поддаются локализации с помощью археологии<sup>22</sup>. Не совсем понятно, какая именно

---

<sup>19</sup> Виппер Б.Р. Искусство древней Греции. М., 1972. С. 124, 130.

<sup>20</sup> В качестве примеров военных неудач мы можем вспомнить поражения в войнах с Эгиной, Мегарами, вторжение спартиатов в конце VI в. до н.э. Среди внутренних проблем, которые должны были повлиять на судьбу полиса можно назвать и Килонову смуту

<sup>21</sup> О спартанском искусстве и его упадке см. Андреев Ю.В. Архаическая Спарта... С. 253–274. О предполагаемом влиянии на культурные процессы спартанской внешней политики см. Печатнова Л.Г. Указ. соч. С. 116–120.

<sup>22</sup> В качестве положительных примеров можно указать, например, раскопки в Ярославле в начале XXI в., продемонстрировавшие разрушительные последствия монгольского нашествия или длительные поиски точного места Куликовской битвы. См. Энговатова А.В., Осипов Д.О., Фараджева Н.Н., Бужилова А.П., Гончарова Н.Н. Массовые средневековые захоронения в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // Российская археология. 2009. №2. С. 68–78; Двуреченский О.В. Масштабы Донского побоища по данным палеогеографии и военной археологии // Воинские традиции в археологическом контексте. От позднего латена до позднего средневековья. Тула, 2014. С. 124–129. Однако это уникальные случаи. Монгольское нашествие было действительной колоссальной катастрофой, сильно сказавшейся на материальной культуре Руси, а Куликовская битва может быть достаточно четко локализована по письменным источникам.

археологическая картина сможет пролить свет на начало и конец войны во времена греческой архаики.

Иную аргументацию предлагает А. Мазаракис Айниан<sup>23</sup>. Греческий исследователь соглашается с точкой зрения, согласно которой победу в Лелантской войне одержала Эретрия. Центром аргументации А. Мазаракиса Айниана становится исчезновение Ксерополиса/Лефканди. Считая Лефканди халкидским форпостом, греческий археолог заключает, что его уничтожение – это прямое свидетельство в пользу победы Эретрии. Однако, как мы уже показывали ранее, у нас нет никаких оснований связывать Лефканди с Халкидой.

Есть еще одно сообщение, которое иногда относят к перечню свидетельств о Лелантской войне и в котором речь идет о победе эретрийцев над халкидянами. Принадлежит оно Энею Тактику (Aen. Tact. 4. 1–4): «Однажды произошло следующее. Халкида, которая на Эврипе, была захвачена изгнанником, двинувшимся из Эретрии, благодаря одному из людей в городе, придумавшему следующее»<sup>24</sup>. Далее следует рассказ об одном из халкидян, который пережег засов городских ворот и впустил в город вражеских воинов. В случившейся ночью суматохе многие халкидяне погибли, а город был захвачен врагами.

Несмотря на наличие этого рассказа о взятии Халкиды, использование его затрудняется тем, что нам неизвестно, о событиях какого именно времени идет речь. Предложить решение проблемы пытались, как издатели творчества Энея Тактика, так и исследователи истории Эвбеи. Определилось несколько основных гипотез. Английский издатель У.Э. Олдфазер относит сообщение Энея Тактика ко временам Лелантской войны<sup>25</sup>. Другой вариант – IV в. до н.э., на который приходится время жизни Энея. Однако в этом случае

---

<sup>23</sup> Mazarakis Ainian A. Geometric Eretria...

<sup>24</sup> ἤδη γὰρ τοιόνδε συνέβη. Χαλκὶς ἡ ἐν Εὐρίπῳ κατελήφθη ὑπὸ φυγάδος ὁρμωμένου ἐξ Ἐρετρίας, τῶν ἐν τῇ πόλει τινὸς τεχνασαμένου τοιόνδε.

<sup>25</sup> Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander / Ed. by W.A. Oldfather. London, 1977. P. 38.

мы встаём перед одной трудностью – история Греции IV в. до н.э. достаточно неплохо освещена в источниках, и событий, соответствующих описанию Энея, в ней не находится. Д. Кнёпфлер достаточно подробно раскрывает события кампании афинян 349–348 гг. до н.э. на Эвбее<sup>26</sup>, и захват эретрийцами Халкиды в нее не укладывается. Отнести необходимо и кампании 350-х гг. до н.э.<sup>27</sup> К. Уокер включает штурм Халкиды в свою достаточно спорную реконструкцию межполисных отношений конца VI в. до н.э., связывая сообщение Энея с захватом Халкиды афинянами<sup>28</sup>. Однако Геродот ясно сообщает, что Халкида была захвачена в 506 г. до н.э. афинянами и не указывает на какую-то роль Эретрии в этой операции (Herod. V. 77). Да и в тексте Энея нет каких-то указаний на роль афинян в событиях.

Таким образом, надежных оснований для отнесения фрагмента Энея Тактика к какой-либо из вышеприведенных дат нет. В самом тексте также нет указаний на хронологию событий. Слабым аргументом в пользу ранней датировки служит то, что после описания взятия Халкиды Эней пишет об одном из эпизодов афинско-мегарского конфликта, в котором успешно действовал Писистрат. Однако в целом в произведении не выдерживается хронологическая последовательность. Таким образом, единственным слабым аргументом в пользу отнесения истории Энея к нашим событиям является то, что Лелантская война – это, наверное, единственное известное нам событие в истории Эвбеи, в контекст которого может вписываться взятие Халкиды.

Ценность этого указания для выяснения итогов Лелантской войны, впрочем, сомнительна. В конце концов, к концу VI в. до н.э. Халкида, раз ее захватили афиняне, является независимым полисом, который способен

---

<sup>26</sup> Knoepfler D. Argoura: un toponym dans la «Midiennne» de Démosthène // Bulletin de correspondance hellénique. 1981. Vol. 105. P. 289–329.

<sup>27</sup> Tod M.N. A Selection of Greek Historical Inscriptions (Vol II): from 403 to 323 BC. Oxford, 1968. P. 160. Интересно, что во вступительной статье к переводу Элиана В.Ф. Беляев сначала пишет, что интересный нам фрагмент относится к 358–357 гг. до н.э., а затем заключает, что из-за отсутствия других данных источников датировать эти события точно нельзя. См.: Беляев В.Ф. Эней Тактик – первый военный теоретик античности // ВДИ. 1965. №1. С. 251–252.

<sup>28</sup> Walker K. Op. cit. P. 211.

нападать на соседей. Следовательно, если взятие города и имело место, вряд ли оккупация была продолжительной.

Таким образом, ни одна из гипотез о победителе Лелантской войны не может считаться полностью доказанной в настоящий момент. К каждому аргументу, который приводят исследователи в пользу той или иной точки зрения, можно подобрать существенные возражения. В этом контексте нам кажется плодотворным взглянуть на проблему с другого ракурса, и обратиться к рассуждениям Л.А. Пальцевой, которая, ставит вопрос по-другому: а что вообще можно считать концом Лелантской войны<sup>29</sup>. Концом войны может считаться заключение мирного договора, о чем в нашем случае не сохранилось никаких данных; и конец непосредственных боевых действий, который вряд ли может быть зафиксирован на основании имеющихся источников. Л.А. Пальцева, принимая традиционную точку зрения о характере Лелантской войны, предлагает считать ее концом время распада союзов, существовавших вокруг Эретрии и Халкиды. Подвергая сомнению историчность самих этих союзов, принять такой вариант мы не можем, однако изначальная постановка вопроса, предложенная петербургской исследовательницей, представляется плодотворной. Если продолжать предложенную ею мысль, то можно задаться вопросом: может ли вообще в затяжном локальном конфликте быть однозначный победитель? И, если да, то как его определить?

Есть для этого достаточно очевидные аналогии. Первая – это Мессенские войны, которые завершились полным завоеванием одного из соперничающих полисов другим<sup>30</sup>. Похожая ситуация с противостоянием Афин и Мегар за Саламин, которая завершается присоединением острова к Афинам (Plut. Sol. 8–10). Другой пример – это борьба Спарты и Аргоса за приграничные территории. Вражда между полисами берет свое начало еще в архаическое время (Thuc. V. 41. 2), вероятно, в VIII–VII вв. до н.э. В этом

---

<sup>29</sup> Пальцева Л.А. Указ. соч. С. 95–96.

<sup>30</sup> Печатнова Л.Г. Указ. соч. 81–120.

конфликте неоднократно случались периоды обострения и затухания боевых действий. Например, после битвы при Гисиях (Paus. II. 24. 8), датируемой рубежом 70–60-х гг. VII в. до н.э., Аргос становится одним из могущественнейших полисов на Пелопоннесе. Однако в конце архаического периода следует битва при Сепее, в которой аргосцы терпят сокрушительное поражение<sup>31</sup>.

Приведенные выше примеры показывают, что пограничная вражда соседних полисов была обычным делом, периоды войны сменялись периодами мира, конфликты часто возобновлялись. Тем не менее, основным критерием окончания войны и определения победителя может считаться решение вопроса по спорным территориям, либо полное уничтожение одного из противников. Как мы знаем, ни один из противоборствующих полисов в Лелантской войне уничтожен не был. А вот Лелантская долина, судя по всему, что мы знаем об истории Эвбеи классического времени, находилась в дальнейшем под контролем Халкиды<sup>32</sup>. Следовательно, победа этого полиса представляется нам более вероятной, хотя в процессе боевых действий победы одерживал то один, то другой полис.

#### **4.2. Значение Лелантской войны в истории архаической Эллады**

Последняя проблема, на которой мы бы хотели остановиться в рамках данного исследования – это значение Лелантской войны в истории архаической Эллады. В данном пункте будут проанализированы два аспекта проблемы. Первый – это влияние Лелантской войны на торговые связи в Средиземноморье. Второй – место войны на Эвбее в развитии военного дела эллинов.

В историографии аргументирует гипотеза о влиянии Лелантской войны на восточное направление греческой торговли. Главным образом,

---

<sup>31</sup> Суриков И.Е. Античная Греция... С. 242–247.

<sup>32</sup> Knoepfler D. Argoura... Р. 304–305.

исследователи обращают внимание на динамику эллинского присутствия в Аль-Мине – греческой фактории на Ближнем Востоке<sup>33</sup>.

Эвбейское присутствие в Аль-Мине фиксируется приблизительно на рубеже IX–VIII вв. до н.э.<sup>34</sup> Однако с середины VIII в. до н.э. количество эвбейско-кикладской керамики значительно сокращается, а к концу столетия она вообще исчезает с поселения. По мнению В.П. Яйленко, этот спад был вызван, с одной стороны, Лелантской войной на Эвбее, а с другой стороны, ассирийским влиянием, в частности, состоявшимся в 743 г. до н.э. походом Тиглатпаласара III в Сирию<sup>35</sup>. В последующие столетия эвбейская керамика сменяется в Аль-Мине продукцией Коринфа, Ионии и Родоса.

Если принять предположение В.П. Яйленко, то получается следующая схема: эвбейские полисы, будучи наиболее развитыми греческими центрами архаического времени, активно проникают на Ближний Восток, а также колонизируют территории в Италии и Сицилии. Затем, в связи с усилением политического влияния Ассирии на Ближнем Востоке и походами ассирийских царей, греческая фактория в Аль-Мине исчезает, сменяясь кипрской. После небольшого промежутка времени греки снова появляются на Ближнем Востоке, однако среди них мы уже не встречаем эвбейцев. Таким образом, внешний фактор в форме ассирийского завоевания вызвал только временное исчезновение поселения в Аль-Мине. Но решающую роль в исчезновении эвбейских полисов с Ближнего Востока должен был сыграть внутренний фактор. В противном случае невозможно объяснить, почему в Аль-Мине сохраняются коринфские и ионийские археологические материалы. На роль такого внутреннего фактора выдвигается Лелантская война.

---

<sup>33</sup> По поводу статуса Аль-Мины см.: Согомонов А.Ю. Греческая колонизация Леванта: этнические и социокультурные контакты эпохи архаики // ВДИ. 1985. №1. С. 8–25; Яйленко В.П. Архаическая Греция... С. 160–163.

<sup>34</sup> Обоснование этой датировки с историографией вопроса см. Яйленко В.П. Архаическая Греция... С. 139–144.

<sup>35</sup> Яйленко В.П. Архаическая Греция... С. 144.

Логика В.П. Яйленко представляется весьма убедительной. Однако нам кажется, что эта схема только подтверждает предположение о локальных масштабах Лелантской войны. Если бы конфликт выходил за рамки войны между эвбейскими полисами и включал в себя многочисленных союзников, то сложно объяснить, почему в Аль-Мине встречается такое значительное количество коринфских и ионийских материалов.

Впрочем, возможно, исчезновение эвбейской керамики на востоке Средиземного моря может свидетельствовать и о простом спаде интереса эретрийцев и халкидян к ближневосточному региону. Эта версия может подтверждаться тем, что исчезновение эвбейской керамики с Ближнего Востока нельзя соотносить с упадком эвбейского ремесла и экономики. Во-первых, по оценке Дж. Бордмена, эвбейская керамика достаточно успешно развивается на протяжении всего архаического времени<sup>36</sup>. Во-вторых, мы имеем упоминания об эвбейской металлургии. Алкей в одном из своих произведений (Alc. fr. 357. L. – P.) пишет о «халкидских клинках» (Χαλκίδικαι σπάθαι). Алкей – поэт рубежа VII–VI вв. до н.э.<sup>37</sup>, следовательно, в это время халкидская металлургия продолжала существовать.

Не стоит связывать падение интереса к Востоку с конкуренцией других полисов. Тому есть несколько причин. Во-первых, слои Аль-Мины содержат керамические материалы из разных полисов, которым конкуренция не мешала. Во-вторых, в Египте в это же время торговлю вела целая группа полисов, о чем свидетельствует Геродот (Herod. II. 178). Нам представляется, что наиболее вероятным является все же влияние Лелантской войны на торговлю эвбейцев в Восточном Средиземноморье. Возможно, Лелантская война на длительное время отвлекла жителей эвбейских полисов от плаваний на восток и запад, заставив сосредоточиться на периодически вспыхивающей борьбе с соседями. Однако, подчеркнем, что мы не видим влияния войны на торговлю других полисов.

---

<sup>36</sup> Boardman J. Early Euboean Pottery...

<sup>37</sup> Тронский И.М. История античной литературы. М., 1988. С. 84.

Второй аспект, на котором мы остановимся – это место войны эретрийцев и халкидян в истории развития эллинского военного дела. Отдельные исследователи так или иначе связывают Лелантскую войну с процессом возникновения греческой фаланги<sup>38</sup>. Однако прежде нам необходимо коснуться современного состояния проблемы изучения греческой фаланги<sup>39</sup>. Не вызывает сомнения, что фаланга сформировалась в архаическое время – в VIII–VI вв. до н.э. Однако более точные датировки и реконструкция процесса в настоящий момент вызывают споры. Отдельные исследователи считают возможным датировать появление этого построения временами Гомера, поскольку именно в его поэмах появляется сам термин «фаланга» (Ном. II. II. 558; III. 77; IV. 254, 281, 332, 427 и др.), а также встречается описание построения войска, напоминающего фалангу. Гомеровские герои трактуются в этой концепции как лучшие воины, сражающиеся в первом ряду фаланги<sup>40</sup>. Другая точка зрения (которая, как нам кажется, ближе к истине) заключается в том, что фаланга появляется в конце VIII – первой половине VII в. до н.э.<sup>41</sup>; она опирается на данные архаической поэзии и вазовой живописи<sup>42</sup>. Большинство исследователей признает, что процесс становления фаланги занял достаточно длительный период времени. Нельзя забывать и о специфике отдельных полисов, в которых фаланга могла появляться в разное время.

---

<sup>38</sup> Helbig W. Über die Einführungszeit der geschlossenen Phalanx. München, 1911. 26–41; Donlan W. Op. cit. P. 138–141; Murray O. Op. cit. P. 77–80; Туманс Х. Рождение Афины... С. 121–125.

<sup>39</sup> Общий обзор разработки проблем возникновения греческой фаланги см.: Андреев Ю.В. Кто изобрел греческую фалангу? // Петербургский археологический вестник. 1993. №7. С. 36–41; Нефедкин А.К. Изучение феномена фаланги в историографии новейшего времени // Мнемон. Вып. 3. СПб., 2004. С. 453–464.

<sup>40</sup> Latacz J. Kampfparänese, Kampfdarstellung und Kampfwirklichkeit in der Ilias, bei Kallinos und Tyrtaios. München, 1977. S. 30–43.

<sup>41</sup> Lorimer H.L. Op. cit. P. 76–139; Snodgrass A.M. The hoplite reform and history / JHS. 1965. Vol. 94. P. 110–122; Wees H. van The Homeric way of war: The Iliad and the hoplite phalanx // Greece & Rome. Vol. 41. 1994. P. 1–17, 131–155; Salmon J. Political Hoplites? / JHS. 1977. Vol. 97. P. 86–101; Нефедкин А.К. Основные этапы формирования фаланги гоплитов // ВДИ. 2002. №1. С. 87–96.

<sup>42</sup> Туманс Х. Рождение Афины ... С. 166.

Интересную гипотезу эволюции архаического военного дела в связи с Лелантской войной предлагает Х. Туманс. Исследователь с доверием относится к картине боя, описанной Гомером, полагая, что бои сводились к сражениям лучших воинов, а колесницы использовались только в качестве транспортного средства. На рубеже VIII–VII вв. до н.э., когда колесницы исчезают из вазовой живописи, происходит переход от колесниц к коннице. Как считает латвийский исследователь, причиной перехода должен был стать военный конфликт, показавший преимущество кавалерии над колесницами. Таким конфликтом, по мнению Х. Туманса, была Лелантская война. В поддержку этой гипотезы исследователь привлекает сообщение Плутарха (Plut. Conv. Sept. Sap. 10 = Mor. 153f) о победе, которую принесли халкидянам фессалийские всадники под командованием Клеомаха, а также сообщение Аристотеля о том, что в архаическое время, в полисах Эвбеи решающее значение имели аристократические группировки, связанные с конницей (Polit. IV. 3. 2). Последний факт отмечается и другими авторами – эвбейскую аристократию называли «гиппоботами» (Herod. V. 77) и «гиппеями» (Arist. Ath. Pol. 15). При этом само появление фаланги Х. Туманс не связывает с Лелантской войной, считая, что причины этого военного переворота крылись в социально-политической сфере, а не в конкретной военной истории<sup>43</sup>.

Сразу стоит сказать, что мы не разделяем доверия латвийского исследователя по отношению к историчности гомеровского способа ведения боя. Нам ближе точка зрения П. Крентца, который справедливо указывает на характер гомеровских произведений<sup>44</sup>. Будучи эпическим поэтом, Гомер куда больше заинтересован в описании поединков героев, нежели в достоверном описании битвы. Не помогает и контрдовод, заключающийся в том, что аудитория Гомера ожидала реалистичного описания боёв и подняла бы азда на смех, попытайся он изобразить нереалистичное сражение.

---

<sup>43</sup> Там же. С. 167–177.

<sup>44</sup> Krentz P. Warfare and Hoplites // The Cambridge Companion to Archaic Greece. Cambridge, 2007. P. 65–66.

Во-первых, этому противоречит то, что в эпических произведениях описания сражений всегда концентрируются вокруг отдельных героических поединков. Было бы странным ожидать, что во всех обществах, где есть эпос, он реалистически описывал битвы в виде поединков лучших воинов. На наш взгляд, здесь можно привести параллели. Однако обращаться за ними к описаниям сражений в древнеиндийском или раннесредневековом эпосах не слишком плодотворно. Ведь мы не можем с уверенностью на основании других текстов реконструировать сражения этих эпох. Методологически, как нам кажется, резонным будет проверить, соответствуют ли исторической реальности описания сражений в тех произведениях, которые отражают хорошо известные нам события. В качестве такого примера может быть привлечена балканская эпическая традиция. Ведь, с одной стороны, у нас есть достаточный запас текстов с описаниями сражений, а, с другой, мы представляем, как должны выглядеть боевые действия этого времени. Например, в «Косовском цикле» описание сражений идет через индивидуальные подвиги юнаков. Вот, например, фрагмент песни «Царь Лазарь и царица Милица»<sup>45</sup>.

Храбрый Бошко был убит последним  
Он с хоругвью по полю носился  
Разгонял турецкие отряды  
Голубей как сокол разгоняет  
а погиб наш воевода Милош  
У Ситницы у реки студеной  
Там немало перебил он турок  
Милош поразил царя Мурата  
И еще двенадцать тысяч турок.

(180–190, пер. Н. Гальковского)

---

<sup>45</sup> Цитаты из эпоса приводятся по сборнику: Голенищев–Кутузов И.Н. Эпос сербского народа. М., 1963.

Похожую картину мы видим в песне «Гибель сербского царства», когда воеводы сербов один за другим вступают в битву вместе со своими войсками, при этом поэт концентрируется на подвигах отдельных воевод. При этом ни о каких аристократических поединках или победе одного воина над вражеским войском в конце XIV в. не может быть и речи и, разумеется, сербская аудитория вряд ли могла посчитать реалистичным убийство двенадцати тысяч турок одним воеводой. Аудитория балканских сказителей, как видно, не ожидала от эпических певцов достоверно описанных боев. А значит, использование описаний поединков из гомеровского эпоса как источника для реконструкции архаического способа ведения боя не является, по нашему мнению, оправданным. Ибо, с одной стороны, эти описания являются общим местом эпической традиции. А, с другой, те случаи, когда мы знаем и эпический текст, и реальный способ боя в сражении, показывают явное несоответствие реальности эпическому описанию.

Если обратиться к античным источникам, то у нас есть только одно указание на конкретные обстоятельства сражения времен Лелантской войны. Это сообщение Плутарха о том, как на помощь халкидянам пришли фессалийские всадники во главе с Клеомахом. Союзники приносят халкидянам победу над эретрийцами, хотя сам Клеомах погибает на поле боя (Plut. Conv. Sept. Sap. 10 = Mor. 153f). Х. Туманс интерпретирует это как свидетельство перехода господства в войне от колесниц к коннице, однако, по нашему мнению, для столь далеко идущих выводов нет серьезных оснований в античной нарративной традиции. И сами Плутарх не конкретизирует причины победы конницы Клеомаха. А ведь победу могло принести не то, что конница по определению была наиболее эффективным родом войск, а, к примеру, созданное за счет ее вмешательства численное превосходство или фактор внезапности.

Как мы уже говорили, появление фаланги большинством исследователей датируется серединой VII в. до н.э. Эта дата очень хорошо

согласуется с наиболее распространенной датировкой окончания Лелантской войны. Одним из первых связь между этими событиями усмотрел немецкий историк В. Гельбиг, писавший, что фаланга была создана эвбейцами<sup>46</sup>. Эту точку зрения разделяют В. Донлан<sup>47</sup> и В. Паркер<sup>48</sup>. В ее поддержку привлекаются уже анализировавшиеся нами стихи Архилоха (Arch. fr. 3 West) и сообщение Страбона о запрете на метательное оружие во время Лелантской войны (Strabo. X. 1. 12). В качестве косвенного аргумента также используется легендарная традиция о любви к ближнему бою, которая была свойственна древнейшему населению Эвбеи – абантам (Hom. II. 542–543).

На первый взгляд, количество аргументов, связывающих Лелантскую войну со становлением фаланги, достаточно велико. Однако если проанализировать каждый из них в отдельности, оказывается, что убедительности им не хватает. Архилох упоминает не фалангу, но лишь оружие ближнего боя, что отнюдь не тождественно боевому построению. Что касается свидетельства Страбона (Strabo. X. 1. 12), сообщающего о запрете на метательное оружие, то его вряд ли можно рассматривать в качестве доказательства существования фаланги, которая предполагает не только определенный набор вооружения, но и боевой строй. Кстати, любопытно отметить, что в классический период – эпоху гоплитских сражений – эллины не отказываются от метательного вооружения. Конечно, применяют его зачастую не полноправные граждане-гоплиты, а феты или неграждане, но факт остается фактом – оружие ближнего боя не обязательно свидетельствует о наличии гоплитской фаланги, равно как и метательное оружие ее существования не исключает<sup>49</sup>. Наконец, традиция об абантах, сражающихся в ближнем бою, сама по себе – без поддержки других аргументов – вряд ли может служить убедительным доводом в пользу формирования фаланги в Лелантской войне.

---

<sup>46</sup> Helbig W. Op. cit. S. 26–41.

<sup>47</sup> Donlan W. Op. cit.

<sup>48</sup> Parker V. Untersuchungen zum Lelantischen Krieg ... S. 95–118.

<sup>49</sup> О лучниках в военном деле эллинов см. недавнюю работу: Davis T.A. Op. cit.

С нашей точки зрения, можно говорить разве что о синхронности Лелантской войны с процессом становления греческой фаланги, но использование одной проблемы для решения другой вряд ли допустимо. Создание фаланги вряд ли было единовременным событием. Скорее, это был длительный процесс трансформации греческих ополчений в упорядоченное войско. Вероятно, данный процесс был тесно связан не только с военной, но также с экономической и социально-политической сферами. У нас нет оснований предполагать, что эвбейские полисы не принимали участие в эволюции военного дела; более того, будучи лидерами эллинского мира в раннеархаическое время, эвбейцы могли быть в его авангарде, чем объясняется внимание поздних авторов к древнейшему населению острова и его успехам в ближнем бою. Однако найти убедительные доказательства того, что Лелантская война являлась поворотным событием в развитии греческого военного дела, не представляется возможным. И если уж говорить о войне, которая могла повлиять на становление фаланги, то более вероятной представляется связь с этим процессом Мессенских войн Спарты, нашедшая отражение в поэзии Тиртея (Tyr. fr. 3, 5)<sup>50</sup>.

---

<sup>50</sup> Аргументацию и историографию см.: Андреев Ю.В. Кто изобрел греческую фалангу... С. 39–41.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе мы рассмотрели проблемы, связанные с Лелантской войной и отношениями Эретрии и Халкиды в эпоху архаики. Как показано в диссертации, к началу VIII в. до н.э. на острове Эвбея находилось три важных поселения. Первое – это Ксерополис/Лефканди, поселение, существовавшее с краткими перерывами с микенских времен и постепенно приходящее в упадок. Второе – Халкида, которая до сих пор не может быть исследована археологически. Третье – Эретрия, основанная на рубеже IX–VIII вв. до н.э. На рубеже архаического времени Эвбея представляется важным греческим центром. Восточный импорт, который мы находим в Ксерополисе/Лефканди, показывает, что во времена «темных веков» эвбейские полисы поддерживали контакты с Ближним Востоком. Подтверждается это также тем, что эвбейские полисы выступают в качестве пионеров в колонизации Италии, а эвбейская керамика появляется в древнейших слоях поселения Аль-Мина – торговой фактории греков на Ближнем Востоке. Важным аспектом культурного расцвета Эвбеи может считаться значительная роль, которую сыграли ее полисы в адаптации и распространении греческого алфавита. А вот концепция эвбейско-кикладского койне не выдерживает критики. Достаточно ограниченное количество эвбейского импорта и общих культурных явлений не может убедительно показать существование большого объединения Кикладских островов вокруг Эвбеи.

Отношения эвбейских полисов до Лелантской войны представляют собой отдельную сложную научную проблему. Традиционно Эретрию и Халкиду рассматривали как полисы, сотрудничающие при основании колоний в Италии. В рамках работы нам удалось показать, что эта концепция не может считаться доказанной. Более вероятным представляется, что соперничество Халкиды и Эретрии за Лелантскую долину началось с

появления Эретрии, выступавшей здесь в качестве преемницы Ксерополиса. Традиция же, свидетельствующая в пользу мирных отношений полисов, не выглядит убедительной: Страбон, скорее, лишь рационализировал дошедшую до него традицию о запрете метательного оружия, а о совместной эвбейской колонизации нам говорят только несколько поздних авторов. Кроме того, наличие контингентов из разных полисов в колонизационной экспедиции не обязательно должно говорить нам о сотрудничестве полисов.

Сама Лелантская война была затяжным локальным конфликтом, привлекавшим периодически отдельные полисы в качестве союзников Эретрии и Халкиды. Сразу стоит оговориться, что концепция общегреческой войны появилась вследствие возможности различных трактовки сообщения Фукидида. Афинский историк действительно пишет о наличии союзников у эвбейских полисов. Однако из его фразы не следует раскол *всего* греческого мира на две коалиции.

Против общегреческого характера войны говорит и достаточно ограниченный перечень союзников, которых называет в соответствующем контексте нарративная традиция. Уверенно мы можем говорить только об участии в конфликте Милета на стороне Эретрии, Самоса и фессалийских всадников на стороне Халкиды. Также есть основания полагать, что в войне принял участие Коринф. Мы склонны отвергать распространенный в историографии подход, когда исследователи предполагают участие в войне других полисов на основании их взаимоотношений с участниками Лелантской войны в более позднее время.

Затяжной характер войны подтверждается ее крайне расплывчатыми датировками. Мы отмечали чуть выше, что начало конфликта за Лелантскую долину не может быть четко обозначено – вероятно, он начался вскоре после основания Эретрии. Точно мы можем говорить, что война уже шла в конце VIII в. до н.э. Есть основания полагать, что Лелантская война была современна жизни Гесиода, а археологические материалы из Эретрии позволяют зафиксировать следы военного конфликта на рубеже VIII–VII вв.

до н.э. Последние данные нарративной традиции, которые могут быть современны Лелантской войне – это сообщения Архилоха и Феогида Мегарского. Таким образом, мы можем заключить, что на рубеже VII – VI вв. до н.э. военные действия должны были продолжаться. Вероятно, у Лелантской войны не было события, которое можно считать ее окончанием. У нас нет данных о мирном договоре, и, разумеется, ни один из эвбейских полисов не был окончательно уничтожен во время войны.

Тем не менее, в начале классического периода, в связи с начавшимися греко-персидскими войнами, конфликт на Эвбее, если он еще продолжался, утратил актуальность. К этому времени – то есть, к концу VI в. до н.э. – если верить Геродоту, Лелантской долиной обладали халкидяне, однако вряд ли эретрийцы с этим окончательно смирились. Их союзнические отношения с враждебными Халкиде афинянами свидетельствуют в пользу напряженности, которая продолжала сохраняться между полисами.

Большие споры в контексте Лелантской войны породила традиция о запрете на метательное оружие, который ввели сражающиеся стороны, согласно сообщению Страбона. Мы не согласны с гиперкритическими оценками этого сообщения в современной историографии, поскольку Страбон не мог выдумать запрет метательного оружия, непонятный ему самому. Однако археологические материалы противоречат существованию такого запрета. Мы склонны полагать, что в традиции нашел отражение разовый запрет на метательное оружие, связанный с одним из сражений Лелантской войны.

Место Лелантской войны в истории развития военного искусства эллинов, вероятно, было не так уж велико. По крайней мере, дошедшие до нас свидетельства источников не позволяют говорить ни о том, что во время Лелантской войны случился переход к коннице, ни о том, что возникла греческая фаланга. Как нам представляется, возникновение фаланги лучше связывать с изменениями в социально-экономической и политической сфере, а не с историей конкретных военных конфликтов.

Влияние Лелантской войны на разделение регионов торговли и колонизации представляется сомнительным. Эта концепция исходит из современных представлений о колониальной политике – в архаический период, несмотря на значительное число колоний одного полиса в каком-то регионе, с ними обычно соседствовали колонии других полисов. Возможным последствием Лелантской войны можно считать разве что ослабление интереса эвбейских полисов к колонизации и торговле с Ближним Востоком. Заинтересованные в своем конфликте Эретрия и Халкида, вероятно, предпочли сосредоточиться на борьбе за Лелантскую долину, оставив активную заморскую деятельность другим.

Таким образом, Лелантская война – это затяжной, продолжавшийся в VIII–VI вв. до н.э. конфликт, либо серия конфликтов. Он имел локальный характер, хотя в нем и приняли участие какие-то контингенты из Милета, Самоса и Фессалии. Преимущество в ходе войны получал то один, то другой полис, хотя наиболее вероятным представляется, что именно Халкида ближе к концу конфликта получила превосходство. Последствия войны были локальными и касались только самих эвбейских полисов. Вероятно, именно Лелантская война привела к тому, что Эретрия и Халкида выпадают из списка наиболее влиятельных и заметных полисов архаического времени.

Все вышесказанное позволяет поставить под вопрос сам концепт Лелантской войны как таковой. Конфликт, с перерывами продолжающийся на протяжении нескольких столетий, не имеющий четких событий, которые бы позволили определить его начало и конец, вряд ли можно назвать войной в современном понимании этого слова. Тем более, что античная традиция даже не выработала единого обозначения конфликта Эретрии и Халкиды. С нашей точки зрения, в современной науке единственным основанием для сохранения термина «Лелантская война» является академическая традиция. Но используя это понятие стоит понимать, что речь идет не о войне в привычном нам понимании, а о серии конфликтов соседних полисов,

конкретизировать или подробно описать которые мы не в состоянии из-за состояния нашей источниковой базы.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

### Источники

#### а) Источники на языке оригинала

1. Aeneae Tactici. De obsidione toleranda commentarius / Ed. R. Schoene. – Leipzig: B.G. Teubner, 1911.
2. Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander / Ed. by W.A. Oldfather. London, 1977.
3. Anthologia lyrica Graeca. – Fasc. I–III / Ed. E. Diehl. – Leipzig: B.G. Teubner. 1949–1952.
4. Aristotle. Politica / ed. W. D. Ross, Aristotelis politica. Oxford: Clarendon Press, 1957.
5. Aristotle. Rhetorica / ed. W. D. Ross, Aristotelis ars rhetorica. Oxford: Clarendon Press, 1959.
6. Aristotelis: Athenaion Politeia / Edidit M. Chambers. Bibliotheca scriptorium Graecorum et Romanorum Teubneriana. – Leipzig: Teubner Verlagsgesellschaft, 1986.
7. Aristophanis. Comoedias / Edidit Theodorus Bergk. – Vol. I–II. – Lipsiae: Teubner, 1907.
8. Athenaeus. Deipnosophistae / ed. and tr. C. B. Gulick. – Vol. I–VII. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1927–41.
9. Cicero. Tusculanae disputationes / Ed. M. Pohlenz. – Leipzig: Teubner, 1918.
10. Claudii Aeliani. On animals / Ed. and Tr. by A.F. Scholfield. – Vol. I–III. – London: Heinemann, 1958–1959.
11. Claudii Aeliani. Varia historia / Ed. M. R. Dils. – Leipzig: Teubner, 1974.

12. Clemens Alexandrinus. Zweiter Band: Stromata – Buch I–VI / ed. O. Stahlin. – Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1906.
13. Diodorus Siculus. Library of History. – Vol. I–XII / With an Engl. transl. by C.H. Oldfather, C.L. Sherman, C.B. Welles, R.M. Geer and F.K. Walton. – Cambridge (Mass); L.: Harvard university press; L.: Heineman, 1989.
14. Diogenes Laertius Vitae philosophorum – Vol. I – III / Ed. by M. Marcovich – Stuttgart–Leipzig: B. G. Teubner. 1999–2002.
15. Dionysius of Halicarnassus. Roman Antiquities – Vol. I–VII / With an Engl. transl. by Earnest Cary. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1937–1950.
16. Gellius Aulus. Attic Nights. – Vol. I–III / With an Engl. transl. by J. C. Rolfe. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1927.
17. Hesiod. Theogony. Works and Days. Testimonia / Edited and translated by Glenn W. Most. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007.
18. Herodotus. The Persian Wars. – Vol. I–IV / With an Engl. transl. by A. D. Godley. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1920–1925.
19. Homer. Iliad. – Vol. I–II / With an Engl. transl. by A. T. Murray. Revised by William F. Wyatt. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1924–1925.
20. Homer. Odyssey. – Vol. I–II. / With an Engl. transl. by A. T. Murray. Revised by George E. Dimock. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1919.
21. Iambi et elegi Greci ante Alexandrum cantata / ed. M.L. West. 2<sup>nd</sup> ed. – Vol. I–II. – Oxford: Clarendon Press, 1998.
22. Livius, Titus. Roman History. – Vol. I–XIV / With an Engl. transl. by B.O. Foster, F.G. Moore, E.T. Sage, A.C. Schlesinger. – Cambr. (Mass): Harvard university press; L., 1963–1988.
23. Marmor Parium // FrGHist. №239.
24. Pausanias. Description of Greece. – Vol. I–VI / With an Engl. transl. by W.H. Jones. – L.: Heinemann; N.Y.: Putnam, 1926–1939.

25. Philostratus. *Apollonius of Tyana* – Vol. I–III / Edited and translated by Christopher P. Jones. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005–2006.
26. Plinius Maior. *Natural History* – Vol. I–X / With an Engl. transl. by H. Rackham. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1938–1962.
27. Plutarchus. *Plutarchi Chaeronensis Moralia*. – Vol I–VII / Hrsg. von G.N. Bernardakis. – Leipzig: B.G. Teubner, 1888–1896.
28. Plutarchus. *Plutarch's Lives*. – Vol. I–XII / With an Engl. transl. by B. Perrin. – Cambr. (Mass): Harvard university press; L.: Heineman, 1968–1986.
29. *Poetarum Lesbiorum fragmenta* / Ed. by E. Lobel and D. Page. – Oxford: Clarendon Press, 1955.
30. Pollux Julius. *Onomasticon*. –Vol. 1–5 / Hrsg. von W. Dindorf. – Leipzig: Teubner, 1824.
31. Polybius. *The Histories*. Vol. I–VI / With an Engl. transl. by W.R. Paton. – Cambr. (Mass): Harvard university press; L.: Heineman, 1976–1980.
32. Scymni. *Chii Periegesis quae supersunt* / B. Fabricius. – Leipzig: Teubner, 1846.
33. Stephani Byzantii. *Ethnicorum Quae Supersunt* / Ex recensione Augusti Meinekii. – Berlin: Impensis G. Reimeri, 1849.
34. Strabo. *The Geography of Strabo*. – Vol. I–VIII / With an Engl. transl. by H.L. Jones. – Cambr. (Mass); Harvard university press; L.: Heineman, 1967–1983.
35. Theophrastus. *Enquiry into Plants*. – Vol. I–II / With an Engl. transl. by Arthur F. Hort. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1916.
36. Thucydides. *History of the Peloponnesian War*. – Vol. I–IV / With an Engl. transl. by C. F. Smith. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1919–1923.
37. Velleius Paterculus. *Compendium of Roman History. Res Gestae Divi Augusti* / With an Engl. transl. by Frederick W. Shipley. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1924.

38. Vitruvius. On Architecture. – Vol. I–II / With an Engl. transl. by Frank Granger. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1931–1934.

#### **б) Источники в русском переводе**

39. Авл Геллий. Аттические ночи / Под. общ. ред. А.Я. Тыжова, А.П. Бехтер. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2007. – 480 с.

40. Аристотель. Афинская полития / Пер. и прим. С. И. Радцига. – М.: Социально-экономическое издательство, 1937. – 255 с.

41. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том. 4. / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – С. 375–644.

42. Аристотель. Риторика // Античные риторики / Под ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 15–164.

43. Аристофан. Комедии / Под ред. Ф.А. Петровского и В.Н. Ярхо. – Т. 1–2. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1954.

44. Афиней. Пир мудрецов / Пер. и прим. Н.Т. Голинкевича. – Т. 1–2. – М.: Наука, 2003–2010.

45. Веллей Патеркул. Римская история / Пер. и комм. А.И. Немировского. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 211 с.

46. Витрувий. Десять книг об архитектуре / Пер. Ф.А. Петровского. – М.: Архитектура-С, 2006. – 328 с.

47. Гесиод. Полное собрание текстов / Вступ. ст. В.Н. Ярхо, комм. О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо. – М.: Лабиринт, 2001. – 256 с.

48. Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратановского, под общ. ред. С.Л. Утченко. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.

49. Гомер. Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. – СПб.: Наука, 2008. – 573 с.

50. Гомер. Одиссея / Пер. В.А. Жуковского. – М.: Наука, 2000. – 483 с.

51. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. и прим. М.Л. Гаспарова. – М.: Мысль, 1979. – 624 с.
52. Дионисий Галикарнасский. Римские древности в трех томах / Отв. ред. И.Л. Маяк. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2005.
53. Климент Александрийский. Строматы в 3-х т. / Под. текста, пер., пред. и комм. Е.В. Афонасина. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003.
54. Ливий, Тит. История Рима от основания Города / Под ред. М.Л. Гаспарова и Г.С. Кнабе. – Т. 1–3. – М.: Наука, 1989–1994.
55. Павсаний. Описание Эллады в 2 т. / Пер. с древнегреческого С.П. Кондратьева под ред. Е.В. Никитюк. – М.: ООО «Издательство АСТ», «Ладомир», 2002.
56. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3 т. / Изд. подг. С.П. Маркиш и С.И. Соболевский. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1961–1964.
57. Полибий. Всеобщая история в 3 т. – 2-е изд. / Пер. с греч. и комментарии Ф.Г. Мищенко. СПб.: Наука, Ювента, 1994–1995.
58. Страбон. География в 17 книгах / Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского, под общей ред. проф. С.Л. Утченко. – М.: Наука, 1964. – 944 с.
59. Феофраст. Исследование о растениях / Перевод с древнегреческого и примечания М.Е. Сергеенко. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 561 с.
60. Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского / Пер., ст. и комм. Е.Г. Рабиниович, Отв. ред. М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1985. – 328 с.
61. Фукидид. История / Изд. подг. Г.А. Стратановский, А.А. Нейхард, Я.М. Боровский. – Л.: Наука, 1981. – 544 с.
62. Цицерон. Тускуланские беседы // Марк Туллий Цицерон. Избранные произведения / Пер. и комм. М.Л. Гаспарова. – М.: «Художественная литература», 1975. – С. 207–357.

63. Элиан. Пёстрые рассказы / Пер. С.В. Поляковой. Отв. ред. В.В. Струве. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1963. – 188 с.
64. Эней Тактик. О перенесении осад / Пер., ст. и прим. В.Ф. Беляева // ВДИ. – 1965. – №1. – С. 258–268.
65. Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э. / Вступ. ст. и сост. В.Н. Ярхо. – М.: Ладомир, 1999.

## Литература

66. Александрова О.И. Афинская колонизационная практика VI–IV вв. до н.э.: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / О.И. Александрова – СПб., 2017. – 292 с.
67. Александрова О.И. Миф о давней дружбе? К вопросу о взаимоотношениях Афин и городов Эвбеи в V в. до н.э. / О.И. Александрова // Псковский военно-исторический вестник. – 2019. №5. – С. 13–15.
68. Александрова О.И., Зайцев Д.В. Афины и Эретрия: О становлении межполисных отношений в архаической Греции / О.И. Александрова, Д.В. Зайцев // Новый исторический вестник. – 2019. №4 (62). – С. 76–93.
69. Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период) / Ю.В. Андреев – Л.: Издательство Ленинградского ун-та, 1976. – 141 с.
70. Андреев Ю.В. Кто изобрел греческую фалангу? / Ю.В. Андреев // Петербургский археологический вестник. – 1993. – №7. – С. 36–41.
71. Андреев Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н.э. / Ю.В. Андреев – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004. – 496 с.
72. Андреев Ю.В. Архаическая Спарта. Искусство и политика / Ю.В. Андреев – СПб.: Нестор-История, 2008. – 342 с.

73. Безруков А.В., Улитин В.В. Военно-политические конфликты и торговля в античном мире (Восточное Средиземноморье, Причерноморье и варварская северо-восточная периферия) / А.В. Безруков, В.В. Улитин // ПИФК. – 2020. – №1. – С. 21–32.

74. Белох Ю. Греческая история: в 2-х томах / Юлиус Белох; пер. с нем. М.О. Гершензона; под ред. и со вступ. ст. Ю.И. Семенова – М.: Гос. публ. ист. б-ка России. – 3-е изд., 2009. Т.1. Кончая софистическим движение и Пелопоннесской войной. – 512 с.

75. Беляев В.Ф. Эней Тактик – первый военный теоретик античности / В.Ф. Беляев // ВДИ. – 1965. – №1. – С. 239–257.

76. Берве Г. Тираны Греции / Г. Берве – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 640 с.

77. Браун Т.-Ф.-Р.-Г. Греки на Ближнем Востоке // Кембриджская история древнего мира. Т III. Ч. 3. Расширение греческого мира. VIII–VI вв. до н.э. / Под ред. Дж. Бордмена и Н.-Дж.-Л. Хэммонда: Пер. с англ. подготов. текста, предисловие, примечания А.В. Зайкова / Т.-Ф.-Р.-Г. Браун – М.: Ладомир, 2007. – С. 13–46.

78. Виппер Б.Р. Искусство древней Греции / Б.Р. Виппер – М.: Наука, 1972. – 418 с.

79. Высокий М.Ф. История Сицилии в архаическую эпоху (Ранняя греческая тирания конца VII – середины V вв. до н.э.) / М.Ф. Высокий – СПб.: Издательский центр «Гуманитарная Академия», 2004. – 448 с.

80. Голенищев-Кутузов И.Н. Эпос сербского народа / И.Н. Голенищев-Кутузов – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. – 355 с.

81. Двуреченский О.В. Масштабы Донского побоища по данным палеогеографии и военной археологии / О.В. Двуреченский // Воинские традиции в археологическом контексте. От позднего латена до позднего средневековья. – Тула: Куликово поле, 2014. – С. 124–129.

82. Доватур А.И. Феогнид и его время / А.И. Доватур – Л.: Наука, 1989. – 208 с.

83. Жестоканов С.М. Внутренняя политика Кипселидов при Периандре / С.М. Жестоканов // Античный полис: Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества / под ред. Э.Д. Фролова. – СПб.: Издательство СПбГУ, 1995. – С. 41–52.

84. Жестоканов С.М. Колонизационная политика коринфских тиранов / С.М. Жестоканов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. – 1996. – №2. – С. 90–94.

85. Жестоканов С. М. Лелантская война / С.М. Жестоканов // *Para bellum!* – 2000 – №12. – С. 6–12.

86. Жестоканов С.М. Фидон Аргосский: тиран и реформатор // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2009. – №3. – С. 44–52.

87. Жестоканов С.М. Коринфский полис (особенности социально-политического развития) / С.М. Жестоканов // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. – 2011. – Вып. 11. – С. 27–44.

88. Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII – V вв. до н.э. / А.И. Зайцев / Под. ред Л.Я. Жмудя. 2-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 320 с.

89. Зайцев А. И. Лексико-стилистические особенности надписи на «кубке Нестора из Питекус» / А.И. Зайцев // Зайцев А. И. Избранные статьи / под ред. Н.А. Алмазовой и Л.Я. Жмудя. Т. 2 – СПб.: Изд-во Филол. фак. С-Петербург. ун-та, 2003. – С. 197–202.

90. Зайцев Д.В. Лелантская война: проблемы терминологии / Д.В. Зайцев // История мировых цивилизаций: война и общество / Е.С. Меер (отв. ред.), М.В. Эберхардт, Д.В. Григорьев. – Красноярск: Изд-во Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, 2015. – С. 139–147.

91. Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции:

фольклор, литература и история / А.И. Иванчик – М., Берлин: Палограф, 2005. – 313 с.

92. История древней Греции: Учеб / Ю.В. Андреев, Г.А. Кошеленко, В.И. Кузищин, Л.П. Маринович; Под ред. В.И. Кузищина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 2005. – 399 с.

93. Карпюк С.Г. Климат и география в человеческом измерении (архаическая и классическая Греция) / С.Г. Карпюк. – М.: ИВИ РАН, 2010. – 224 с.

94. Касаткина Н.А. Афинские военно-земледельческие поселения VI–V вв. до н.э.: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / Н.А. Касаткина – Л., 1983. – 202 с.

95. Кобылина М.М. Милет / М.М. Кобылина. – М.: Наука, 1965. – 201 с.

96. Козеллек Р. Социальная история и история понятий / Р. Козеллек // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX в. Вып. 5. – СПб.: Алетейя, 2006. – С. 33–53

97. Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) / Г.А. Кошеленко, В.Д. Кузнецов // Очерки археологии и истории Боспора / Г.А. Кошеленко (отв. ред.). – М.: Наука, 1992. – С. 6–28.

98. Крих С.Б. Модернизаторство в изучении истории античности / С.Б. Крих // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: материалы VII межвуз. регион. науч. конф. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. – С. 67–73.

99. Кузнецов В.Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаический период / В.Д. Кузнецов // ВДИ. – 2000. – №1. – С. 16–40.

100. Кулакова А.П. Образование Панионийского союза / А.П. Кулакова // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-

летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. / Под ред. А.Ю. Дворниченко. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. – С. 30–41.

101. Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.) / О.В. Кулишова – СПб.: Издательский центр «Гуманитарная Академия», 2001. – 432 с.

102. Лаптева М.Ю. Мелийская война в истории архаической Ионии / М.Ю. Лаптева // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 2. Война, армия и военное дело в античном мире / отв. ред. А.В. Махлаюк. – Казань–Нижний Новгород–Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2007. – С. 9–18.

103. Лаптева М.Ю. У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н.э. / М.Ю. Лаптева – СПб.: Издательский центр «Гуманитарная Академия», 2009. – 512 с.

104. Лорд А.Б. Сказитель / А.Б. Лорд. Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. Послел. Б.Н. Путилова. Статьи А.И. Зайцева, Ю.А. Клейнера. – М. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 468 с.

105. Макаров И.А. Victor Parker. Untersuchungen zum Lelantischen Krieg und verwandten Problemen der frühgriechischen Geschichte. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. – 189 S. (рецензия) / И.А. Макаров // ВДИ. – 1998. – №4. – С. 181–186.

106. Мандес М. И. Традиция Лелантской войны / М.И. Мандес // *ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ*: Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Ф. Е. Корша. – М.: Типография Э. Лисснера, Ю. Романа, 1896. – С. 231–248.

107. Нефедкин А.К. Основные этапы формирования фаланги гоплитов: военный аспект проблемы / А.К. Нефедкин // ВДИ. – 2002. – №1. – С. 87–96.

108. Нефедкин А.К. Изучение феномена фаланги в историографии новейшего времени / А.К. Нефедкин // Мнемон. Исследования и публикации

по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. – Вып. 3. – СПб., 2004. – С. 453–464.

109. Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии / Л.А. Пальцева – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 286 с.

110. Паршиков А.Е. О статусе афинских колоний в V в. до н.э. / А.Е. Паршиков // ВДИ. – 1969. – №5. – С. 3–19.

111. Печатнова Л.Г. История Спарты (период архаики и классики) / Л.Г. Печатнова – СПб.: Издательский центр «Гуманитарная Академия», 2001. – 510 с.

112. Подосинов А.В. *Ex oriente lux!* Ориентация по сторонам света в архаических культурах Евразии / А.В. Подосинов – М.: Языки русской культуры, 1999. – 720 с.

113. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.

114. Рунг Э.В. Традиция восприятия Греко-персидских войн как мидийских в V – IV вв до н.э. / Э.В. Рунг // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: сборник статей / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. – Вып. 3. – СПб., 2004. – С. 71–82.

115. Рунг Э.В. Подходы к обозначению и периодизации исторических событий в греческой историографии классического периода / Э.В. Рунг // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2010. – №10. – С. 11–30.

116. Согомонов А.Ю. Греческая колонизация Леванта: этнические и социокультурные контакты эпохи архаики / А.Ю. Согомонов // ВДИ. – 1985. – №1. – С. 8–25.

117. Соколов Ф.Ф. Клирухии афинские / Ф.Ф. Соколов // Соколов Ф.Ф. Труды. – СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. – С. 411–436.

118. Супренков А.А. Греки и варвары на крайнем Западе греческой ойкумены (на примере Массалии, Эмпорион и их сельской округи в VI–III вв. до н.э.): Дисс... канд. истор. наук: 07.00.06 / А.А. Супренков – М., 2018. – 243 с.
119. Суриков И.Е. Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии) / И.Е. Суриков // ВДИ. – 2003. – №2. – С. 16–25.
120. Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика / И.Е. Суриков – М.: Наука, 2005. – 349 с.
121. Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения: учебное пособие / И.Е. Суриков – М.: КДУ, 2007. – 236 с.
122. Суриков И. Е. Солнце Эллады: История афинской демократии / И.Е. Суриков – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 360 с.
123. Суриков И.Е. Геродот / И.Е. Суриков – М.: Молодая гвардия, 2009. – 412 с.
124. Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох / И.Е. Суриков // Античный полис. Курс лекций. – М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2010. – С. 8–54.
125. Суриков И.Е. Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы / И.Е. Суриков // АМА. – 2010. – Вып. 14. – С. 20–48.
126. Суриков И.Е. Афины в VIII–VII вв. до н.э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») / И.Е. Суриков // ВДИ. – 2013. – №4 (287). – С. 23–43.
127. Суриков И.Е. Были ли экономические причины алфавитного письма в Древней Греции / И.Е. Суриков // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева. Материалы конференции. – М., 2013. – С. 245–249.

128. Суриков И.Е. Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Первая половина (IX–VIII вв. до н.э.) / И.Е. Суриков // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. – Вып. 14. – СПб., 2014. – С. 27–50.

129. Суриков И.Е. Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Вторая половина (VII–VI вв. до н.э.) / И.Е. Суриков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – №5. С. 52–63.

130. Суриков И.Е. Понятия *agathos* и *kakos* в архаической Греции (по данным лирических поэтов) / И.Е. Суриков // *Antiquitas Aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 4: История понятий, категориальный аппарат исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого / Под. ред. А.В. Махлаюка и О.Л. Габелко. – Нижний Новгород, 2014. – С. 21–42.

131. Тронский И.М. История античной литературы. 5-е изд., испр. / И.М. Тронский – М.: Высшая школа, 1988. – 464 с.

132. Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.) / Х. Туманс – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2002. – 544 с.

133. Туманс Х. Мильтиад Старший как зеркало греческой колонизации / Х. Туманс // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. – Вып. 14. – СПб., 2014. – С. 59–94.

134. Файер В.В. Композиция «Каталога кораблей» и проблемы гомеровского эпоса: препринт WP6/2010/04 / В.В. Файер – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 32 с.

135. Файер В.В. Греческий гекзаметр: метрика и фонетика / В.В. Файер – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 195 с.

136. Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса / Э.Д. Фролов – 2-е изд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 266 с.

137. Циркин Ю.Б. Аристотель и основание Массалии / Ю.Б. Циркин // АМА. – 1990. – Вып. 8. – С. 11–21.
138. Циркин Ю.Б. На краю греческой Ойкумены: фокейцы на западе / Ю.Б. Циркин – М.: Аргамак-Медиа, 2017. – 272 с.
139. Шубин В.И. Ранние эвбейские колонии в Италии / В.И. Шубин // Вестник Санкт-Петербургского университета. История – 2010. – №2. – С. 41–49.
140. Шубин В.И. Питекусса: к вопросу о первоначальном характере колонии / В.И. Шубин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2011. – №1. – С. 32–39.
141. Энговатова А.В., Осипов Д.О., Фараджева Н.Н., Бужилова А.П., Гончарова Н.Н. Массовые средневековые захоронения в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов / А.В. Энговатова, Д.О. Осипов, Н.Н. Фараджева, А.П. Бужилова, Н.Н. Гончарова // Российская археология. – 2009. – №2. – С. 68–78.
142. Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–II вв. до н.э. По данным эпиграфических источников / В.П. Яйленко – М.: Наука, 1982. – 312 с.
143. Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток / В.П. Яйленко – М.: Наука, 1990. – 271 с.
144. Allen T.W. The Epic Cycle (Continued) / T.W. Allen // CQ. – 1908. – Vol. 2. – P. 81–88.
145. Allen T.W. Homer: The Origins and the Transmission / T.W. Allen. – New York: Oxford University Press, American Branch, 1924. – 357 p.
146. Allen T.W. and Rambaut A.A. The Date of Hesiod / T.W. Allen, A.A. Rambaut // JHS. – 1915. – Vol. 35. – P. 85–99.
147. Anderson J.K. Military Theory and Practice in the Age of Xenophon / J.K. Anderson. – Berkeley–Los Angeles: University of California Press, 1970. – 425 p.

148. Andrews A. The Greek tyrants / A. Andrews. – London: Hutchinson's University Library (Anchor Press), 1956. – 164 p.
149. Antiquitas Aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 4: История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого / Под ред. А.В. Махлаюка и О.Л. Габелко. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2014. – 553 с.
150. Arena R. Di alcuni tratti dialettali delle colonie euboiche d'occidente / R.Arena // *Acme* – 1988. – Vol. 41. – №1. – P. 15–19.
151. Auberson P. Le temple d'Apollon Daphnéphoros: Architecture / P. Auberson // *Eretria. Fouilles et recherches I.* – Bern: A. Francke AG Verlag, 1968. – 24 p.
152. Auberson P. Le temple de Dionysos / P. Auberson // *Eretria. Fouilles et Recherches V.* – Berne: A. Francke AG Verlag, 1976. – P. 59–67.
153. Auberson P. and Schefold K. Führer durch Eretria / P. Auberson, K. Schefold – Berne: A. Francke AG Verlag, 1972. – 215 p.
154. Bakhuizen S.C. Chalkis-in-Euboea, Iron and Chalkidians Abroad / S.C. Bakhuizen – Leiden: Brill, 1976. – 100 p.
155. Bakhuizen S.C. Studies in the topography of Chalkis on Euboea: a discussion of the sources / S.C. Bakhuizen – Leiden: Brill, 1985. – 183 p.
156. Bakhuizen S.C. The two citadels of Chalcis on Euboea / S.C. Bakhuizen // *AAA* – 1972. – Vol. 5. – №1. – P. 134–146.
157. Bakhuizen S.C. Iron and Chalcidian Colonization in Italy / S.C. Bakhuizen // *Mededelingen van het Nederlands Instituut te Rome.* – 1975. – Vol. 37. – P. 15–26.
158. Bakhuizen S. C. Le nom de Chalcis et la colonisation chalcidienne / S.C. Bakhuizen // *Nouvelle contribution à l'étude de la société et de la colonisation eubéennes.* – Naples, 1982. – P. 163–174.

159. Bartonek A. Die Ältesten Griechischen Inschriften von Pithekoussai // A. Bartonek // Sbornik Praci Filozofické Fakulty Brněnské Univerzity. – Brno: MU Brno, 1996. – №1. – S. 7–12.
160. Bérard C. L'Hérôon à la Porte de l'Ouest / C. Bérard // Eretria. Fouilles et recherches III. – Bern: A. Francke AG Verlag, 1970. – 75 p.
161. Bérard C. Le sceptre du prince / C. Bérard // Museum Helveticum. – 1972 – Vol. 29. – P. 219–227.
162. Bérard C. Topographie et urbanisme de l'Erétrie archaïque: l'Hérôon / C. Bérard // Eretria. Fouilles et recherches VI. – Bern: A. Francke AG Verlag, 1978. – P. 89–94.
163. Bershadsky N. Pushing the Boundaries of Myth: Transformation of Ancient Border Wars in Archaic and Classical Greece. Unpubl. PHD thesis / N. Bershadsky – Chicago, 2013. – 442 p.
164. Bershadsky N. Impossible Memories of the Lelantine War / N. Bershadsky // *Mètis. Anthropologie des mondes grecs anciens*. 2018. №16. P. 191–213.
165. Blakeway A. “Demaratus”: A Study in Some Aspects of the Earliest Hellenization of Latium and Etruria / A. Blakeway // *JRS*. – 1935. – Vol. 25. – P. 129–149.
166. Blakeway A. The Date of Archilochos / A. Blakeway // *Greek Poetry and Life: Essays Presented to Gilbert Murray on His Seventieth Birthday* / Ed. by C. Bailey, E.A. Barber, C.M. Bowra, J.D. Denniston and D.L. Page. – Oxford: Clarendon Press, 1936. – P. 34–55.
167. Boardman J. Pottery from Eretria / J. Boardman // *BSA* – 1952. – Vol. 47. – P. 1–48.
168. Boardman J. Early Euboean pottery and history / J. Boardman // *BSA*. – 1957. – Vol. 52. – P. 1–29.
169. Boardman J. The Greek Overseas. Their Early Colonies and Trade – 3<sup>rd</sup> ed. – / J. Boardman – London: Thames & Hudson, 1980. – 290 p.

170. Boardman J. An Inscribed Sherd from Al Mina / J. Boardman // OJA. – 1982. – Vol. 1. – P. 365–367.
171. Boardman J. Al Mina and history / J. Boardman // OJA – 1990. – Vol. 9. – P. 169–190.
172. Boardman J. The excavated history of Al Mina / J. Boardman // Ancient Greeks West and East / Ed. by G. Tsetskhladze. – Leiden–Boston–Köln: Brill, 1999. – P. 135–162.
173. Boardman J. Greeks in the East Mediterranean (South Anatolia, Syria, Egypt) / J. Boardman // Greek Colonization. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol. 1. / Ed. by G. Tsetskhladze. Leiden–Boston: Brill, 2006. P. 507–534.
174. Boffa G. L'Insediamento Euboico a Pitecusa / G. Boffa // La Parola del Passato. – 1998. – Fasc. 299. – P. 144–161.
175. Bradeen D.W. History of Chalkis to 338 BC. unpublished PhD thesis / D.W. Bradeen – University of Cincinnati, 1947. – 256 p.
176. Bradeen D.W. The Lelantine War and Pheidon of Argos / D.W. Bradeen // TAPhA. – 1947 – Vol. 78. – P. 223–241.
177. Bradeen D.W. The Chalcidians in Thrace / D.W. Bradeen // AJP. – 1952. – Vol. 73. – P. 378–380.
178. Breitenstein Th. Hésiode et Archiloque / Th. Breitenstein – Odence: The University Pr., 1971. – 71 p.
179. Buchner G. Pithekoussai: oldest Greek Colony in the West / G. Buchner // Expedition. – 1966. – Vol. 8(4). – P. 5–12.
180. Burkert W. The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age / W. Burkert / transl. by M.E. Pinder and W. Burkert – Cambridge (Mass.) – London: Harvard University Press, 1995. – 225 p.
181. Burn A.R. Greek Sea-Power 776–540 BC and the "Carian" Entry in the Eusebian Thalassacracy-List / A.R. Burn // JHS. – 1927. – Vol. 47. – P. 165–177.

182. Burn A.R. The So-Called "Trade-Leagues" in Early Greek History and the Lelantine War / A.R. Burn // JHS. – 1929. – Vol. 49. – P. 14–37.
183. Bury J. B. Euboia before the Lelantine War / J.B. Bury // The English Historical Review – 1886. – Vol. 1. – №4. – P. 625–638.
184. Busolt G. Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia – Bd. I–III. – 2nd ed. / G. Busolt. – Gotha. 1893–1904.
185. Catling R.W.V. and Lemos I.S. Lefkandi II. The Protogeometric Building at Toumba. The Pottery / R.W.V. Catling, I.S. Lemos. – Oxford: Thames and Hudson, 1991. – 174 p.
186. Charalambidou X. Developments in Euboea and Oropos at the end of the «Dark Ages» (CA. 700 to the mid seventh century BC) / X. Charalambidou // The «Dark Ages» Revisited, Acts of an International Symposium in Memory of William D.E. Coulson, University of Thessaly, Volos, 14–17 June 2007. / Ed. by A. Mazarakis Ainian. – Volos: University of Thessaly Press, 2011. – P. 831–855.
187. Clay D. Archilochus Heros: The Cult of Poets in the Greek Polis / D. Clay – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. – 215 p.
188. Coldstream J.N. Geometric Greece, 900–700 BC. – 2<sup>nd</sup> ed. / J.N. Coldstream – London-New York: Routledge, 2003. – 445 p.
189. Coldstream J.N. Greek Geometric Pottery. A Survey of ten Local Styles and their Chronology. – 2<sup>nd</sup> ed. / J.N. Coldstream. – Bristol: Phoenix Press, 2008. – 502 p.
190. Corso A. The Portraiture of Archilochus / A. Corso // Hyperboreus. – 2007. – Vol. 13. – F. 1–2. – P. 11–30.
191. Crielaard J.P. Cult and Death in Early 7-th Century Euboea: the Aristocracy and the Polis / J.P. Crielaard // Nécropoles et Pouvoir. Idéologies, pratiques et interprétations. Actes du colloque Théories de la nécropole antique, Lyon 21-25 janvier 1995 / éditées par Sophie Marchegay, Marie-Thérèse Le Dinahet et Jean-François Salles – Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 1998. – P. 43–58.
192. Curtius E. Griechische Geschichte / E. Curtius – Bd. I. – Berlin, 1857.

193. D'Agostino B. The first Greeks in Italy / B. D'Agostino // Greek Colonization. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol. 1. / Ed. by G. Tsatskhelidze. – Leiden–Boston: Brill, 2006. – P. 201–237.
194. Davies J.K. The Historiography of Archaic Greece / J.K. Davies // A Companion to Archaic Greece. / Ed. by K.A. Raaflaub and H. van Wees. – Malden, Ma and Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. P. 3–21.
195. Davis T.A. Archery in Archaic Greece. unpubl. PhD thesis / T.A. Davis. – Columbia University, 2013. – 339 p.
196. Desborough V.R. d'A. The Greek Dark Ages / V.R. d'A. Desborough. – London: Benn, 1972. – 388 p.
197. Desborough V. R. D'A. The Background to Euboea Participation in Early Greek Maritime Enterprise // Tribute to an Antiquary. Essays presented to Mark Fitch / Ed. by F. Emmison and R. Stephens. – London: Leopard's Head Press Ltd., 1977. – P. 25–40.
198. Desborough V. R. D'A. The Dark Age Pottery (SM-SPG III) from settlement and cemeteries // Lefkandi I. The Iron Age. BSA Suppl. Vol. 11. / Ed. by Popham M.R., Sackett L.H. and Themelis P.G. – London: The British School of Archaeology at Athens, Thames and Hudson, 1980. – P. 281–354.
199. Descoeudres J.-P.: Zagora auf der Insel Andros: eine eretrische Kolonie? / J.-P. Descoeudres // AK. – 1973. – Hf. 16. – S. 87–88.
200. Docter R.F., Niemeyer H.G. Pithekoussai: the Carthaginian connection. On the archaeological evidence of Euboeo-Phoenician partnership in the 8th and 7th centuries B.C. / R.F. Docter, H.G. Niemeyer // APOIKIA. I più antichi insediamenti greci in occidente: funzioni e modi dell'organizzazione politica e sociale. Scritti in onore di Giorgio Buchner, Annali sezione di archeologia e storia antica. Dipartimento di studi del mondo classico e del Mediterraneo antico / a cura di Bruno d'Agostino, David Ridgway. – Napoli: Arte Tipografica, 1994. – P. 101–115.
201. Donlan W. Archilochus, Strabo and the Lelantine War / W. Donlan // TAPhA – 1970. – Vol. 101. – P. 131–142.

202. Donnellan L. The “Euboean” Koine: Reassessing Patterns of Cross-Cultural Interaction and Exchange in the North-Western Aegean Region / L. Donnellan // *Material Koinai in the Greek Early Iron Age and Archaic Period* / Ed. by Handberg S. and Gadolou A. – Athens: Aarhus University Press and The Danish Institute at Athens, 2017. – P. 43–63.
203. Dunbabin. T.J. The western Greeks / T.J. Dunbabin – Oxford: Clarendon Press, 1948. – 504 p.
204. Dunbabin T.J. The Greeks and their Eastern Neighbours / T.J. Dunbabin – London: Society for the Promotion of Hellenic Studies, 1957. – 91 p.
205. Duncker M. Geschichte des Alterthums. – Bd. 3. / M. Duncker – Berlin: Verl. von Dunker u. Humblot, 1856. – 632 s.
206. Duncker M. Griechische Geschichte. – Bd. I. / M. Duncker – Leipzig: Duncker & Humblot, 1888.
207. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien / N. Ehrhardt – Frankfurt am Main-Bern-New York: Peter Lang, 1983. – 588 s.
208. Euboica. L'Eubea e la presenza euboica in Calcidica e in Occidente. Atti del Convegno Internazionale di Napoli 13–16 novembre 1996 / a cura di M. Bats – B. d'Agostino. – Napoli: Centre Jean Bérard: Istituto universitario orientale, Dipartimento del mondo classico, 1998. – 428 p.
209. Fehling D. Zwei Lehrstuecke über Pseudo-Nachrichten (Homeriden, Lelantischer Krieg) / D. Fehling // *Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*. – 1979. – Bd. 122, Hf. ¾. – S. 193–210.
210. Finley M.I. Early Greece: The Bronze and Archaic Ages. 2-nd ed. / M.I. Finley – L.: W.W. Norton & Company, 1981. – 149 p.
211. Forrest W.G. Colonization and the Rise of Delphi / W.G. Forrest // *Historia*. – 1957. – Bd. 6. – Hf. 2. – S. 160–175.
212. Gardner P. A Numismatic Note on the Lelantian War / P. Gardner // *The Classical Review*. – 1920. – Vol. 34. – №5–6. – P. 90–91.
213. Garlan Y. War in the Ancient World: a social history / Y. Garlan – New York: Chatto & Windus, 1975. – 200 p.

214. Geyer F.P. Topographie und Geschichte der Insel Euboia im Altertum. Kap. 1 / F.P. Geyer – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1903. – 124 s.
215. Graham A.J. Colony and Mother City in Ancient Greece / A.J. Graham – New York: Barnes and Noble, 1964. – 259 p.
216. Graham A.J. Patterns in Early Greek Colonisation / A.J. Graham // JHS. – 1971. – Vol. 91. – P. 35–47.
217. Greaves A.M. Miletos. A History / A.M. Greaves – London–New York: Routledge, 2002. – 177 p.
218. Greco E. Pithekoussai: Emporion o Apoikia? / E. Greco // Annali di Archeologia e storia antica. – 1994. – №1. – P. 11–18.
219. Grote G. A History of Greece. – Vol. 1. / Grote G. – New York: W.L. Allison CO, 1892. – 788 p.
220. Gwinn A. The Character of Greek Colonization / A. Gwinn // JHS. – 1918. – Vol. 38. – P. 88–123.
221. Hall J.M. A History of the Archaic Greek World, ca. 1200–479. – 2<sup>nd</sup> ed. / J.M. Hall. – Oxford: Wiley Blackwell, 2014. – 366 p.
222. Harrison E. Chalcidice / E. Harrison // CQ. – 1912. – Vol. 6. – P. 93–103; 165–178.
223. Hasebröck J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte. / J. Hasebröck – Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1931. – 296 s.
224. Hatzopoulos M.B. Actes de vente de la chalcidique centrale / M.B. Hatzopoulos. – Athenes: Centre de recherches de l'Antiquité grecque et romaine – Fondation Nationale de la recherche scientifique, 1988. – 102 p.
225. Helbig W. Über die Einführungszeit der geschlossenen Phalanx / W. Helbig. – München: Verlag Der Königlich Bayerischen Akademie Der Wissenschaft, 1911. – 41 s.
226. Hermann K. Fr. Der Kampf Zwischen Chalcis und Eretria um das Lelantische Gefilde / K.Fr. Hermann // RhMPh. – 1832. – S. 84–97.

227. Heuss A. Die archaische Zeit Griechenlands als geschichtliche Epoche / A. Heuss // Zur griechischen Staatskunde / Hrsg. von F. Gschnitzer. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1969. – S. 36–96.
228. Holm A. Geschichte Siciliens im Altertum. – Bd. 1-3. / A. Holm. – Leipzig, 1870.
229. Huber S. Les Fouilles dans le Sanctuaire d'Apollon a Eretrie 1992 / S. Huber // AK. – 1993. – № 36. – P. 122–125.
230. Huber S. Un mystere resolu: Athena sur l'acropole d'Eretrie / S. Huber // AK. – 2007. – №50. – P. 120–129.
231. Huber S. Fouilles dans le sanctuaire d'Athena sur l'acropolr d'Eretrie / S. Huber // AK. – 2008. – №51. – P. 148–153.
232. Jacobsen T.W. Prehistoric Euboa. unpubl. PhD thesis / T.W. Jacobsen – University of Pennsylvania – Philadelphia, 1964.
233. Jacoby F. The Date of Archilochus / F. Jacoby // CQ. – 1941. – Vol. 35. – P. 97–109.
234. Janko R. From Gabii and Gordion to Eretria and Methone: the rise of the Greek Alphabet / R. Janko // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2015. Vol. 58. Iss. 1. – P. 1–32.
235. Jeffery L. The Local Scripts of Archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C. / L.H. Jeffery – Oxford: Clarendon Press, 1961. – 416 p.
236. Jeffery L. H. Archaic Greece. The city-states c. 700–500 B.C. / L.H. Jeffery – London: Methuen and CO LTD, 1976. – 272 p.
237. Knoepfler D. Argoura: un toponym dans la «Midienne» de Démosthène / D. Knoepfler // Bulletin de correspondance hellénique. – 1981. – Vol. 105. – P. 289–329.
238. Knoepfler D. Le calendrier des Chalcidiens de Thrace. Essai de mise au point sur la liste et l'ordre des mois eubéens / D. Knoepfler // Journal de savants. – 1989. – Vol. I. – №.1–2. – P. 23–59.

239. Knoepfler D. The Calendar of Olynthus and the Origin of the Chalcidians in Thrace / D. Knoepfler // Greek Colonists and Native Populations / Ed. by J.-P. Descoedres. – Oxford: Clarendon Press, 1990. – P. 99–115.

240. Knoepfler D. Le territoire d'Érétrie at l'organisation politique de la cité (démoi, chōroi, phylai) / D. Knoepfler // Acts of the Copenhagen Polis Centre IV / Ed. by M. Hansen. – Copenhagen: Commission Agent: C.A. Reitzels Forlag, 1997. – P. 352–449.

241. Knoepfler D. Le heros Narkittos et le systeme tribal d'Eretrie / D. Knoepfler // Euboica. L'Eubea e la presenza euboica in Calcidica e in Occidente. Atti del Convegno Internazionale di Napoli 13–16 novembre 1996 / a cura di M. Bats – B. d'Agostino. – Napoli: Centre Jean Bérard : Istituto universitario orientale, Dipartimento del mondo classico, 1998. – P. 105–108.

242. Κοντολέων Ν. Μ. Οἱ Ἀειναῦται τῆς Ερετρίας / Ν.Μ. Κοντολέων // Αρχαιολογική Εφημερίς. – 1963. – Τ. 102. – Ρ. 1–45.

243. Kraay C. Archaic and Classical Greek Coins / C. Kraay – London: Methuen, 1976. – 390 p.

244. Krause C. Zur Städtebaulichen Entwicklung Eretrias / C. Krause // AK. – 1982. – №25. – S. 137–144.

245. Krentz P. Warfare and Hoplites / P. Krentz // The Cambridge Companion to Archaic Greece / Ed. by Shapiro. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 61–84.

246. Lambert S.D. A Thucydidean Scholium on the “Lelantine War” / S.D. Lambert // JHS. – 1982. – Vol. 102. – P. 216–220.

247. Latacz J. Kampfparänese, Kampfdarstellung und Kampfwirklichkeit in der Ilias, bei Kallinos und Tyrtaios / J. Latacz – München: C.H. Beck, 1977. – 267 p.

248. Lefkandi I. The Iron Age. BSA Suppl. Vol. 11. / Ed. by Popham M.R., Sackett L.H. and Themelis P.G. – London: The British School of Archaeology at Athens, Thames and Hudson, 1980. – 134 p.

249. Lefkandi II: the Protogeometric Building at Toumba. Part 2. The Excavation, Architecture and Finds. BSA Suppl. Vol. 23. / Ed. by Popham M.R., Calligas P.G. Sackett L.H. – Oxford: The British School of Archaeology at Athens, 1993. – 101 p.

250. Lefkandi IV: The Bronze Age: The Late Helladic IIIC Settlement at Xeropolis. BSA Suppl. Vol. 39. / Ed. by Evely D. – London: The British School at Athens, 2006. – 350 p.

251. Lemos I.S. Euboean enterprise in the eastern Mediterranean: early import at Lefkandi / I.S. Lemos // *AJA*. – 1992. – Vol. 96. – P. 338–339.

252. Lemos I. Euboea and its Aegean koine / I. Lemos // *Euboica. L'Eubea e la presenza euboica in Calcidica e in Occidente. Atti del Convegno Internazionale di Napoli 13–16 novembre 1996 / a cura di M. Bats – B. d'Agostino*. – Napoli: Centre Jean Bérard : Istituto universitario orientale, Dipartimento del mondo classico, 1998. – P. 45–58.

253. Lemos I. Communities in transformation: an archaeological survey from the 12th to the 9th century BC / I. Lemos // *Pharos*. 2014. – Vol. 20. Iss. 1. – P. 163–194.

254. Lorimer H.L. The Hoplite Phalanx with special references to the poems of Archilochus and Tyrteus / H.L. Lorimer // *BSA*. – 1947. – Vol. 42. – P. 76–139.

255. Marek Ch. Euboea und die Entstehung der Alphabetschrift bei den Griechen / Ch. Marek // *Klio*. – 1993. Bd. 75. – S. 27–44.

256. Mazarakis Ainian A. Geometric Eretria / A. Mazarakis Ainian // *AK*. – 1987. – №30. – P. 3–24.

257. Mazarakis Ainian A. The form and structure of Euboean society in the Early Iron Age based on some recent research / A. Mazarakis Ainian // *Alle origini della Magna Grecia: mobilità, migrazioni, fondazioni. Atti del cinquantesimo convegno di studi sulla Magna Grecia, Taranto, 1-4 ottobre 2010*. – Taranto: Istituto per la storia e l'archeologia della Magna Grecia, 2012. – P. 71–99.

258. Mele A. I Ciclopi, Calcodonte e la metallurgia caldicese / A. Mele // Nouvelle contribution à l'étude de la société et de la colonisation eubéennes. – Naples, 1982. – P. 9–33.
259. Meyer Ed. Geschichte des Altertums. – Bd. II. / Ed. Meyer. – Stuttgart: Gotta, 1893. – 682 s.
260. Morris I. Burial and Ancient Society. The Rise of the Greek City-State. / I. Morris – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 262 p.
261. Morris I. Archaeology and archaic greek history / I. Morris // Archaic Greece: new approaches and new evidence / Ed. by N. Fisher and H. van Wees. – London: Duckworth, 1998. – P. 1–92.
262. Morris S. P. Bearing Greek gifts: Euboean pottery on Sardinia / S.P. Morris // Sardinia and Aegean Chronology: towards the resolution of relative and absolute dating in the Mediterranean / ed. Balmuth M.S. and Tykot R.H. – Oxford: Oxbow books, 1998. – 361–362.
263. Murray O. Early Greece. – 2<sup>nd</sup> ed. / O. Murray – London–Harvard: Fontana Press, 1993. – 353 p.
264. Nagy G. Homeric Questions / G. Nagy – Austin: University of Texas Press, 1996. – 180 p.
265. Niemeyer H.G. Phoenician or Greek: is there a reasonable way out of the Al Mina debate? / H.G. Niemeyer // Ancient West and East. – 2004. – Vol. 3. – №1. – P. 38–50.
266. Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 B.C. / R. Osborne – London–New York: Routledge, 2009. – 396 p.
267. Pamir H., Nishiyama S. The Orontes Delta Survey: Archaeological Investigation of Ancient Trade Stations/Settlements / H. Pamir, S. Nishiyama // Ancient West and East. – 2002. – Vol. 1. – №2. – P. 294–314.
268. Papadopoulos J.K. Euboians in Macedonia? A closer look / J.K. Papadopoulos // OJA. – 1996. – Vol.15. – P. 151–181.
269. Papadopoulos J.K. Phantom Euboians / J.K. Papadopoulos // Journal of Mediterranean Archeology. – 1997. – Vol.10. – P. 191–219.

270. Parker V. Untersuchungen zum Lelantischen Krieg und verwandten Problemen der frühgriechischen Geschichte / V. Parker – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. – 189 s.

271. Parker V. Zur griechischen und vorderasiatischen Chronologie des sechstens Jahrhunderts v. Chr. unter besonderer Berücksichtigung der Kypselidenchronologie / V. Parker // *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte.* – 1993. – Bd. 42, Hf. 4. – S. 385–417.

272. Perreault J.Y. Les emporia grecs du Levant: mythe ou réalité? / J.Y. Perreault // *L'Emporion. Publications du Centre Pierre Paris* 26. / Ed. by Bresson A., Rouillard P. – Paris: E. de Boccard, 1993. – P. 59–83.

273. Picard O. Chalcis et la Confédération eubéenne. Étude de Numismatique et D'Histoire (IV–I siècle) / O. Picard – Athènes: École française d'Athènes; Paris: Diffusion de Boccard, 1979. – 377 p.

274. Polignac F. de Cults, Territory and the Origins of the Greek City-State / F. de Polignac, trans. by J. Lloyd – Chicago & London: University of Chicago Press, 1995. – 187 p.

275. Popham M.R. Precolonization: early Greek contact with the east / M.R. Popham // *The Archeology of Greek Colonization: Essays Dedicated to Sir John Boardman* / Ed. by Tsetschladze G.R., De Angelis F. – Oxford: Oxford University Committee for Archeology, 1994. – P. 11–34.

276. Popham M.R., Hatcher H., Pollard A.M. Al Mina and Euboea / M.R. Popham, H. Hatcher, A.M. Pollard // *BSA.* – 1980. – Vol. 75. – P. 151–161.

277. Popham M.R., Hatcher H., Pollard A.M. Euboean exports to Al Mina, Cyprus and Crete: a reassessment / M.R. Popham, H. Hatcher, A.M. Pollard // *BSA.* – 1983. – Vol. 78. – P. 281–290.

278. Popham M., Lemos I. A Euboean Warrior Trader / M.R. Popham, I.S. Lemos // *OJA.* – 1995. – №14.2. – P. 151–157.

279. Popham M.R., Lemos I.S. Lefkandi III: the Toumba Cemetery. The Excavation of 1981, 1984, 1986 and 1992–94. *BSA Suppl. Vol. 29.* / M.R. Pop-

ham, I.S. Lemos – Oxford: The British School of Archaeology at Athens, 1996. – 209 p.

280. Popham M., Touloupa E., Sackett L. H. The Hero of Lefkandi / M.R. Popham, E. Touloupa, L.H. Sackett // *Antiquity*. – 1982. – Vol. 56. – №218. – P. 169–174.

281. Powell B. Homer and the Origin of the Greek Alphabet / B.B. Powell – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 280 p.

282. Powell B.B. Did Homer sign at Lefkandi? / B.B. Powell // *Electronic Antiquity: Communicating the Classics*. – 1993. – Vol.I. – №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://scholar.lib.vt.edu/ejournals/ElAnt/V1N2/powell.html>

283. Rankin H.D. Aristotle on Archilochus / H.D. Rankin // *L'antiquité classique*. – 1977. – T. 46. – F. 1. – P. 165–168.

284. Res Publica: история понятия / пер. с нем.; науч. ред. О.В. Хархордин – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – 280 с.

285. Richardson R. B. Excavation by the School at Eretria, 1891. I. Eretria: Historical Sketch / R.B. Richardson // *AJA*. – 1891. – Vol. 7. – №3. – P. 236–246.

286. Richardson R. B. Excavation by the School at Eretria, 1891. II. Inscriptions discovered at Eretria, 1891 / R.B. Richardson // *AJA*. – 1891. – Vol. 7. – №3. – P. 246–253.

287. Richardson R. B. The Temple in Eretria / R.B. Richardson // *AJA*. – 1895. – Vol. 10. – №3. – P. 326–337.

288. Richardson R. B. The Gymnasium at Eretria / R.B. Richardson // *AJA*. – 1896. – Vol. 11. – №2. – P. 152–165.

289. Richardson R. B. Sculpture from the Gymnasium at Eretria / R.B. Richardson // *AJA*. – 1896. – Vol. 11. – №2. – P. 165–172.

290. Richardson R. B. Inscriptions from Eretria / R.B. Richardson // *AJA*. – 1896. – Vol. 11. – №2. – P. 173–195.

291. Ridgway D. The First Western Greeks / D. Ridgway. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 180 p.

292. Ridgway D. Greek Letters at Osteria dell'Osa / D. Ridgway // *Opuscula Romana*. – 1996. – Vol. 20. – P. 87–97.
293. Ridgway D. Euboeans and others along the Tyrrhenian sea board in the 8<sup>th</sup> Century B.C. / D. Ridgway // *Greek Identity in the Western Mediterranean: Papers in Honor of Brian Shefton* / Ed. by Lomas K. – Leiden–Boston: Brill, 2004. – P. 15–34.
294. Roebuck C. Ionian Trade and Colonization / C. Roebuck – New York: Archaeological Institute of America, 1959. – 148 p.
295. Ruijgh C.J. D'Homère aux origines proto-mycéniennes de la tradition épique / C.J. Ruijgh // *Homeric Questions* / Ed. by J.P. Crielaard. – Amsterdam: J.C. Gieben, 1995. – P. 26–47.
296. Ruijgh C.J. Mycenaean and Homeric Language / C.J. Ruijgh // *A Companion to Linear B: Vol. 2* / Ed. by Y. Duhoux and A.M. Davies. Louvain-la-Neuve: Peeters, 2011. – P. 253–298.
297. Sackett L. H., Hankey V., Howell R.J., Jacobsen T.W., Popham M.R. Prehistoric Euboea: Contributions toward a Survey / L.H. Sackett, V. Hankey, R.J. Howel, T.W. Jacobsen, M.R. Popham // *BSA*. – 1967. – Vol. 61. – P. 33–112.
298. Salmon J.B. Political Hoplitēs? / J.B. Salmon // *JHS*. – 1977. – Vol. 97. – P. 86–101.
299. Salmon J. B. Wealthy Corinth. A history of the city to 338 B. C. / J.B. Salmon. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – 464 p.
300. Schaefer H. Staatsform und Politik. Untersuchungen zur griechischen Geschichte der 6. und 5. Jh. / H. Schaefer. – Leipzig: Dieterich, 1932. – 283 p.
301. Shear T.L. Koisyrā: Three Women of Athens / T.L. Shear // *Phoenix*. – 1963. – Vol. 17. – №2. – P. 99–112.
302. Shapiro H.A. Introduction / H.A. Shapiro // *The Cambridge Companion to Archaic Greece* / Ed. by H.A. Shapiro. – Cambridge: University Press, 2007. – P. 1–9.
303. Shipley G. A History of Samos 800–188 B.C. / G. Shipley – Oxford: Clarendon Press, 1988. – 352 p.

304. Snodgrass A. Early Greek Armor and Weapon / A.M. Snodgrass – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1964. – 280 p.
305. Snodgrass A. The Hoplite Reform and History / A.M. Snodgrass // JHS. – 1965. – Vol. 85. – P. 110–122.
306. Snodgrass A.M. Archaic Greece. The Age of Experiment / A.M. Snodgrass – Berkeley: University of California Press, 1980. – 189 p.
307. Snodgrass A.M. The nature and standing of the early western colonies / A.M. Snodgrass // The Archaeology of Greek Colonization: Essays Dedicated to Sir John Boardman / Ed. by Tsetskhladze G.R., De Angelis F. – Oxford: Clarendon Press, 1994. – P. 1–10.
308. Snodgrass A.M. The Dark Ages of Greeks: An Archeological Survey of the Eleventh to the Eighth Centuries B.C. / A.M. Snodgrass – London: Routledge, 2000. – 496 p.
309. Starr Ch. The Origins of Greek Civilization 1100–650 BC. / Ch.G. Starr – New York: Alfred A. Knopf, 1961. – 385 p.
310. Starr Ch. The Economic and Social Growth of Early Greece, 800–500 B.C. / Ch. Starr – New York: Oxford University Press, 1977. – 267 p.
311. Starr Ch. Individual and Community: The Rise of the Polis, 800–500 B.C. / Ch. Starr – N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1986. – 144 p.
312. Tausend K. Lelantische Krieg – ein Mythos? / K. Tausend // Klio. – 1987. – Bd. 69. – Hf. 2. – S. 499–514.
313. Tausend K. Amphiktyonie und Symmachie. Formen zwischenstaatlicher Beziehungen im archaischen Griechenland / K. Tausend – Stuttgart: Fr. Steiner, 1992. – 273 s.
314. Tiverios M. Greek Colonisation of the Northern Aegean / M. Tiverios // Greek Colonization. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas / Ed. by G. Tsetskhladze. – Vol. 2. – Leiden-Boston: Brill, 2008. – P. 1–154.
315. Tod M.N. A Selection of Greek Historical Inscriptions (Vol II): from 403 to 323 BC. / M.N. Tod – Oxford: Clarendon Press, 1968. – 343 p.

316. Vedder R. G. Ancient Euboea: studies in the history of a greek island from earliest times to 404 B.C., unpubl. PhD thesis / R.G. Vedder. – University of Arizona, 1978. – 291 p.
317. Verdan S. Geometric Eretria: some thoughts on old data / S. Verdan // *Mediterranean Archaeology*. 2012. Vol. 25. P. 181–189.
318. Vliet E.Ch.L. van der. Rev.: Parker V. Untersuchungen zum Lelantischen Krieg und Verwandten Problemen der fruegriechischen Geschichte. Stuttgart, 1997 / E.Ch.L. van der Vilet // *Mnemosyne*. – 2001. – Vol. 54. – Fasc. 1. – P. 114–118.
319. Vill E. Korinthetaika. Recherches sur l'histoire et la civilisation de Corinthe des origines aux guerres mediques / E. Vill – Paris : E. de Boccard, 1955. – 719 p.
320. Walbank F.W. A historical commentary on Polybius. – Vol. II. Commentary on Books VII–XVIII / F.W. Walbank. – Oxford: Clarendon Press, 1967. – 682 p.
321. Walker K.G. Archaic Eretria. A political and social history from the earliest times to 490 B.C. / K.G. Walker – London–New York: Routledge, 2004. – 345 p.
322. Wallace W.P. The Early coinages of Athens and Euboea // W.P. Wallace / *The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society*. – 1962. – Vol. 2. – P. 23–42.
323. Wallace W.P. The History of Eretria to 198 BC. Unpubl. PhD thesis / W.P. Wallace – John Hopkins University, Baltimore, 1936.
324. Wees H. van The Homeric way of war: The Iliad and the hoplite phalanx / H. van Wees // *Greece & Rome*. – Vol. 41. – 1994. – P. 1–17, 131–155.
325. West M.L. The Contest of Homer and Hesiod / M.L. West // *CQ*. – 1967. – Vol. 17. – P. 433–450.
326. West M.L. Studies in the Text and Transmission of the Iliad / M.L. West. – München–Leipzig: K.G. Saur, 2001. – P. 304 p.

327. Wheeler E. Ephorus and the Prohibition of Missiles / E. Wheeler // TPhA. – 1987. – Vol. 117. – P. 157–182.
328. Wiencke M.I. An Epic Theme in Greek Art / M.I. Wiencke // AJA. – 1954. – Vol. 58. – P. 285–306.
329. Woodard R.D. Greek writing from Knossos to Homer. A Linguistic Interpretation of the Origin of the Greek Alphabet and the Continuity of Ancient Greek Literacy / R.D. Woodard – New York and Oxford: Oxford University Press, 1997. – 304 p.
330. Woodhead A.G. The Greeks in the West / A.G. Woodhead – London: Thames and Hudson, 1962. – 243 p.
331. Woolley L.A. Excavation at Al Mina / L.A. Woolley // JHS. – 1938. – Vol. 58. – P. 1–30; 133–170.
332. Woolley L.A. The Date of Al Mina / L.A. Woolley // JHS. – 1948. – Vol. 68. – P. 148.
333. Zahrnt M. Olynth und die Chalkidier. Untersuchungen zur Staatenbildung auf der Chalkidischen Halbinsel im 5. und 4. Jahrhundert vor Christus / M. Zahrnt – Munich: Beck, 1971. – 280 s.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМА – Античный мир и археология. – Саратов.
- ВДИ – Вестник древней истории. – Москва.
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва-Магнитогорск-Новосибирск.
- AAA - Athens Annals of Archaeology. – Athens.
- AJA – American Journal of Archeology. – Boston.
- AJP – American Journal of Philology. – Baltimore.
- AK – Antike Kunst. – Basel.
- BSA – The Annual of the British School at Athens. – Cambridge.
- CQ – Classical Quarterly. – Oxford.
- FrGrHist – Jacoby F. Die Fragmente der griechischer Historiker. – Teil I–III / F. Jacoby. – Berlin: Weidman–Leiden: Brill, 1923–1958.
- JHS – Journal of Hellenic Studies. – London.
- JRS – Journal of Roman Studies. – London.
- OJA – Oxford Journal of Archeology. – Oxford.
- TAPhA – Transactions and Proceedings of the American Philological Associations. – Baltimore.

## ПРИЛОЖЕНИЯ

### Приложение №1. Карты Эвбеи.

#### 1.1. Карта Эвбеи.



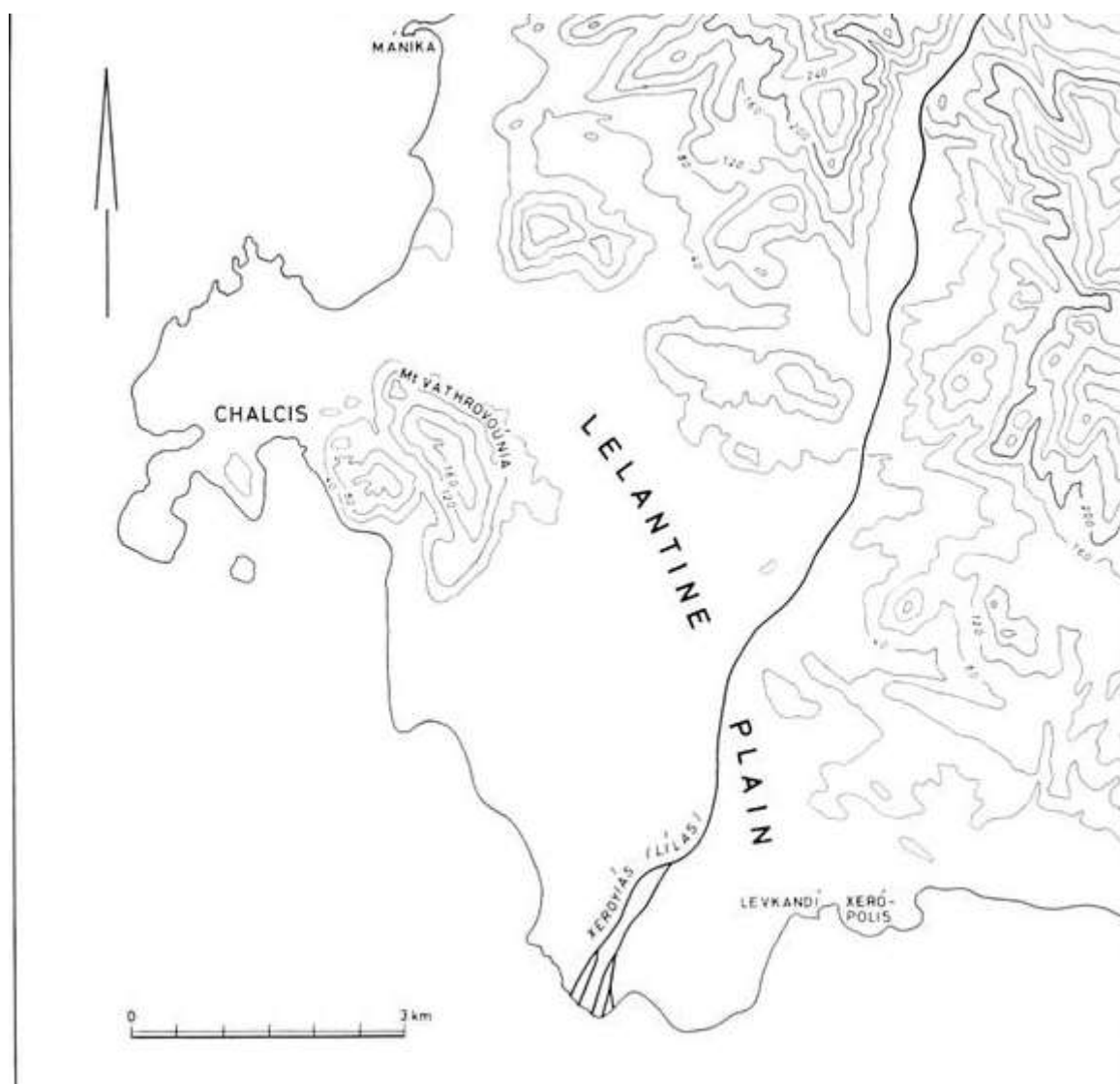
Источник: Walker K.G. Archaic Eretria. A political and social history from the earliest times to 490 B.C. London–New York, 2004. P. 1. (адаптация названий на русский язык наша)

## 1.2. Карта Эвбеи



Источник: Блог Antiquated Antiquarian [Эл. ресурс]. Режим доступа:  
<http://3.bp.blogspot.com/-vR8hFs1wBbE/VR6I26nXUAI/AAAAAAAAA7w/MCrATpsXRP0/s1600/map%2Bof%2Bthe%2BLelantine%2Bplain.gif> (2 декабря 2019 г.)

### 1.3. Карта Эвбеи



Источник: Bakhuizen S.C. Iron and Chalcidian Colonization in Italy // Mededelingen van het Nederlands Instituut te Rome. 1975. Vol. 37. P. 17.

#### 1.4. Карта Эвбеи



Источник: Google Maps [Эл. ресурс]. Режим доступа:  
<https://www.google.ru/maps/@38.4282315,23.7580725,14490m/data=!3m1!1e3!5m2!1e4!1e1> (2 декабря 2019 г.)

## Приложение № 2. Эвбейские монеты

### 2.1. Эретрийская дидрахма. 600–511 гг. до н.э. Горгонейон.



Источник: Catalogue of Greek Coins. Central Greece (Locris, Phocis, Boeotia and Euboea) / Ed. by B.V. Head. – London, 1884. Pl. XXII. 3.

### 2.2. Эретрийская тетрадрахма. 550–511 гг. до н.э. Горгонейон и голова быка.



Источник: Walker K. Archaic Eretria. New York, 2004. P. 13. F. 1.14.

### 2.3. Эретрийская тетрадрахма. V в. до н.э. Корова, чешущая себя и осьминог.



Источник: Catalogue of Greek Coins. Central Greece (Locris, Phocis, Boeotia and Euboea) / Ed. by B.V. Head. – London, 1884. Pl. XXIII. 8.

2.4. Халкидская дидрахма, до 507 г. до н.э. Архаическое колесо с поперечными спицами.



Источник: Catalogue of Greek Coins. Central Greece (Locris, Phocis, Boeotia and Euboea) / Ed. by B.V. Head. – London, 1884. Pl. XX. 5.

### Приложение № 3. Таблицы и надписи

#### 3.1. Таблица сопоставления греческих и финикийских знаков письма:

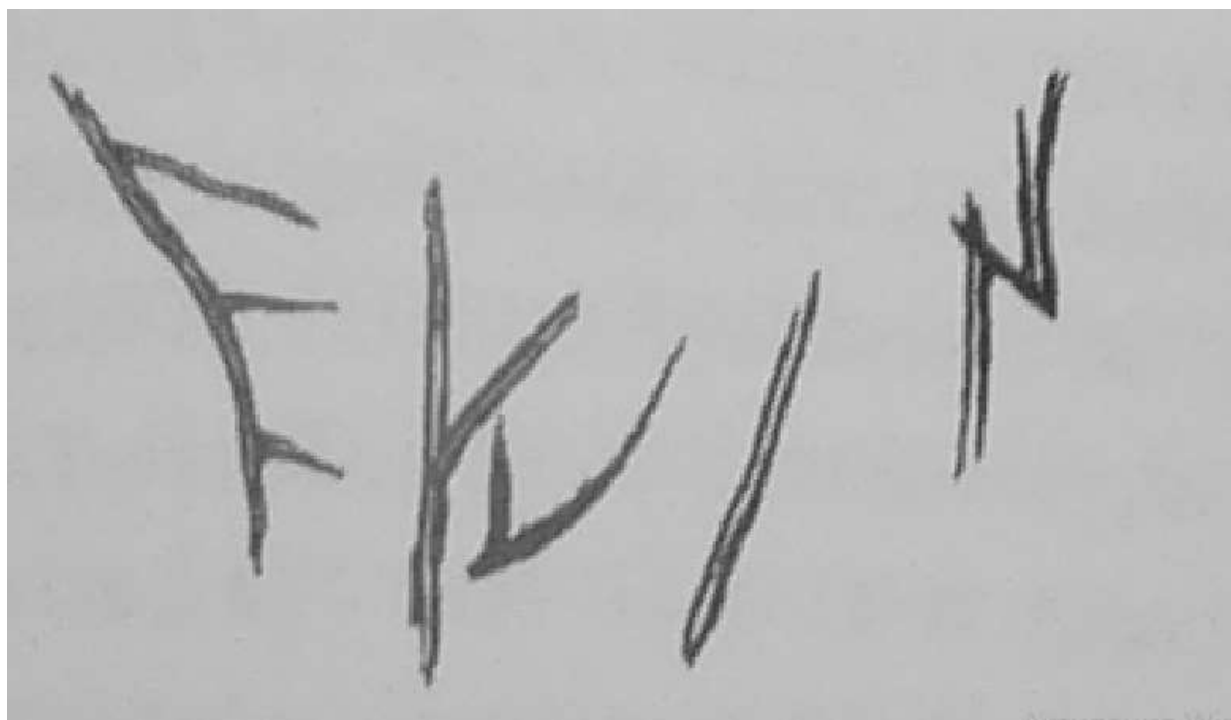
| Phoenician alphabet |        | Greek alphabet |              |
|---------------------|--------|----------------|--------------|
| Sign                | Name   | Sign           | Name         |
| 𐤀                   | 'āleph | Α              | alpha        |
| 𐤁                   | bēth   | Β              | bēta         |
| 𐤂                   | gīmel  | Γ              | gamma        |
| 𐤃                   | dāleth | Δ              | delta        |
| 𐤄                   | hē     | Ε              | epsilon      |
| 𐤅                   | wāw    | Υ, Ϝ           | wau, digamma |
| 𐤆                   | zayin  | Ζ              | zēta         |
| 𐤇                   | ḥēth   | Η              | ēta          |
| 𐤈                   | ṭēth   | Θ              | thēta        |
| 𐤉                   | yōd    | Ι              | iōta         |
| 𐤊                   | kaph   | Κ              | kappa        |
| 𐤋                   | lāmed  | Λ              | lambda       |
| 𐤌                   | mēm    | Μ              | mu           |
| 𐤍                   | nūn    | Ν              | nu           |
| 𐤎                   | sāmekh | Ξ              | xi           |
| 𐤏                   | 'ayin  | Ο              | omicron      |
| 𐤐                   | pē     | Π              | pi           |
| 𐤑                   | ṣādē   | Ρ              | san          |
| 𐤒                   | qōph   | Φ              | qoppa        |
| 𐤓                   | rēš    | Ψ              | rhō          |
| 𐤔                   | šin    | Σ              | sigma        |
| 𐤕                   | tāw    | Τ              | tau          |

### 3.2. Таблица раннегреческих эпиграфических алфавитов.

| origin (pl. & no. in Johnston 1990)<br>and sound-values of supplementals                  | sequence of alphabet<br>(shapes shown left to right) |
|-------------------------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------|
| Schøyen tablets (Scott <i>et al.</i> 2005) —                                              | αβγδεζηθικλμνξοπρστυφχψ                              |
| Eretria, shrine of Apollo (Kenzelmann Pfyffer<br><i>et al.</i> 2005, no. 3) X = ks, Ψ = χ | αβγδεζηθικλμνξοπ  ---                                |
| Etruria, S., Caere (pl. 48, 19) S/z/Σ/X = s,                                              | αβγδεζηθικλμνξοπρστυφχψ                              |
| Etruria, S., Viterbo (pl. 48, 22) Ψ = χ                                                   | αβγδεζηθικλμνξοπρστυφχψ                              |
| Etruria, S., Formello/Venii (pl. 48, 20)                                                  | αβγδεζηθικλμνξοπρστυφχψ                              |
| Etruria, central, Marsiliana (pl. 48, 18)                                                 | αβγδεζηθικλμνξοπρστυφχψ                              |
| Etruria, N., Siena (pl. 48, 23)                                                           | αβγδεζηθικλμνξο  ---                                 |
| Laconian? krater (pl. 39, 66) X = ks, Ψ = χ                                               | αβγδεζηθικ  ---  φστυφχψ                             |
| Metapontion (pl. 50, 19) X = ks, Ψ = χ                                                    | αβγδεζηθικλμνξοπρστυφχψ (sic)                        |
| Messapia, Vaste (pl. 53, 15) X = s, Ψ = ?                                                 | αβγδεζηθικλμνξοπρστυφχψ                              |
| Boeotian cup (pl. 10, 20) XΣ/ΨΣ = ks, Ψ = χ                                               | αβγδεζηθικλμνξοπρστυφχψ                              |
| Attica, Vari (Langdon 2005) XΣ = ks, X = χ                                                | αβγδεζηθικλμνξοπρστυφχψ                              |
| Corinth, Penteskouphia (pl. 20, 16) Ξ = ks,                                               | αβγδ εζηθικλμνξοπρστυφχψ ---                         |
| Corinthian aryballos (pl. 74, 2-3) X = χ                                                  | αβγδεζηθικλμνξοπρστυφχψXB                            |
| Samos, Heraeum (pl. 79, 7) Ξ = ks, X = χ                                                  | αβγδεζηθικλμνξοπρστυφχψωϕ                            |

Источник: Janko R. From Gabii and Gordion to Eretria and Methone: the rise of the Greek Alphabet // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2015. Vol. 58. Iss. 1. P. 20.

### 3.3. Древнейшая греческая надпись из Osteria dell'Osa



Источник: Ridgway D. Greek Letters at Osteria dell'Osa // Opuscula Romana. 1996. Vol. 20. P. 92.

#### Приложение № 4. Колонии Эвбеи

| Название колонии           | Метрополия                          | Приблизительная дата основания | Основные нарративные источники о колонии            |
|----------------------------|-------------------------------------|--------------------------------|-----------------------------------------------------|
| Колонии в Италии и Сицилии |                                     |                                |                                                     |
| Керкира                    | Эретрия                             | До 734 г. до н.э.              | Plut. Aet. Gr. 11 = Mor 293a-b.                     |
| Питекуссы                  | Эретрия, Халкида                    | ок 785 г. до н.э.              | Strabo V. 4. 9; Liv. VIII. 22; Dion. Hal. VII. 3.   |
| Кумы                       | Эретрия, Халкида, Кумы (эолийские?) | ок 750 г. до н.э.              | Strabo. V. 4. 4.                                    |
| Наксос                     | Халкида                             | Ок 734 г. до н.э.              | Thuc. VI. 3. 1; Strabo VI. 2. 2; Ps-Scymn. 273–274. |
| Катана                     | Наксос (на Сицилии), Халкида        | Ок 730 г. до н.э.              | Thuc. VI. 3. 2.                                     |
| Леонтины                   | Наксос (на Сицилии), Халкида        | Ок 730 г. до н.э.              | Thuc. VI. 3. 2.                                     |
| Регий                      | Халкида                             | 730–720 гг. до н.э.            | Arist. Polit. 2. 1274b.                             |
| Занкла                     | Кумы (италийские), Халкида          | 730–720 гг. до н.э.            | Thuc. VI. 4. 5.                                     |
| Колонии в Северной Эгеиде  |                                     |                                |                                                     |
| Менды                      | Эретрия                             | XII (?) в до н.э.              | Thuc. IV. 123. 1.                                   |
| Торона                     | Халкида                             | X (?) в. до н.э.               | Diod. XII. 68. 6.                                   |
| Мефона                     | Эретрия (эретрийцы с Керкиры)       | ок. 734 г. до н.э.             | Plut. Aet. Gr. 11 = Mor 293a-b.                     |
| Дикея                      | Эретрия                             |                                |                                                     |